

Протоиерей Димитрий Смирнов

Проповеди

Книга 2

«Проповеди 2»: Сестричество во имя преподобномученицы Великой княгини Елизаветы; Москва; 2002

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси АЛЕКСИЯ II

Память благоверного царевича Димитрия

Евангелие от Иоанна повествует нам о том, как "первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать?" Как будто они чувствовали угрозу, исходящую от Иисуса, угрозу всему укладу их жизни. Вдруг почва стала уходить у них из-под ног: то они были вождями народа, все их слушались, все почитали, уважали – и тут появляется некий Иисус, который в субботу имеет дерзость исцелять больных, творить чудеса. За Ним уже ходят тысячи народа, появились ученики. Он ничего не боится, ни перед кем не заискивает, говорит удивительные слова, и в этих словах чувствуется сила и правда. И трудно им было и невозможно, не отказавшись от своей жизни, от своих привязанностей, принять Его. Поэтому они собрались и стали решать, что делать. "Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом".

А какая связь, почему, если все уверуют в Него, должны прийти римляне? Каждый носитель власти всегда считает, что после него все рухнет. И фарисеи думали: если все уверуют во Христа, то перестанут веровать им и увидят, что можно, оказывается, спокойно прожить без этих фарисеев и книжников – значит, власть у них уйдет из рук, и тогда придут римляне.

Но "один из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ". На Каиафе, в силу его священства, была благодать Божия, которой он по своему естеству был недостоин. Ветхозаветная Церковь тогда еще обладала благодатью, и в силу своего первосвященства Каиафа произнес то, что оказалось пророчеством: "Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб". Эти слова, сказанные врагом Христа, объясняют все христианство. Лучше, чтобы один погиб, чем погибли все – универсальный принцип, на котором христианство стоит. Чтобы все не погибли, Христос умер за всех.

Это относится и к нам. Мы в нашей жизни сталкиваемся с различными людьми, и, если это столкновение доходит до какой-то высшей точки – вражда, драка, война, – часто вопрос встает даже в таком плане: жить ему или жить мне. И так в любом споре: либо он меня, либо я его. А Христос принес на землю новое правило: нет, лучше пусть он меня, чем я его. Лучше пусть он меня ударит, чем я его; лучше он меня обокрадет, чем я его; лучше все рухнет, чем я совершу грех. И если мы, я имею в виду христиан, всегда будем поступать по этому принципу, то христианство будет торжествовать, потому что будет торжествовать этот принцип самоотречения. Вот он меня раздражает, он меня искушает, но лучше мне потерпеть, принести себя в жертву. Пусть у меня внутри все кипит, но я не только словом, я даже взглядом не дам ему понять, как мне тяжело выносить то, что он мне говорит. И это есть смерть моя за него, потому что если я терплю его немощь, то тем исполняю закон Христов и уподобляюсь Христу.

Господь сказал: "Я посылаю вас, как агнцев среди волков". Христос умер первым за народ. И участь христианина – каждый раз умирать за ближнего, иногда буквально. Один святой сказал, что нужно жить так, чтобы быть каждый день готовым или причаститься, или умереть. Это, собственно, одно и то же, потому что святая Евхаристия – это встреча с Богом и смерть – тоже встреча с Богом. И надо нам учиться этот божественный принцип христианства исполнять в своей жизни всегда. Уничижая собственные желания, собственные чувства, потому что они нам часто диктуют совсем не волю Божию, а себялюбие; отказываясь от угождения себе ради ближнего, даже если он тысячу раз не прав. Поэтому Господь и говорит: "Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую".

Этот принцип, когда человек терпит обиду, скорбь, боль, поношение, ненависть, неправду, клевету и никак не мстит, помимо того что он благодатно действует на нашу душу, потому что этим терпением в ней попадают страсти обиды, ропота, печалования о своей судьбе, – помимо того этот замечательный принцип имеет совершенно потрясающую способность все вокруг обоготворять. Господь сказал: "Когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе". Если б Спаситель не распялся на Кресте, Он бы не привлек такое множество миллионов людей. Но именно крестная смерть этой поразительной жертвой своей обратила к себе сердца множества людей.

На каждого, кто в ответ на оскорбление встречает не ответную ненависть, а взгляд, полный любви и сочувствия, это действует ошеломительно и часто совершенно изменяет сознание обидчика. Как бы человек ни закоренел во зле, какой бы он ни был злодей, но если тот, которому он делает постоянное зло, будет непрестанно и неизменно с ним кроток, ласков, любовен, будет всегда иметь в сердце своем сочувствие к нему за то, что гложет его ненависть, – его любовь эту ненависть победит. Поэтому Господь говорит: "Мужайтесь: Я победил мир".

Мир, эту бездну страстей, в которой кипит человечество, можно победить только постоянно умирая, постоянно помня, что ты овца и участь твоя – не бодаться, не ругаться, не грызть зубами, а умирать, быть закланным, быть растерзанным. Поэтому, если ты христианин, ты должен сознательно на это идти. Кто-то же должен умирать, кто-то же должен спасти мир, кто-то должен жить, как это подобает. И Христос сотворил Себе новый народ – Церковь Божию – для того, чтобы он следовал Его учению, следовал предначертанной Им дорогой, умирал вместе со Христом. Умерщвлять себя, нашего ветхого человека, надо постоянно. Хочу съесть сверх меры, хочу выпить сверх меры, хочу кого-то обидеть, кого-то отругать – именно это наше "хочу", греховное "я", которое в нас действует, и надо умерщвлять.

И эта смерть будет не напрасной. Умерщвляя грех, мы будем становиться христианами, и не только становиться христианами, но и весь мир будем обоготворять этим подвигом. Вот Господь совершил подвиг, и этот пример очень заразителен. Мы видим мучеников, которые жили в первые века, сразу после Христа – они с радостью умирали, потому что у них перед глазами был Он, Христос. Но сейчас жертва Голгофская от нас отодвинулась во времени, и нам кажется, что это было когда-то давно. А она постоянно совершается и теперь, и мы можем тоже в этом участвовать. В этом цель нашего существования, потому что Господь сказал: "Вы – соль земли". А соль христианская действует только по принципу, который принес на землю Христос: умирай. К этому нас Господь призывает. Не надо себя жалеть, потому что, как ни жалея, ты только больше будешь расстраиваться. Нет, надо смело идти вперед, а Господь никогда не попустит нам испытать то, что сверх наших сил.

Как замечательно, что слова о том, что один должен умереть за народ, сказаны врагом Христовым, Каиафой. Даже враг признал – пусть это и помимо его воли произошло, но признал великую правду в том, что один жертвует собою для другого. Это всегда настолько прекрасно, настолько благородно, что люди не могут спокойно переносить эту великую славу подвига, они сразу желают ему подражать. Мы знаем сотни и тысячи примеров, как святые мученики обращали своих палачей. Или смерть невинного восьмилетнего отрока царевича Димитрия, память которого мы сегодня празднуем, – она так подействовала на русский народ, что он в самое смутное время сумел собраться воедино, и святой мученик Димитрий был как бы знаменем всего народа, и поляков отогнали, и Россия опять стала самостоятельной, опять стала крепким, сильным государством. Вот как невинное страдание делает из зверей ангелов.

И нам надо к этому готовиться. Это не значит, что надо будет обязательно идти на войну, грудью пулеметный дзот закрывать. Когда время придет, может быть, и это понадобится. Дело не в этом. Умирать надо постоянно – в своей семье, в магазине, на автобусной остановке, в общении с начальством, в общении с теми людьми, которые нас совершенно не понимают. Терпеть их немощь, относиться к ним с любовью, умирать за них – для того, чтобы торжествовал Христос, чтобы торжествовала Его правда в нашей жизни. Вера без дел мертва, и вот этими делами мы и должны показывать миру свою веру. Тогда мы будем истинными христианами, тогда мы будем воинами Христовыми. А так мы больше похожи на госпиталь, в котором лежат раненые, изломанные, искалеченные, ничего не могущие сделать с собой, беспомощные, которых надо только жалеть, ласкать, лечить, перевязывать.

А где же воины Христовы, где их искать, кто они? Мы должны быть этими воинами. Надо скорей залечивать свои раны и идти опять в бой. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 28 мая 1984 года

Всенощное бдение под Вознесение Господне

Представим себе, что в магазин, где продается двухсоттомник Всемирной литературы, придет китаец. Он увидит: стоят совершенно одинаковые книги, двести штук, и подумает: "На что люди такие деньги тратят?" Но если он придет второй и третий раз, то заметит, что книги эти чем-то друг от друга отличаются: одна желтенькая, другая красненькая, третья синенькая, четвертая беленькая. А в следующий раз он откроет том и увидит в нем буквы; возьмет другой том – и тут буквы, ничего не понятно. В десятый раз кроме букв найдет еще и картиночки. Смотришь, а в каждой книжке, оказывается, картинки разные. Потом он выучит русский язык, начнет читать – и выяснит, что не только картинки разные, а даже книжки все написаны совершенно про разное.

Так и с храмом: человек первый раз пришел – служба, второй – то же самое, в пятый раз пришел – уже начинает смутно какую-то разницу видеть: тогда батюшка был в красненьком, а сегодня в беленьком. В десятый раз он замечает: прежде что-то пели поспокойней, а сейчас вроде как поторапливаются; то все с цветочками стояли, а сегодня со свечками – уже отличие. Потом подумает: а может, мне вникнуть в это дело и, чтобы понимать, что тут творится, выучить язык?

Вот так каждая наша служба – внешне, на первый взгляд кажется, что все одно и то же, на самом же деле ни одной одинаковой нет. Каждая служба точно, один в один повторяется

больше чем через пятьсот лет – таков круг православного богослужения, великого индиктиона. Но чтобы в это вникнуть, нужно пройти путь от китайца до образованного русского человека. И неплохо бы нам научиться в наше богослужение вникать, потому что оно есть отражение реальных событий. Мы поем: "Днесь благодать Святаго Духа нас собра...", "Днесь спасения нашего главизна..." То есть каждый праздник – это не только воспоминание: вот, мол, две тысячи лет назад Христос вознесся на небо, и мы это торжествуем. Нет, Вознесение Господаечно. И мы через богослужение приобщаемся к этому событию.

Кто книжки когда-нибудь читал, знает, что читатель как бы погружается в мир, который изображен в книге, и перед ним возникают некие образы. Он совершенно не замечает самого процесса чтения: как буквы складываются в слова, слова – в предложения и так далее. Перед ним несутся картины, образы. Если писатель добропорядочный человек да плюс одарен талантом, то, погружаясь в эту книгу, в мир, который он создал своим талантом и воображением, мы приобретаем некую пользу. Если же мы читаем книгу, написанную нехорошим человеком, живущим неблагочестиво (особенно опасно, если он неблагочестив да плюс к тому еще талантлив), то мир, который он создал, – грязный, черный, и, переносясь в него своим воображением, мы пачкаем душу.

Созерцая богослужение, мы также в него погружаемся умом, переносимся в Иудею, в Иерусалим, в то место, где вознесся Господь, на гору Елеонскую, мысленно присутствуем при вознесении Господнем, созерцаем его. Поэтому Церковь настаивает на том, чтобы все благочестивые христиане непременно посещали все главные богослужения – чтобы умом созерцать эти вечные вещи, чтобы Христос для нас был не чем-то книжным, абстрактным, а мы бы реально ощутили Его присутствие. Все наше православное богослужение есть реальное участие в жизни Христа. Господь сказал: "Я с вами во все дни до скончания века". И в результате участия в богослужении (конечно, умного – не просто, по поверхности скользя, глядеть только, какого у кого цвета носки, а смотреть вглубь) перед нами будет открываться духовное созерцание, мы будем присутствовать и на горе Фавор, и в Вифлееме; и на Тайной вечере Господней будем присутствовать постоянно – участвовать во всех главных событиях Христовой жизни, которые Церковь назвала двенадцатыми праздниками.

Сегодня мы торжествуем одно из этих двенадцати важнейших событий в жизни Христа. Вот вознесся Христос на небо – ну вроде нам-то какая от этого польза? Наоборот, нам бы вроде лучше, если бы Он с нами пребывал, среди нас ходил. На самом деле в этом есть колоссальный догматический смысл. Христос был одновременно и Бог, и человек; и тем, что Он восшел на небо и воссел одесную (по правую руку) Бога Отца, Он вознес плоть нашу человеческую. И эта вот грешная человеческая наша плоть пребывает превыше ангелов, херувимов и серафимов и восседает на небесном престоле. Христос для этого и пришел на землю, чтобы нас так высоко вознести. Поэтому если мы будем причастны Христу, если мы будем причастны Его жизни, если в нас будет Его свет, если мы со Христом в нашей жизни соединимся навек, то и мы будем частью этого тела Христова. А тело Христово – это Церковь, и насколько мы причастны Церкви, настолько и вознесемся на небо.

Вот такой колоссальный по своей глубине смысл открывается нам в сегодняшнем богослужении. Поэтому будем всегда усердны в посещении наших православных праздников, будем стараться в них углубляться, просить у Бога помощи, чтоб Господь очистил ум наш, будем внимательно слушать, что поется и читается. И надо нам стараться каждое слово сознать; молиться Богу, чтобы Господь книги какие-то послал; у кого есть молитвенник, заранее посмотреть, какой тропарь праздника поется; все подготовить, чтобы служба для нас стала живым ощущением, живым общением с Богом. Тогда богослужение не будет тягостным, наоборот, нам захочется, чтобы оно никогда не кончалось.

Прежде, когда богослужение было для народа более понятным, люди русские стояли в храме часами. Один дьякон, араб, из Антиохийской церкви, в XVII веке был в Москве на службе, которую совершал патриарх Никон, и видел, как русские молятся. Он пишет: мы в три часа дня в храм вошли и только в десятом вышли; и холодно, и сыро, и пол чугунный, а весь народ стоит и молится, и царь вместе с ним; а потом еще патриарх на целый час проповедь закатил. Мы уже, говорит, все падали, а русские стоят. Отчего? Потому что каждое слово богослужения доходило до ума, и люди молились не ногами, а умом.

Когда человек молится умом, он от этого получает великую радость. Вот празднуем мы Преображение Господне – что это значит? Это значит, что мы умом возносимся на гору Фавор; вместе с Петром, Иаковом, Иоанном созерцаем Моисея и Илию, которые беседуют со Христом; и Петр восклицает: "Господи, хорошо нам zde быть!" Конечно, неужели захочется уходить с горы Фавор, неужели захочется уйти с Вознесения? Душа торжествует, видит, как Господь возносится – не глазами телесными видит, а глазами ума нашего, то есть души, потому что душа наша умная. Ум не в мозгу находится – в мозгу интеллект, – а ум находится в душе, это орудие души. Бог есть Слово, Логос Божественный, и человек, созданный по образу Божию, есть малый логос, малое слово. Поэтому человек через слово становится существом умным. Вот возьми младенчика, только рожденного, и помести его в какую-то среду, где он не услышит слова человеческого, – этот младенец никогда не сделается человеком, он станет животным, потому что у него не будет слова. Вот как важно слово в развитии нашей души. Поэтому нам надо стараться развивать в себе понимание слова Божия, которое открывается нам в богослужении.

Будем же благодарить Бога, что Господь не отвергает нас, а дает нам возможность участвовать в богослужении. И будем стараться пребывать здесь не как китайцы там или малайцы – мы все-таки русские люди, это ж наше все родное, кровное. Нужно нам стараться возвращаться в отчий дом, не лениться, вспоминать, как наши предки молились. Конечно, на первый раз кажется немножко трудно – славянский язык, какие-то необычные речевые обороты. Но это на первый раз только, а потом, немножко если напрячься, если дать своей голове, сердцу своему потрудиться, у нас будет все совершенно по-другому. Только надо постоянно в этом направлении трудиться. Не просто стоять зевать, о чем-то мечтать, а именно в каждое слово стараться вслушиваться. Ведь все равно устанешь, все равно ноги болят, так что трудись, трудись, чтоб и ум твой тоже трудился, назидался. И тогда будет от этого великая польза и великая радость. И богослужение для нас превратится в истинное торжество души нашей. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 30 мая 1984 года, вечер

Отдание праздника Пасхи

Христос воскрес!

Господь сказал: "Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света". И в другом месте: "Се, Аз с вами есмь во вся дни до скончания века". Он с нами пребывает – с теми, кто принадлежит к Церкви. Господь принес огонь на землю, свет, и Он страдал, чтобы этот свет разгорелся в сердцах людей. А сказанное Господом "доколе свет с вами" означает, что можно так жить, что света с нами не будет. Человек сам из своей души изгоняет свет, и тогда тьма заполняет все его существование. Почему же один пытается войти в свет, а другой, наоборот, его в себе гасит? Потому что он не верует настолько, чтобы идти путем Христовым.

А что значит "будете сынами света"? Можно быть сыном какого-то существа, и свет – это есть Сам Бог. Если мы будем веровать в свет и по нему жить, мы будем сынами света, то есть сынами Бога. Если мы будем исполнять заповеди Христовы, то станем наследниками Бога, Его сыновьями, то есть сделаемся уже Богу не чужими, а сродниками. И это наше сродство осуществляется через Иисуса Христа. Человек становится со Христом одним телом. А Тело Христово – это есть Святая Церковь. Когда человек причастен Телу Христову, причастен Церкви, он причастен Сыну Божию, он срастворяется с Ним и тем самым усыновляется Отцу, становится сыном Божиим.

Далее в Евангелии сказано: "Столько чудес сотворил Он перед ними, и они не веровали в Него, да сбудется слово Исаии пророка: Господи! кто поверил слышанному от нас? и кому открылась мышца Господня? Потому не могли они веровать, что, как еще сказал Исаия, народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их. Сие сказал Исаия, когда видел славу Его и говорил о Нем". Впрочем, в Евангелии повествуется, что многие из начальников "уверовали в Него; но ради фарисеев не исповедывали, чтобы не быть отлученными от синагоги, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию".

Какие возникают препятствия на пути человека к тому, чтобы ему стать сыном света? Во-первых, окаменение собственного сердца, ослепление душевных глаз и глухота духовная. Почему это бывает? Потому что человек вместо того, чтобы творить заповеди Божии, творит беззаконие. Господь дал нам вполне определенные заповеди, поскольку мы потеряли в сердце своем свидетельство об истине и нам понадобился теперь закон: вот это делай, вот это не делай. Вот так поступай – будешь блажен; а вот это не делай, потому что будешь смертен. Сами мы не понимаем, что нам делать, как нам быть. И надо нам учиться этому, потому что, пытаясь исполнять заповедь Божию, даже не понимая ее, мы постепенно как бы промываем свои глаза и очищаем свои уши для того, чтобы нам слышать слово Божие и видеть свет, исходящий от Пресвятой Троицы. Очищение нашего сердца и возможность его принять свет зависит от нашего покаяния, то есть исправления жизни по заповедям.

Есть и другое препятствие: многие веруют, но людей боятся. Вот как некоторые начальники иудейские уверовали, но в то же время не хотели и от синагоги быть отлученными. Они думали, что если вольются в Церковь Божию, то, значит, молва будет распускаться, а иудеи в большинстве своем ненавидели Христа, ненавидели нарождающуюся Церковь. Так же и у нас многие в Бога-то веруют, все признают, а в церковь ходить боятся: вроде все некогда, да что люди подумают. То есть что о нем люди скажут, для человека важнее того, что о нем скажет Церковь. Не угодить Богу человек не боится, а боится не угодить людям, и получается, что человекоугодие заменяет ему истинное богопочитание.

"Иисус же возгласил и сказал (то есть Он не просто повествовал, а это был возглас души Его): верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня. И видящий Меня видит Пославшего Меня. Я свет пришел в мир, чтобы всякий верующий в Меня не оставался во тьме. И если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир". Первое пришествие Христова совершено было Им для того, чтобы спасти людей. И во всеуслышание Господь заявил, что каждый, кто соединится со Христом через Святую Церковь, будет Сыном Божиим и наследует Царство Божие и вечное блаженство. Но это благовествование, эту благую весть, оказывается, нужно еще услышать, причем услышать ушами души.

При общении с нашими детьми мы часто замечаем: говоришь ему: "Ваня, не ходи туда!" – а он все равно идет. Значит ли это, что он глухой? Нет, не значит. А почему же он пошел? Потому что ушами-то тела он услышал, что ему мама сказала, а ушами сердца своего не принял это повеление. Вот так и Господь к нам обращается через Свои заповеди: "Васенька, не делай этого. Петенька, не пей. Наденька, не ругайся". Не завидуй, не прелюбодействуй, не кради, не мучь другого, чтѣ отца и мать – это заповеди Ветхого Завета. А заповеди Нового Завета: будь смирен, кроток, люби врагов своих. Господь к этому нас призывает, и ушами-то мы слышим, но не принимает Его слова наше сердце. Вот Господь говорит: "Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем". Человек это услышал, выходит из храма, а у него какие-то тяжелые обстоятельства дома или кто-то на него напал. И вместо того, чтобы смириться, он начинает огрызаться, на обидящего набрасываться; затевается какая-то ссора, ругань. Значит, телом-то, ушами телесными, он слышал, а ушами души – нет.

Это происходит от того, что нету в сердце покаяния, нет ощущения своей греховности. Поэтому можно в храме стоять и год, и два, и сорок лет, и пятьдесят, и шестьдесят – и ни на каплю, ни на йоту к Богу не приблизиться. Можно попусту класть поклоны, можно на сотни рублей свечей покупать, и все это окажется как мертвому припарки – до тех пор, пока не будет в сердце покаяния, пока не будет в сердце сокрушения о ежедневно содеянных грехах. Тогда глаза души и уши души раскроются; тогда мы услышим Господа; тогда слова Евангелия, заповеди Божии проникнут в наше сердце. В противном случае можно, конечно, заставить человека в храме себя прилично вести. Например, сказать: будешь еще разговаривать – выйдешь отсюда. Ну, на полчаса он замолчит, а потом немножко забудется – опять начнет разговаривать. Почему так? почему нет благоговейного поведения? Потому что человек не понимает, что он находится не на складе, и не в хранилище зерна, и не еще где-то, а он находится в храме Божиим, где присутствует Господь наш Иисус Христос; где присутствуют все силы небесные и устрашаются; где Матерь Божия и все угодники Божии стоят со страхом и трепетом... А человек деньги считает, он чего-то суетится, кого-то толкает, разговаривает.

Сердце грубое, не чувствует, где человек пребывает.

В таком огрублении сердца можно пребывать десятилетиями, и ничего не произойдет. Не проникает свет сквозь эту корку, которая окаменила сердце, – и душа поэтому впотьмах. Вроде и службу знаю, и "Отче наш" выучил, и Евангелие много раз читал, и все в порядке, но не воспринимает сердце. Поэтому недоступен такому человеку Бог, и не может быть он Им усыновлен, потому что телом он принадлежит Богу, а душой своей не Богу принадлежит, а чему-то еще. Наше тело умрет и останется на земле, а именно душа должна пойти к Богу. Но душа, которая покрыта каменной коростой, не может к Богу взойти, потому что этот камень ее тянет на дно, в преисподнюю. Поэтому невозможно ей вникнуть в Царствие Божие.

Царствие Божие есть Царство света. Возьмем деревянный ящик, выкрасим внутри черной краской и зашьем. Что будет в нем? Темнота. И этот ящик, полный темноты, принесем в светлую комнату и раскроем. Мы увидим, что там никакой темноты уже нет, ящик полон света. Значит, темнота исчезла. Вот почему не может темная душа в Царствие Божие войти – потому что ей придется там исчезнуть. Поэтому прежде, чем войти в Царствие Божие, нужно душу свою наполнить светом. Свет сродни свету. Поэтому если мы станем сынами света, то и вникнем в Царствие Божие.

Господь пришел не судить нас, а спасти. Он хочет всем нам даровать свет, научить нас вот этой светлой жизни, чтобы мы жили не впотьмах. И нужно постоянно трудиться над своей душой, постоянно возделывать, постоянно, кусочек за кусочком, от этого камня откалывать, чтоб пробить хотя бы маленькую брешь в толстой стене наших грехов, через которую свет сможет проникнуть в наше сердце – маленький сначала лучик. А когда свет воссиял, уже легче, уже мы видим, и можно это окошко расширять. А потом, может быть, мы совсем, по милости Божией, ту темницу, в которой заключена наша душа, разрушим. Поэтому каждый день, каждый час нам нужно стараться бороться со своим грехом. В противном случае наша жизнь пройдет бесполезно, наше хождение в храм окажется бесполезным, и все, что мы совершаем на земле, будет бесполезно. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 30 мая 1984 года

Вознесение Господне

Как выяснилось сегодня утром, некоторые не знают, что мы празднуем. Сегодняшний праздник называется Вознесение. Мы празднуем то событие, о котором сейчас читали в Евангелии от Луки: что Господь – после того как Он пребывал в течение сорока дней после Своего воскресения с учениками, являлся им время от времени, беседовал с ними, – вознесся на небо.

А на всенощном бдении мы читали у евангелиста Марка, как Господь явился ученикам и они, увидев Его, испугались, подумали, что это призрак. Тогда Господь говорит: можете Меня потрогать, это Я – и показал им руки и ноги, в которых были язвы от гвоздей. Но ученики еще сомневались, и Он спросил: есть ли у вас какая-нибудь еда? Они дали Ему кусок рыбы печеной и пчелиных сот, и Он перед ними ел, чтобы доказать, что Он не дух, а человек во плоти – только в другой, уже воскресшей. В этой самой плоти Господь Иисус Христос и вознесся на небо. Поэтому Святая Церковь Ему так и благодарна, что Господь нас всех соединил со Своею плотью. А если мы соединяемся с плотью Христовой, то тоже возносимся на небо вместе с Ним. Вот сегодняшнее Евангелие как раз поучает нас тому, что мы должны сделать, чтобы со Христом вознестись.

В Евангелии сказано: "Тогда отверз им ум к уразумению Писаний". Чтобы разуметь Священное Писание, нужно иметь отверстым ум. Нет такого языка на земле, на которое не было бы переведено Священное Писание. Нет ни одного писателя, поэта, ученого, философа, нет ни одной книги, которая бы издавалась столько раз, сколько Священное Писание. За границей даже в гостиницу любую приезжаешь – и в каждом номере лежит Библия. Пожалуйста. Священное Писание читают на земле миллиарды людей. Но читать – это одно, а разуметь – совсем другое.

Писание возможно уразуметь, только начав выполнять то, что оно требует от человека. Допустим, он прочел страничку и понял только что-то одно, например: кто меньше всех, тот

будет велик. И человек начинает перед всеми умяляться, старается не возвеличивать себя, а, наоборот, смиряться. Вот когда он начнет это в своей жизни исполнять, тогда ему сразу станет понятно еще и нечто другое. А когда он начнет и это исполнять, тогда станет понятно третье. В противном случае ему покажется, что он что-то понял, на самом же деле его чтение будет бесплодным и не даст понимания Священного Писания.

Священное Писание – это руководство в жизни: как жить, как думать, что говорить. Оно исправляет ум человека, поврежденный грехом. Господь сказал: "Так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима". Как написано, так и случилось: покаяние и прощение грехов проповедано от Иерусалима до самого Дальнего Востока, до Гренландии, Австралии, Новой Зеландии. Везде проповедано, что Господь пришел в мир не наказать нас, а призвать к покаянию; чтобы человек одумался и сказал себе: я живу неправильно. Понял бы, что он грешник.

А куда же ему свой грех деть? Вот он кого-то убил, допустим. Что теперь делать? Человек-то убит, и, сколько лбом пол ни расшибай, его уже не воскресишь. Или кого-то обидел. Уже обида нанесена, ее назад не возьмешь. Или, допустим, украл у кого-то. Ну можно это вернуть, но человек-то уже страдал, потерявши эту вещь, ему уже боль душевная нанесена. Как изгладить совершенное нами зло? Только одним способом: попросить прощения. Отец Небесный дал Сыну Своему власть прощать грехи, так как Он ходил в плоти человеческой и был Человеком. И Христос основал Церковь, которая есть продолжение Его жизни на земле. Он присутствует в Церкви невидимо, в каждом ее таинстве.

Когда мы подходим к исповеди и раскаиваемся в каком-то грехе, священник может не видеть, искренне мы каемся или нет, но Господь наше сердце видит, и мы получаем отпущение грехов. А если человек не кается, то, сколько над ним священник молитв ни читает, он отпущения грехов не получает. Поэтому отпущение грехов зависит от нашего покаяния: чем глубже мы каемся, тем глубже нам Господь прощает наши грехи. У того, кто не верует, не знает Христа, нет покаяния, ему некуда сбросить эту тяжесть, и грех в душе у него растет, пока гора грехов полностью его не раздавит. А христианин, который уверовал во Христа, уверовал, что Господь, оказывается, имеет власть его простить, только надо просить этого прощения, – может получить прощение грехов. Вот какую великую власть имеет Церковь христианская – власть прощать грехи, данную ей от Бога.

Господь сказал: "Вы свидетели сему. И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше". Иерусалим – город священный; в нем был единственный на всей земле истинный храм, в котором люди приносили жертву Богу. И вот если мы будем пребывать в храме Божием, то также сможем облечься силою свыше. Сила свыше – это Дух Святой. Через десять дней придет праздник Святой Троицы, или Сошествия Святого Духа на апостолов, Пятидесятницы. Каждый из нас в крещении тоже получил Святого Духа, но мы грехами своими изгоняем Его из сердца нашего. И неважно, согрешили ли мы мелко, крупно ли, средне ли. На самом деле мелких грехов нет. Ну какой грех больше – ударить человека по щеке или плюнуть в него? Одинаково человеку больно, одинаково обидно. Поэтому зарезал ли ты кого или просто в храм не ходишь, все грех. Если ты человека убил, то ты грех совершил и против Бога, потому что убил чадо Божие. А если в церковь не ходишь – тоже грех, потому что ты равнодушен к Богу. Господь за тебя кровь пролил, а ты не ходишь Ему молиться. Значит, ты так же пренебрегаешь Богом, как и человекоубийца, как и вор, только форма другая.

Не так важно, чем человек грешит, а важно, что он вообще грешит. Не так важно, чем человек болеет. Умереть-то можно и от инфаркта, и от пореза на пальце; можно умереть от инсульта, можно и от рака печени. А можно и в стакане воды захлебнуться – пил чай, поперхнулся, и конец. Какая разница, отчего? Главное само событие – человек умер. Также совершенно неважно, от какого греха твоя душа погибла: от того, что ты не молишься, от того, что осуждаешь, или от того, что ты людей проклинаешь. Нет маленьких грехов. Повесь человеку булыжник на грудь, брось его в пруд – он утонет. А возьми миллион маленьких песчинок, наполни мешок, повесь на шею и брось его в пруд – так же утонет. Что булыжник у него на шее, что мешок с песком – тяжесть-то одна. Поэтому бесчисленное множество так

называемых мелких грехов, которые душу нашу облепили, так же погубляют нашу душу.

Господь вывел учеников "из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их. И, когда благословлял их, стал отделяться от них и возноситься на небо. Они поклонились Ему и возвратились в Иерусалим с великою радостью. И пребывали всегда в храме, прославляя и благословляя Бога". Они пребывали непрестанно в храме и поэтому облеклись силою свыше. Почему только в храме можно облечься силою свыше? Ведь Бог-то везде: вышел в поле – там Бог, выехал в море – там Бог, на ракету сел, на Луну прилетел – и там Бог. Даже в аду крошечном – и там Бог, только не ощущаем теми, кто в нем пребывает. А почему только в храме мы можем благодать себе усвоить? Да потому, что Господь сказал: "Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них". Когда мы собираемся в церкви, Господь присутствует, потому что мы здесь совершаем таинства.

В церкви вообще все таинство – молитва, например. Стоит человек, осеняет себя крестным знамением и кланяется. Тот, кто никогда не видел православного христианина, скажет, что он с ума сошел, или гимнастику делает, или еще что-то. Это потому, что ему доступно только внешнее, а внутреннее – что в этот момент человек к Богу обращается, а Бог отвечает – он не видит; не видит этого разговора между человеком и Богом, а видит только обряд. В переводе на русский язык «обряд» значит "одежда". И что этот обряд обряжает, одевает? Некую невидимую часть происходящего. Покаяние видно глазами? Нет. Мысли человека видно глазами? Нет.

Человек подходит ко Кресту и Евангелию, кается в своих грехах, какие-то слова произносит – видно, как сердце его очищается? Нет, не видно. Священник покрывает его епитрахилью, читает над ним молитву. Внешне самое обычное действие, а что происходит в этот момент невидимо? Если человек называет грехи, но в них не кается, то как он пришел с черным сердцем, так с черным и ушел. Если человек подошел с пятью грехами, а раскаялся только в одном, значит, эта чернота чуть-чуть убавилась. Если человек подошел с пятью грехами, четыре исповедовал, а пятый утаил сознательно – чернота эта увеличилась вдвое. Одно дело не исповедовать по забывчивости, по неразумению – выпало у человека из головы или он не может еще раскаяться, не чувствует греха, – а другое, если человек сознательно утаивает грех, по разным причинам: стесняется, боится, еще какие-то у него глупые соображения. В таком случае грех становится сугубым, то есть двойным, увеличивается. И это все происходит невидимо для глаз, поэтому и называется таинством.

Основных таинств семь. Первое – крещение. Приносят маленького человека, или взрослый приходит и говорит: "Крестите меня. Верую во Святую Троицу, верую в Сына Божия, хочу начать новую жизнь, раскаиваюсь во всех грехах". Вышел священник, надел белую ризу, помолился над святой водой, воду освятил, трижды погрузил человека в святую воду: "Крещается раб Божий такой-то во имя Отца. Аминь. И Сына. Аминь. И Святаго Духа. Аминь". Что в нем изменилось? Внешне ничего не видно, а внутренне он получил отпущение всех грехов в купели крещения, стал чист, как будто ни одного греха никогда не творил, и получил залог Святаго Духа. А видно Святаго Духа в нем? Большинству не видно, потому что это произошло таинственно, невидимо.

Второе таинство, миропомазание, тут же после крещения совершается и есть сошествие Святаго Духа на нового христианина. Праздник Троицы, Пятидесятница – это сошествие Духа на апостолов, а миропомазание – Пятидесятница для каждого христианина.

Третье таинство – покаяние. Еще есть таинство брака. Приходят два человека – и вдруг молитвы почитали, венцы на них положили, благословили, вокруг аналоя с Крестом и святым Евангелием поводили; глядишь, они уже не просто какие-то чужие люди, а муж и жена. Вот это чудо: два совершенно посторонних человека становятся друг другу родными, роднее, чем мать, роднее, чем отец.

Следующее таинство священства. Выбирают человека, более-менее достойного для священнослужения, возлагает на него епископ руки, молится над ним – и что? Внешне вроде все то же самое; сделай ему рентген – ничего особенного не видно, все как у всех. Но таинственно в нем теперь присутствует благодать Божия, которая разрешает ему самому совершать таинства.

Есть еще таинство елеосвящения – соборование, как мы его называем, потому что оно

должно совершаться собором священников. Вот батюшку вызывают: надо пособоровать, болеет человек тяжело. Батюшка приходит, берет масло, над ним молится, потом этим маслом помазывает – и человек выздоравливает. Ну позови из универсама кого-нибудь, пусть купит масла подсолнечного, придет и больного помажет. Что он, выздоровеет? Почему такой же вроде мужик, из такого же мяса и костей, пришел помазал – и человек исцелел, а тот, из универсама, помажет – и ничего не будет? Потому что там произошло таинство, а здесь ничего.

Это присутствие невидимой части, благодать невидимую подает только Господь, и только в храме. Церковь есть хранительница благодати. Господь послал Своего Духа на святых апостолов, на Матерь Божию, на тех, кто был членом Церкви. Поэтому тот, кто уверовал во Христа, ходит в храм Божий, крестился, может стяжать благодать Божию, и может получить и прощение грехов, и из грешного стать святым, и очень много великих дел совершить с помощью этой благодати – не сам, а Господь. Но если мы хотим облечься силой свыше, нам нужно постоянно стремиться благодать Божию стяжать, потому что в храме можно тоже как пень стоять год-два-три и ничего не приобрести, можно и двадцать лет ходить и не знать, что Вознесение сегодня празднуется.

Стоит человек, о чем-то мечтает: вот огурцы должны подешеветь, вот то, вот это. Кто-то его толкнул – он свечку передал. Вот на канон что-то принесли – надо все поставить, чем-то пошуршать, записку написать, кому-то объяснить, где тут Казанская, где Никола – все вроде человек при деле. Запоют Символ веры – встанет, грудь вперед, и орет. Вот вроде и Символ веры знаешь, а смысл-то его доходит хотя бы до ума, я не говорю уже до сердца? Ну вот ты орешь на весь храм, а ум-то у тебя в этом присутствует? Нет, одна глупость, одно тщеславие, одно превозношение, одна суета. Почему же благодать мимо нас проходит? Потому что наше сердце не готово к ее принятию.

А как можно благодать Божию к себе привлечь? Только единственным способом: покаянием в грехах. Чем больше человек кается, чем покаяние серьезней и глубже, ответственной перед Богом, неформальнее, тем больше он приобретает благодати Божией. Если же покаяние формальное, а в жизни своей человек нисколько не исправляется, то это не есть покаяние, а только хула на Бога. Господь пришел на землю и сколько ходил, учил, проповедовал, исцелял; какие Он претерпел издевательства, заплевания, избиения; крестную смерть претерпел, положение во гроб! А когда воскрес – и тут учеников не оставил, и являлся им, и опять учил. Потом вознесся на небо и плоть человеческую вознес до самого неба, к престолу Отца Небесного. Но этого мало – послал Духа Своего Утешителя, чтоб Святой Дух пребывал в Церкви. И если после того добра и благодати, что дал грешнику Бог, человек еще имеет наглость жить так грешно, да имеет еще дерзость в грехах не каяться, да еще имеет такую леность, что в храм не ходит на праздник, посты не соблюдает – что же это получается? Это полное отвержение Бога. Ты за меня умер? Ну и ладно, ну и хорошо, а меня это не касается.

Вот купим в ювелирном магазине бриллиантовое кольцо тысяч за двадцать и наденем на поросенка. Ну что он в бриллиантах понимает? Скорее куда-то побежит и все по кустам растеряет. Почему? Да потому что он поросенок, потому что нет у него сознания, что ему дали высокий дар. Так и человек. Тот дар, который мы получили – крещение, – ни с чем нельзя сравнить, но мы становимся как бы вне этого дара. А от каждого посещения храма мы могли бы приобретать такую благодать Божию, которой просто даже невозможно уму вообразить. Помогите нам, Господи, скорее это понять. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 31 мая 1984 года

Воскресное всенощное бдение. Память мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры

Сегодня мы в воскресном Евангелии читали, что, когда жены-мироносицы возвестили апостолам о воскресении Христовом, те не поверили их словам. Сказано в Евангелии, что их слова были для них как ложь. Отчего в одном случае человек верит, а в другом нет? Это зависит от того, есть ли у него аналогичный опыт. Вот когда человек знает, что Земля по форме шар, ему очень легко понять, какой формы Луна. Но если он думает, что Земля плоская, как

блюдце, его ни за что не убедить в том, что Луна – шар.

Любая вера основана на опыте. Найдем в Африке какого-нибудь дикаря, покажем ему радиоприемник и скажем: вот сейчас мы нажмем на кнопочку, и ты услышишь человеческую речь – он ни за что не поверит. А когда радио заговорит, он очень удивится и получит некий опыт. И если ему потом кто-нибудь покажет другой ящичек и скажет: вот я сейчас нажму на кнопку, и ты увидишь изображение человека – он, уже имея аналогичный опыт, может поверить на слово.

Ученики Христовы никогда не видели, чтобы человек мог воскреснуть, у них не было такого опыта. Они были свидетелями, что Господь кого-то воскрешал, но чтобы человек сам, своей силою вдруг воскрес – это невозможно. И поэтому, когда жены-мироносицы говорили им о воскресшем Спасителе, они не могли поверить.

Всякая вера основана на реальном опыте, в том числе и вера в Бога. Если человек никогда в жизни не молился, то он, конечно, веровать в Бога не может. Но если человек хотя бы однажды о чем-то молился и Господь именно это ему и дал, тогда – пусть ему всю жизнь внушали, что никакого Бога нет, – у него появляется этот опыт (его иногда называют духовным опытом), человек уже не сомневается. Сколько его ни бей, сколько ни уговаривай, сколько ему книг ни подсовывай, где отрицается существование Бога, его разубедить нельзя. Как можно разубедить, когда у него есть живой опыт общения с Богом?! Что вы мне рассказываете, какие-то теории строите, когда я знаю, что Бог есть: достаточно помолиться.

Сегодня празднуется память святых сестер-мучениц Минодоры, Митродоры и Нимфодоры. Эти три молодые девицы ушли в пустынное место и там предавались молитве, посту, жили как монахини. Это было в начале четвертого века, тогда еще не было женских монастырей, но уже многие благочестивые люди уходили от мира для того, чтобы отдать себя Богу, потому что не находили в мире никаких радостей для себя. Один из даров, который сестры принесли Христу, – это их девство. Они не желали выходить замуж, отказывались от радостей супружества и от скорбей, которые с ним связаны, ради Христа, потому что Господь сказал, что кто может это вместить, тот вместит.

Неужели в браке есть что-то нечистое или нехорошее? Нет, конечно. "Брак... честен и ложе непорочно", как сказано в Писании. Но самой большой высоты в духовной жизни можно достичь только вне брака, потому что в семейной жизни, особенно женщина, вынуждена очень о многом заботиться: о муже, о детях, о доме, – а отдаться целиком духовной жизни просто нет возможности. Тому, кто хочет всю жизнь свою Богу посвятить, конечно, о супружестве лучше не помышлять, потому что придется эту любовь разделять между Христом и еще кем-то и чем-то. Поэтому многие люди, устремленные к Богу с детства, уходят в монахи. Монах – от слова "монос", "один", но не в том смысле, что он один во всем свете, сирота, а что весь он принадлежит Богу: есть только он и Бог.

Такие же были и эти три девицы. И они весьма преуспели в молитве, так что даже своей молитвой больных исцеляли. В то время было воздвигнуто гонение на христиан, и их схватили. А по закону каждый, кто исповедовал христианскую веру, должен был либо отречься от нее, либо быть убитым. Но конечно, они не хотели от Христа отречься, потому что Его любили. Правитель, который их схватил, сначала склонял их лаской, потом угрозами, а потом стал пытаться. Сначала старшую, Минодору, пытали, пока не убили. Последние ее слова были обращены с молитвой к Богу: "Господи, прими дух мой". Потом средней сестрички, Митродоры, подошла очередь. Правитель ей показал истерзанное тело старшей сестры. Она, конечно, скорбела, плакала, устрашалась – слабая девица; мы говорим: слабый пол, – но тем не менее от Христа все равно не отказалась и разделила участь Минодоры. Дошла очередь до третьей. Перед ней тела убитых сестер. Она самая хрупкая, самая маленькая – и тоже проявляет твердость и не соглашается отречься от Христа. Достаточно сказать: "Я в Христа не верую" – и все, ты будешь свободна, никто тебя не убьет. Даже можно просто солгать; в душе-то веровать, а на словах сказать: "Не верую". И уйти, и продолжать молиться. Но она этого не пожелала, и тогда ее тоже убили – били железным прутом до тех пор, пока она не умерла.

Когда мы читаем о мучениках, то удивляемся. У нас чуть что заболит, мы уже ноим. А как же могли такие хрупкие существа, иногда даже дети – мученицы Вера, Надежда и Любовь были просто маленькие девочки, – как же они могли выдержать такую злобу, такие пытки? Как

возможно, глядя на растерзанные тела своих собственных сестер, не ужаснуться, не поседеть, с ума не сойти? Откуда такая сила? И мы поневоле начинаем сомневаться: а было ли это? не придумано ли? может быть, кто-нибудь это сочинил? Хотя, конечно, сомнений быть не может, потому что римляне, которые мучили христиан, – это создатели права; даже современная юриспруденция в основе своей содержит римское право. И римляне уже в то время составляли протоколы. До наших дней дошли мученические акты, где подробно, скрупулезно записано, кто что говорил, описаны все мучения, которым подвергали христиан, и какие применялись пытки.

Эти мученические акты являются документами. Допустим, человек нам говорит, а мы не верим. Тогда он показывает бумажку, где написано: Петров, и печать. Так и мученические акты: в них документально показаны эти мучения, хотя нам и трудно в них поверить, поскольку у нас нет соответствующего опыта. Мы не в состоянии представить, как можно выдержать такие истязания.

Перенести и пытки, и любые страдания дает благодать Божия ("благодать" в переводе на русский язык значит благой, то есть исходящий от Бога, дар). Благодать – это присутствие Бога в человеке через нетварный, несозданный свет Божества. И она помогает человеку вытерпеть крест, который посылает ему Господь, чтобы возвести человека от земли на небо.

Господь как Сам распялся на Кресте и поэтому вознесся на небо и одесную Бога пребывает в теле Своем, так и человеку, чтобы его спасти, дает крест, каждому свой: кому болезнь, кому мучения за Христа. Мученичество – великий крест; оно возводит человека на наибольшую духовную высоту и дается не всем. Это удел только отдельных избранных, у которых действительно вся душа устремлена к Богу. Такой крест – величайшая награда человеку, и ее не каждый сподобляется.

Был такой случай, о котором рассказывается в житиях святых. Поссорились два христианина и расстались в ссоре. Потом начались гонения на Церковь, и одного из них схватили, долго пытали, и он все муки страшные вытерпел. Ему надлежало сделать последний шаг – на следующий день его должны были казнить. Когда его вели на казнь, к нему подошел брат, с которым он поссорился, и говорит: "Прости меня, мученик Христов". А тот ответил: "Не прощу тебя ни в этом веке, ни в будущем" – и когда пришел на место казни, то моментально испугался, исчезло его мужество. То есть он испытал страшные мучения, потому что благодать Божия была с ним, но, когда в последний момент отказался простить, нарушил заповедь Божию – благодать моментально отошла, и он стал обыкновенным человеком, сразу отрекся от Христа, и погибла его душа. Из таких сведений мы знаем, что страшные мучения и смерть за Христа можно вынести только по благодати Божией. И святые мученики, которые жили до нас, только благодатью Божией совершали великие подвиги терпения.

Мы много в своей жизни переносим всяких скорбей, то есть несем каждый свой крест. Без креста нет ни одного человека на земле. И чтобы легко нести крест Христов (как Господь говорит: "Иго Мое благо и бремя Мое легко есть"), который дает Господь, нужна благодать Божия. Почему люди с одной и той же болезнью бывают один в отчаянии, унынии, ужасе, а другой благодушествует и говорит: "На все воля Божия"? В силу того что благодать Божия в одном присутствует, а в другом нет. Если человек исполняет заповеди Божии, если имеет смирение, то Господь посылает ему благодать. Господь не лишает человека креста, потому что без креста спастись нельзя, но Он дает человеку благодать, чтобы все скорби перенести. И если у нас в сердце будет благодать Божия, мы те страдания, которые нам выпадают, перенесем очень легко, спокойно, стойко ради Христа, ради спасения души своей, ради того, чтобы нам избавиться от грехов.

В Писании сказано: "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать". Уже давно известно: кто громко себя хвалит, говорит, какой он сильный, какой могучий, хвастается своими подвигами, рассказывает о своих славных похождениях, тот, если случится какая-то критическая ситуация, сразу в кусты. А человек скромный, незаметный, который о себе не трубит, чаще всего оказывается мужественным. Что дает ему мужество? Смирение. А оно проявляется в скромности. Еще древними замечено: дикий ураган деревья толстые вырывает с корнем, а тростник нагнулся, ураган прошел – и он опять встал. Кто горд, кто превозносится, тот не может иметь благодати Божией, а кто не считает себя за что-то, как раз тому в трудную минуту Господь за его смирение помогает.

И надо нам стараться благодать Божию приобретать, то есть иметь в себе благой дар от Бога. Это, собственно, и есть цель христианской жизни. Но мы должны знать, что с каждым нашим грехом благодать от нас отходит, а когда мы заповедь Божию исполняем, она поселяется в нашем сердце. Если мы поступаем против заповеди Божией: допустим, приняли в ум свой какой-нибудь скверный помысел, не откинули его сразу, не помолились Богу о том, что он нам мешает, а рассматриваем его, он нас оскверняет – благодать отступает. Нет ничего страшнее ее потери, но мы этого не чувствуем, так как благодати, собственно, почти не знаем, иногда только какими-то краткими секундами во всей нашей жизни она нас осеняет. Кто крестился во взрослом состоянии, помнит тот короткий благодатный период после своего крещения, когда душа его очистилась и он пребывал в каком-то удивительном восторге, в неосознанном блаженстве.

Мы получаем благодать и через другие таинства. Когда мы подходим к исповеди и каемся в своих грехах, Господь видит наше покаяние и прощает нам грехи, тогда душа наша очищается и в это очищенное духовное пространство входит благодать Божия. И если наше покаяние истинное, мы отходим от исповеди совершенно другими, новыми людьми.

Благодать дается и в молитве, потому что когда мы молимся Богу, то находимся в Царствии Божием. Ведь Бог где? В Царствии Божием. И если молитва наша не рассеянная, а истинная и идет из глубины сердца, то мы стоим перед Богом, мы с Ним беседуем и получаем благодать.

Если мы исполняем какую-то заповедь Божию, например заповедь послушания – нам не хочется делать, а мы делаем, – то тоже получаем благодать. Часто благодать посещает нас после того, как мы сделали какое-то доброе дело ради Христа. Бывает, что мы измучены, нам трудно, у нас болит голова, но в нашем сердце мир, радость, и тишина, и отсутствие помыслов. Это свидетельство того, что нас посетила благодать Божия за наш труд, за нашу любовь, проявленную к кому-нибудь. И если мы на следующий день не растеряем ее, не прольем как через решето, а наоборот, потрудимся так же, то примем благодать на благодать, и она будет в нашем сердце прибывать.

Бог не только всемогущ, Он и бесконечен. Поэтому и рост благодати в сердце человека бесконечен. Как бы ни был облагодатствован человек, он может быть еще более благодатен. Как бы человек ни был свят, он может быть еще более свят. Но тот, кто хочет приобрести дар от Бога, должен войти в Церковь – не только ногами войти, а всем своим существом принадлежать Церкви. И здесь, приступая к таинствам, изучая слово Божие и воплощая слово Его в своей жизни, предстоя Господу в молитве, вкушать благодать, чтобы воочию увидеть, "яко благ Господь".

Крестовоздвиженский храм, 22 сентября 1984 года, вечер

Воскресное всенощное бдение

Поздравляю всех с Воскресением Христовым! Это главный церковный праздник. А еще каждые семь дней мы празднуем эту малую Пасху, потому что Христос воскресший есть наша Пасха, наш переход в новую жизнь. Накануне вечером читается Евангелие, которое рассказывает о воскресении. В сегодняшнем Евангелии от Марка говорится о том, что, "воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили. Наконец, явился самим одиннадцати, возлежавшим на вечери, и упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили".

Почему так произошло? Ведь Господь, когда ходил с учениками по Иудее, говорил, что Он для того и пришел, чтобы пострадать и воскреснуть в третий день. И вот Его распяли и к ученикам, которые собрались вместе и плакали и рыдали о своем Учителе, пришли люди и сказали, что Он воскрес, – причем не какие-то люди посторонние, а их же собратья, ученики, – а они не поверили. Конечно, Петр, Фома Близнец и апостол Иуда (не Искарот, а другой Иуда) знали Марию Магдалину и знали, как она любит Христа, но в то же время не поверили ей. И

когда Лука и Клеопа шли в Эммаус, встретили Господа, узнали Его в преломлении хлеба и тоже возвестили ученикам – они и тогда не поверили. И вдруг через какой-то месяц с небольшим эти люди, о которых еще в самом конце Евангелия от Марка сказано, что они не верили в воскресение Христово, расходятся по всему миру и проповедуют Христово Евангелие. И десять из них отдают жизнь на этом поприще, то есть жертвуют самым дорогим, что есть у человека.

Как же так может быть? Что произошло за этот короткий отрезок в пятьдесят дней? Произошло то, что они родились свыше: в день Пятидесятницы на них излилась благодать Святаго Духа, и они стали совершенно другими людьми, принципиально другими.

Господь сказал апостолам: "Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет". То есть значит, что если крещение принять без веры или, допустим, креститься, а потом веру потерять, то человек будет осужден. Кем осужден, Богом ли? Нет, самим собой. Но кто-то скажет: а чем я виноват, что не верую? меня папа и мама не научили. Оказывается, вера не всегда зависит от того, научили папа с мамой или нет. Многих людей очень скрупулезно вере учили, и они с детства знали "Отче наш". Мне недавно рассказали о женщине, которая в воскресной школе в отсутствие священника преподавала детям Закон Божий, то есть была не только верующей, но даже и законоучителем, а сейчас она совершенно не верует в Бога и в церковь ее не затащишь, хоть и старый уже человек.

Вера зависит от того, родился человек свыше или не родился. Что это означает? Все мы дети Адама, все происходим от одного человека. Но тем не менее о некоторых говорят, что они благородного происхождения. То есть был какой-то человек в их роду, который его прославил, и печать этого славного чем-то человека лежит на всем роде. Мало кто из нас знает, кто был наш прадед, мы в большинстве своем иваны, не помнящие родства, но печать рода, печать усыновления ему на нас лежит.

А рождение свыше – это печать усыновления человека Богом. Каждый живущий на земле находится в некоторых отношениях с Богом. Есть враги Божии, которые враждуют против Него. Есть люди, равнодушные к Богу, которые знают, что Он есть, но устраивают свою жизнь без Него. И есть еще люди, которые ищут Бога. Они чувствуют, что жизнь их протекает не по правде, и стремятся Бога найти. Но на этом пути встречается много тупиковых ситуаций; целые народы в поисках Бога забредали не туда. Не было на свете народа (в прошлом), который не имел бы никакой религии, потому что человеку это не свойственно. Человек – существо духовное, и он стремится к духовному. Каждая религия есть поиск Бога, и человек, ищущий Бога, примыкает к какому-то пути. Но Бог так высок, что, оказывается, Его найти нельзя до тех пор, пока Он Сам не выйдет навстречу Своему творению. Человек о Боге может иметь только самое смутное, искаженное грехом представление и в силу этого наделяет Бога тем, что носит внутри себя. Поэтому возникали различные ложные религии. Например, какой-нибудь шаманизм или древнее эллинское язычество, буддизм или индуизм, который искал Бога, а набрел на поклонение бесам.

Но христианство – это не религия, потому что Бог Сам пришел на землю и Сам дал Себя людям – дал потрогать Себя, дал Себя послушать, дал с Собой лично пожить. Вот мы славим сегодня Его Воскресение. Что Богу, Который создал всю бесконечную вселенную и Который гораздо больше ее, – что Ему было делать на земле? Зачем Он сюда пришел? Он пришел, чтобы умереть. Он знал, что Его приход на землю кончится смертью, и знал даже, какой смертью. Это все было в плане Божиим. Христос умер, чтобы людям, которые живут на земле, дать истину, чтобы они больше не заблуждались, ходя по путям, не искали себе никаких иных религий. И с Его приходом нужда в религии – этой попытке связать человека с Богом – отпала.

Что же делал Господь, ходя по земле? Он созидал Церковь. Он выбрал Себе из всего народа иудейского преданных Ему мужей и жен. Возникла иерархия: трое самых приближенных апостолов – Петр, Иаков и Иоанн, потом остальные из двенадцати, потом семьдесят. Каждый следующий круг был немножко дальше от Христа. Лука, который шел в Эммаус, был от семидесяти. Также и Марк, чье Евангелие мы читали, тоже не входил в число двенадцати самых близких учеников, а в число семидесяти. И Господь этих людей учил Царствию Божию; учил их тому, что Он есть Сын Божий, сшедший с небес, и что если они облечутся силою свыше и будут веровать в Его Воскресение, то станут Ему братьями. И раз они

станут братьями Христу – а Христос есть Сын Божий, – то они таким образом усыновятся Богу Отцу, то есть будут детьми Божиими. Если считается высоким происхождение от какого-то великого полководца, художника, писателя, то сколь выше благородство происхождения от Бога, звание Сына Божия! И Господь создал Церковь, чтобы из людей создать новый, духовный род.

Человек двухсоставен: он и духовный, и телесный. Духовное вечно, оно неистребимо. А все телесное, что есть у человека, через семьдесят-восемьдесят лет умирает и становится пищей червям. Мы все, иваны, не помнящие родства, забыли своих сродников по плоти. Кто были наши предки в восемнадцатом веке, семнадцатом, пятом, втором, в десятом до нашей эры – мы этого не знаем, все это потеряно. И вот Господь дает нам новое родство, не по плоти, а по духу, то есть по духу усыновляется человек Богу. Так как Бог есть Дух, то и родство в Церкви – духовное. Господь создал новую, духовную семью, чтобы после смерти она не была отвержена от Бога, чтобы души людей не убегали в бесконечность, в холодное адское пространство, а, наоборот, приближались к Богу.

По какому же принципу человек усыновляется Богу? Начало усыновления – рождение в вечную жизнь, то есть крещение. "Иже веру имеет и крестится, спасен будет". Мы знаем, что каждый человек после своего рождения на земле проходит некоторые определенные стадии своего бытия. Сначала, в младенчестве, он полностью зависит от своих родителей: хотят – обижают, хотят – жалеют, хотят – кормят, хотят – не кормят, хотят – ведут в церковь, хотят – к цветному телевизору или могут просто пойти пивка попить и его с собой прихватить. То есть ребенок раб, он не имеет собственной свободы воли. Когда он подрастает, его воля начинает развиваться, и он становится в другие отношения с родителями: отношения торговли. Скушай вот это, тогда я тебе дам вон то. Будь послушен, тогда я тебе на ночь почитаю. Убери за собой тарелку, тогда мы пойдем с тобой летом в зоопарк. Отношения "ты мне – я тебе". Потом наступает третья стадия, когда человек уже действует по своей свободе. Он либо хочет знать отца с матерью, либо не хочет. Хочет – с ними общается, не хочет – не общается; хочет – к ним в гости приходит, не хочет – не приходит; хочет – слушает их советы, а хочет – поступает наоборот; то есть он полностью свободен.

И в духовной жизни то же самое. Когда человек начинает веровать, он проходит три стадии развития. Первая стадия – раб: человек боится Бога. Бог его как бы заставляет приходить в церковь: болезнь какую-нибудь попустит, несчастье, и человек оказывается словно насильно приведенным в церковь. Он здесь ничего не понимает, ничего не слышит, ему здесь тяжело, душно, ему здесь странно, дико, но он все-таки стоит, потому что нуждается в Боге, как ребенок нуждается в родителях. Каждый день в храме половина таких людей, которые были притащены кем-то или чем-то: или каким-то обстоятельством, или каким-то человеком, или по чьим-то молитвам. Иногда человек сам не знает почему: шел мимо и вдруг зашел.

Потом, когда он постоит в храме день, два, три, месяц, у него что-то начинает проясняться, он сквозь мутную завесу постепенно различает какие-то тени образов, отдельные слова богослужения. Он начинает молиться Богу и видит, что молитвы его исполняются. Вот он просит Бога, и Господь ему дает; он еще просит, Господь опять дает. А потом вдруг он просит, а Господь не дает. Тогда человек пытается с Богом войти в какие-то отношения: давай так, я Тебе свечку поставлю, а Ты мне дай вот это; я Тебе пожертвую то-то, а Ты мне дай, что я прошу. Человек начинает думать: что-то, видимо, я недостаточно делаю, буду-ка каждый день Евангелие читать по две главы или по десять поклонов класть. То есть он вступает в стадию слуги: Ты мне – я Тебе.

И вот, если эта стадия кончается благополучно, начинается третья – стадия сына, когда человек уже не может жить вне Бога. Он не может ни вздохнуть, ни слова сказать, не может никакое дело сделать без благословения Божия и всего себя, всю свою жизнь отдает Богу, то есть становится истинным сыном Божиим, который всегда помнит о Боге и всегда находится со своим Отцом. К сожалению, этого не все достигают. Но Царствие Божие наследуют именно достигшие этой стадии сына, потому что в семью божественную, которая пребывает на небесах, могут войти одни дети Божии. Только они могут войти в этот дом, в горний Иерусалим, где царствует Христос, – только те, кто родился свыше и вырос в этой божественной семье, среди святых.

Как же стать из раба, из слуги сыном Божиим? Это связано с жертвой. Благородство вообще связано с жертвой, и благородным мы называем только такой поступок, когда человек жертвует чем-то своим или самим собой ради другого. Высшее по благородству совершил Сам Господь, Который отдал на убийство собственного Сына, чтобы из нас, таких грешных, никчемных, глупых, создать Себе семью, чтобы нас назвать сынами. Кто из нас, чтобы породниться с соседом, выбросит своего сына или дочь из окна? Безумный поступок. А Господь совершает это "безумие": отдает на растерзание собственного Сына, чтобы нас усыновить. И Сын Божий нисходит на землю добровольно, Он добровольно становится жертвой за нас.

Что же, какая жертва Богу от нас нужна? Свечи ли? записки наши? рубли? Но Бог всемогущ, Он может вообще всю землю сделать бриллиантом, что Ему стоит? Он создал всю вселенную, такую прекрасную, такую сложную, такую непознаваемую, что ученые только руками разводят. Так, с краешку науки что-то там люди исследуют, копаются, приоткрыли чуть-чуть эту завесу тайны бытия и создания мира; всякие гипотезы, предположения строят, а там, за этими предположениями, – мир необъятный, прекрасный. Господь, конечно, ни в чем не нуждается, но жертвы Богу были совершаемы человеком с самого начала человеческой истории. Он делился с Богом тем, что он имел. Вот на охоте забивал, допустим, пять оленей, брал самого лучшего, самого тучного, самого прекрасного и сжигал на костре. На, Господи, я знаю, что Ты его мне дал. Это Ты так устроил, что я наткнулся на этого оленя, и вот я его сжигаю, потому что он – Твой. Добровольно отдавал самого лучшего, а не то что: на Тебе, Боже, что нам негоже.

Кто Библию читал, тот знает, что первая жертва принесена была Каином и Авелем, сынами Адама. Так как они были отвержены от Бога, потому что Адам согрешил и изгнан был из рая, то решили принести Богу жертву умилоствления, жертву благодарности, которой они засвидетельствовали Богу свою любовь. Но у Авеля Бог жертву принял, а у Каина – нет.

Почему одна жертва принимается, а другая нет? Почему один свечку ставит, и Господь дает по его молитве и за его жертву то, что он просит, а другому не дает? В чем здесь дело? Свечка-то одна и та же, за тридцать копеек. А дело в том, что Бог смотрит на сердце человека – с каким сердцем принесена жертва. Он не смотрит, сколько человек в копилку засунул: миллион (скрутил миллион бумажек и положил) или последние две копейки. Господь не на это смотрит, не на количество, а смотрит на то, с каким сердцем это сделано, с какой любовью к Богу, с каким желанием, с каким пониманием своего бытия.

Господь пронизывает взглядом каждого из нас, и Он знает нас досконально: знает, на что мы способны, знает все наши грехи, все наши помыслы, знает то, что мы будем делать через пять минут. Все Господь знает, и только жертву сына Он принимает во всей полноте – жертву, идущую из глубины сердца. Неважно, в чем эта жертва выражается: либо в том, что человек поклоны делает; либо в том, что он нищему подает (не просто так, а именно ради Христа, подает как бы Самому Христу) или еще что-то делает. Потому что любое действие, когда человек отказывается от чего-то своего: берет свои собственные двадцать копеек и отдает, – это жертва. И Господь смотрит, какова эта жертва, сколько в ней милости содержится, или это дань, чтобы отвязаться. Господь смотрит на то, как это сделано.

Понятно, что один сын может приносить истинную жертву Богу. Слуга только торгуется, все время думает, как бы не прогадать, как бы не передать, и лишь истинный сын для матери и отца отдаст все, лишь истинный сын Божий может принести истинную жертву Богу. А какая же жертва нужна Богу? Бог Сам это открыл в Своем откровении. Он сказал так: "Даждь Мне, сыне, твое сердце". Богу нужно, оказывается, наше сердце, потому что, как Господь говорит еще: "Приближаются Мне людие сии усты своими и устнами чтут Мя; сердце же их далече отстоит от Мене". Господь хотел бы, чтобы сердце каждого из нас стремилось к Нему, а у нас должного стремления часто нету, оно не соответствует тем благодеяниям Божиим, которые на нас сыплются как из рога изобилия.

Господь все нам дал. Во-первых, мы родились на свет Божий. Ведь мы могли не выжить, нас могла мама во чреве своем угробить. Мы могли умереть сразу после рождения; и масса детей так: родились, недельку поживут и помрут. Или мы могли умереть некрещеными. Вот умер человек недельный, не успели его крестить – и он, возможно, никогда не увидит света. Но

с нами этого не произошло. Более того, у нас есть пища, у нас есть одежда, у нас есть земля, у нас есть ноги, которыми мы по ней ходим, даже есть транспорт, чтобы по ней ездить. У нас есть все: и свобода, и достаточно здоровья, и у нас есть великий дар Божий – разум, для того чтобы мы познавали Бога.

На секунду представим, какими мы вышли из утробы матери: маленькими, сморщенными, красненькими, ничего не понимающими и только беспомощно ручками и ножками болтающими. А теперь? То, что мы сейчас из себя представляем, не наша заслуга, такими нас взрастил Господь. Поэтому ничего своего, никакой заслуги в том, чем мы являемся и что имеем, у нас нет. И если каждый из нас всего себя, всю жизнь до капли своего ума, своего здоровья, своего времени – все это отдаст Богу, это будет лишь равноценная жертва. Но даже и тогда мы не выкупим себя, потому что нет ничего дороже жизни, и ее нам дал Господь. То есть ничем нельзя, оказывается, отплатить Богу за его добро к нам, ничем. Поэтому от Бога нам никак нельзя отделаться, нельзя сказать: вот, Господи, я в воскресенье в храм сходил, и все, будь спокоен, я Тебе то, что должен, дал, Ты меня больше не трогай.

Нет, мы перед Богом являемся постоянными должниками, потому что та жизнь, которую Он уготовал сынам Божиим, никак нами не может быть "заработана". Она не может быть заслужена, даже если мы будем в тысячу раз прекраснее и благороднее, чем есть сейчас. А мы ведь почти ничем от скотов не отличаемся, потому что ищем только своего: своего удовольствия и своего покоя. А чтобы собой немножко пожертвовать ради другого? У нас этого нет, то есть нет свойств благородных в нашей душе, мы все ищем только себе радости, и часто за счет другого, ценой чужих слез. Но даже если мы свое себялюбие все-таки победим с помощью благодати Божией и войдем в Царствие Божие, то все равно не будем этого достойны, это все равно будет дар Божий.

И нам нужно стараться свою жизнь устраивать так, чтобы она вся представляла из себя жертву Богу. Когда человека крестят, ему на голове крестообразно подстригают волосы в знак первой жертвы Богу. Вот человек стоит, и у него ничего нет с собой, только крест и рубашка, которая наготу его прикрывает; и первое, что он делает – приносит в жертву Богу то, что он может сейчас, в данный момент дать. С этой жертвы начинается для него духовная жизнь, отношения с Богом, которые есть постоянная жертва.

И только так, постоянно жертвуя, можно стать сыном Божиим, только так можно достигнуть усыновления. Стать из раба сыном можно только приучая себя к жертве. А мы по существу своему люди совсем далекие от жертвенности, но, наоборот, жадные: нам жалко времени своего, нам жалко своих сил, мы любим жить за счет другого, мы любим властвовать, повелевать: ну-ка, пойдя сюда, ну-ка, дай мне – это мы любим, а чтобы самому пойти и дать кому-то, от этого мы стараемся увильнуть. И так постоянно, на любом уровне: в отношениях с женой или с мужем, в отношениях с папой или с мамой. Какой ребенок с радостью пойдя выносить мусорное ведро? Таких, может быть, два на всю Москву, на десять миллионов человек.

Мы созданы для неба, но совершенно к этому не готовы. И вот Господь принес Свою страшную жертву на Кресте, распялся, чтобы нам показать, что нужно делать. Нужно приносить жертву – тогда ты будешь истинным сыном Божиим; тогда ты узнаешь, что такое Воскресение; тогда на тебя сойдет благодать Божия. Потому что благодать Божию можно ощутить только тогда, когда ты будешь жертвовать: когда тебе не хочется молиться – но ты все равно приносишь свое время и силы в жертву; когда ум твой направлен на грех – а ты все равно его вперяешь в Бога; когда тебе хочется сделать зло, причинить ближнему страдания – но ты скорее принесешь страдания себе, чем ближнему.

Конечно, это хрестоматийный пример, но разве Александру Матросову, когда он грудью своей заслонил пулемет, было охота умирать? Думаете, это приятно, когда пули тебя пронзают? А почему он это сделал? Чтобы этот пулемет не застрелил тех, кто был за ним. Человек пожертвовал собой ради других. Или мамочка, когда хочет спать, а ребеночек орет, капризничает, противничает – она же встает, старается его как-то утихомирить, насколько терпения хватает. Это ведь тоже жертва любви. Она любит его, поэтому жертвует своим сном, своим покоем. Могла бы две подушки положить на ухо и не слышать или седуксен принять и спать, но нет, она так не делает, она все-таки встает. Что ей движет? Любовь.

А у нас у всех любви к Богу нет. Там, где должна быть любовь к Богу, у нас мертво, ничего нету; мы любим только себя – абсолютный эгоизм. Как же научиться Бога любить? Нужно жертвовать: отдавать Богу больше времени, больше внимания, больше молитвы; каждый день, каждый час нужно посвящать Богу. Тогда Господь, видя наше такое старание, даст нам в сердце любовь к Нему, и тогда мы действительно получим усыновление. Усыновление и любовь к Богу – это всегда дар с неба. Вот сидели апостолы расстроенные, в печали – но нисходит на них Дух Святой в виде огненных языков и перерождает их, потому что они были готовы принять этот дар.

Господь все сделал, чтобы нас к Себе взять. Он хочет не расставаться с нами, и Он о каждом из нас заботится. Почему мы не видим Бога? Не потому, что Его нет, не потому, что Он далеко, а потому, что мы слепые, бесчувственные и, как Господь в Евангелии сказал, жестокосердные; сердце жесткое-жесткое, туда ничего не проникает. Как же сердце можно разжалобить? Оно умягчается только жертвой. Постоянно жертвовать собой ради другого, ради Бога. Вот так приучая себя, мы постепенно раскроем свое сердце для любви и тогда получим дар с неба – любовь, получим дар с неба – благодать Святого Духа, получим усыновление. Тогда мы станем членами святой Церкви, семьей божественной; тогда Христос нам будет братом, тогда Матерь Божия действительно нам станет Матерью. Вот цель пришествия Христа на землю, и вот цель создания Его Церкви. Церковь создана, чтобы мы, живя здесь, общаясь друг с другом, общаясь в молитвах со святыми и с Богом, приучались к той жизни, которая ждет нас на небесах. Это как бы проекция на землю жизни небесной, это есть подготовка наша к вечности. Поэтому, как говорится, сколько в церковь ходим, столько в Царствии Божием и побудем. Только она нас может научить, ничто другое: никакие книги, никакие ученые, никакие ораторы; только благодать может научить – когда человек подставляет свое сердце под эту благодать, когда он не закрывает свое сердце от милости Божией.

Господь так сказал: "Милости хочу, а не жертвы". Не нужно Богу ничего от нас. Ему нужно только, чтобы у нас сердце было милостивое, чтобы он было мило к Богу, чтобы оно было мило к людям, мило ко всякой твари, чтобы это сердце не искало своего. Вот как апостол Павел пишет: "Любовь не ищет своего". Возьмем отношения матери и дитяти: мать не ищет, не ждет от дитя ничего себе, а всю себя, все свое существо отдает ребенку. Или перепелочка: лиса подходит, и она прикидывается раненой и лису отводит, жертвуя собой, иногда в когти попадает. Вот так надо жертвовать собой ради вечности.

Не надо очень высоко ценить временное, потому что это преходящее. Какую бы ты на себя шубу ни надел, все равно пройдет сколько-то лет – и истлеет твоя шуба. Даже бриллианты затеряются в чужих карманах, даже самые прекрасные крепкие дома – и те разрушаются, и самые долголетние жители Абхазии – пройдет двести лет, и все равно умрут. Ничто плотское не вечно, ради этого не стоит жить. Потому что это тлен, это временно. Видимый мир когда-то был задуман Богом как нечто прекрасное, а сейчас его ценность потеряла тот великий изначальный смысл, потому что Адам согрешил и Господь уже создал новую семью, духовную.

Нам с вами открываются два пути: путь света, радости, любви – путь к Богу; и путь отвержения Бога – холод, мрак, жестокосердие, постоянное пребывание в собственном эгоизме, жизнь адская. Каждый день мы выбираем, куда идем, и надо просто подумать: ну чего ты в жизни достиг? Да будь ты хоть министром, будь у тебя сколько угодно денег, жен, всякой всячины, все равно с этим придется расставаться. Неужели стоит ради этого даже палец о палец ударить? Нет, не стоит; игра не стоит свеч. А вот вечность – стоит!

Господь хочет любви. Он не хочет нас палкой, как рабов, загнать в Царствие Божие. Он просто нам показывает: смотрите, какая красота! Вот Евангелие, открывай на любом слове и читай. Такая красота ни из одной книги не льется, только отсюда! Что может быть подобно ему? Самых замечательных писателей всех времен и народов почитай – по сравнению с Евангелием это кажется разжиженным сиропом, сладкой водой. А в Евангелии каждое слово истинно, оно проникает в самое сердце, в самую глубину. Смотри, радуйся, дыши! Вот что тебя ждет, если ты пойдешь этим путем – путем жертвы, и самоотречения, и благородства.

Царствие Божие – Царствие людей благородных, у которых Отец – Бог. А ад – это царство сатаны, потому что сатана неблагородное существо, злое, завистливое, нахальное и пакостное. И если мы служим сатане, мы тоже становимся злыми, завистливыми и пакостными;

становимся людьми, которые желают себе только временного блага, только что-то за счет другого урвать, нажиться, попить чью-то кровь, бросить, растоптать и потом дальше. Сатана этим и живет – злобой, ненавистью. И мы – к чему мы склоняемся? Ко всяким грехам, грешкам...

А образ Христа – это ясное и видное всем самопожертвование, любовь, красота, ум. Все самое выдающееся, что можно нам вообразить, есть во Христе. И неужели можно еще что-то другое выбрать? Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 1984 год

На зачало о Марфе и Марии

Сегодня мы слышали всем нам знакомое евангельское зачало о Марфе и Марии. Этот отрывок из Евангелия от Луки читается в церквах уже сотни лет на все Богородичные праздники. А так как слово Евангелия неоскудеваемо, каждое новое поколение христиан на протяжении всей своей жизни черпает оттуда все новые и новые сокровища Божией премудрости.

Пришел Господь в некое селение, где жили две сестры, Марфа и Мария. Зайдя к ним в дом, Он, по Своему обычаю, стал проповедовать Евангелие Царствия Божия. Марфа скорее бросилась хлопотать о приеме дорогих гостей, "заботилась о большом угощении", а Мария села у ног Учителя и, забыв о своих обязанностях хозяйки, стала внимательно слушать. Марфа, естественно, возмутилась, и ее раздражение распространилось и на Самого Иисуса Христа: "Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне". Что, дескать, она тут расселась, не видит разве, что гости пришли, что надо и воды подать, и еду приготовить, да и постели застелить? Господь же "сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно".

И хотя эти женщины жили почти за две тысячи лет до нас, их душевные проявления свойственны и нам. В каждом из нас есть и Марфа, и Мария. Марфа – наша многопопечительность о материальном плане бытия, а Мария – это стремление нашей по природе своей христианской души припасть к стопам Спасителя и слушать Его слова. И вот здесь часто происходит разлад. К сожалению, Марфа пытается каким-то образом подавить Марию. Как часто наши заботы, суета отодвигают на задний план, теснят молитву, духовное чтение, помощь ближним. Мы все устраиваем, покупаем, лечимся, копим... Так много дел, что и люб вроде некогда перекрестить.

Подумать, какие страшные слова: "некогда помолиться". Ведь время, которое человек провел вне молитвы, назидания Священным Писанием или чтением духовных преданий, вне исполнения заповеди Христовой, безвозвратно потеряно. Это время человек не живет, ибо жизнь, с точки зрения христианской, есть общение с Богом, молитва в широком значении этого слова. И если человек не обращается к Богу, не предстоит Ему непрестанно, тогда его жизнь превращается в полную бессмыслицу, так как цель жизни – богообщение, а жизнь без цели пуста, как цветок без завязи – пустоцвет. Поэтому если человек теряет память о Боге хотя бы на секунду в течение дня, то эта секунда прожита зря.

Надо ли трудиться? Надо! Это повеление Господне. Нужно ли кормить семью, воспитывать детей? Непременно, ибо апостол говорит: "Кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного". Труд, наша земная жизнь, наши земные старания не есть что-то богопротивное. Что же противно Богу в высказывании Марфы, почему мы слышим в словах Спасителя хотя и ласковый, но все же укор? Потому что она пытается ущемить духовное стремление.

Но не случайно Марфа и Мария родные сестры. И без телесного труда никакой чисто духовной жизни быть не может. В этом нам дают пример все святые, которые были величайшими тружениками. Поэтому, если человек ленится содержать дом в чистоте, ленится отдавать силы воспитанию детей, ленится работать, эта лень так же вредна, как и лень к молитве, к чтению книг духовных, лень к совершению добрых дел.

Труд и молитва – две родные сестры, и у них не должно быть никаких конфликтов и противоречий. "Сие надлежит делать, и того не оставлять". Необходимо, чтобы Марфа и Мария

в нашей душе жили как родные сестры, то есть весь наш обыденный труд надо стремиться превратить в духовное делание. "Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию". Тогда молитва наша не прекратится, тогда и в домашних хлопотах мы будем Богу предстоять, а вся наша жизнь превратится в непрестанное богослужение. Мы будем Богу служить и мыслями, и словами, и делами – всей своей жизнью, каждым своим вздохом. И пока этого не произойдет, в нашей душе будет постоянный конфликт между Марфой и Марией.

Господь – Создатель красоты, гармонии. Прекрасна вселенная, изумительно красива Земля, каждый клочок ее, великолепны животные, птицы, насекомые. Прекрасен был человек до грехопадения, сотворенный как соработник Богу в создании красоты. Но человеку, отпавшему грехом от Бога, чтобы создать что-либо прекрасное, помимо таланта, данного Богом, нужно употребить очень много труда. Симфонию сочинить – труд, роман написать или картину – труд, дитя воспитать, дом построить, хлеб вырастить, ближнему помочь – все труд. Но самый большой труд – труд духовный по воссозданию с помощью Божией утраченной внутренней духовной красоты и гармонии.

В достижении этой гармонии и единства между Марфой и Марией, пребывающими в нашем сердце, и состоит правильное духовное устройство и подлинная христианская жизнь. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 1984 год

Третье обретение главы Иоанна Предтечи

Христос воскрес!

Господь говорит: "Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей". Спаситель не удивлялся тому, что иудеи хотели побить Его камнями; обращаясь к ним, Он сказал: "Много добрых дел показал Я вам (как Он Иоанну через учеников ответил: "Слепые прозревают и хромы ходят, прокаженные очищаются... мертвые воскресают", или накормил пятью хлебами пять тысяч человек), за которое из них хотите побить Меня камнями?" То есть Господь взывал к их разуму, но иудеи Его аргументы отменяли.

Так в мире всегда происходит. Спросишь иного русского человека, который Церковь ненавидит: откуда у тебя такая ненависть? Кто тебе письменность дал? Церковь. Кто твою архитектуру создал? Церковь. А музыку, а живопись? А кто из диких племен возмужал в восточную христианскую цивилизацию? Тоже Церковь. Все более или менее прекрасное, созданное на нашей земле, – это плоды деятельности Церкви. Но человек на это отвечает: нет, вот Джордано Бруно... Хотя этот Джордано Бруно ни к нашей Церкви, ни к какой вообще отношения не имеет, потому что был еретиком и по закону того государства, где он жил, должен был быть сожжен на костре – как любой человек, выступивший против власти, в любом государстве получит то же самое: где электрический стул, где расстрел, где еще что-то.

Человек почти никогда не подчиняется голосу разума, а подчиняется голосу своего сердца. Есть в русском народе очень хорошая поговорка, которая отражает самую суть дела: "Любовь зла, полюбишь и козла". Дурак? Дурак. Урод? Урод. Пьяница? Пьяница. Но люблю, не могу без него жить. Спрашивается: "Неужели получше-то нет?" – "Есть, но вот этого люблю, у меня сердце к нему лежит, ничего не могу с собой сделать". Сердце довлеет; ум говорит, что этот человек никуда не годится, а сердце все равно влечет.

Если сравнивать по законам логики, по уму разные системные построения, то, конечно, рядом с христианской философией ни одна философия мира не устоит. Именно поэтому в открытый спор с Церковью никто не вступает – знает, что будет разбит беспощадно; от буддиста, мусульманина, сектанта, любого материалиста или агностика пух и перья полетят, потому что Церкви принадлежит самое совершенное и включающее в себя (как частный случай) все философии мира учение. Однако христианство – это не просто учение, и оно никого логикой не побеждает, в этом нет никакой нужды, потому что Богу не нужен только ум человека. Господь говорит: "Даждь Ми, сыне, твое сердце". Многие, когда их спрашиваешь, веруют ли они в Бога, говорят: ну, признаю. Но Богу это не нужно, потому что не признавать Бога может только безумец, как в Псалтири сказано: "Рече безумен в сердце своем: несть Бог",

то есть нет Бога. Так может сказать только человек, полностью лишенный ума, у которого нарушен аппарат восприятия полноты действительности.

Каждый человек в здравом уме не может не видеть целесообразности в мире, не может не прийти к мысли о Творце, но этого недостаточно. Богу, как Личности, нужна только любовь человека. По этому принципу Он и призывает людей в жизнь вечную: возлюбит ли человек Бога или нет? Овцы Христовы Отцом Небесным выбираются по тому, к чему их сердце склоняется. Господь пришел спасти Свой народ, Он творит для иудеев множество добрых дел, а они хотят побить Его камнями и ненавидят на Него. Он взывает к их совести, к их разуму, спрашивает: за что? Они отвечают: Ты богохульствуешь; будучи человеком, говоришь, что Ты Бог. Господь объясняет им: в Писании же сказано: "Вы боги", то есть каждый человек по благодати является богом, потому что создан по образу и подобию Божию, значит, Мои слова не противоречат Священному Писанию, которое вы читаете. Вы говорите, что знаете Отца Небесного, а Я творю дела Отца Моего, Я передаю вам слова, которые слышу от Него, вы же их отвергаете – значит, вы не знаете Отца, иначе приняли бы то, что Я говорю.

Отец Небесный – Творец вселенной и Создатель всех нас – обращается ко всему человечеству через Сына Божия. Бог послал в мир Своего Единородного Сына, Который взывает к каждому человеку, и каждый по-своему на Его слова реагирует: один их принимает, другой отвергает, а третий вроде бы сразу принимает с радостью, а потом дела, заботы – и охладевает: ну, конечно, это правда, да вот все некогда... И только тот, кто эти слова принял сердцем, именно как руководство для своей жизни, тот спасается. Господь вводит такого человека в вечную жизнь, которая есть вечное общение с Богом. Бог подает жизнь через Сына Божия, через Церковь, потому что Церковь – это Тело Христово, Тело Сына Божия. И каждый, кто принял слова Христовы, уверовал в то, что Христос есть воистину Сын Божий, через Христа может получить спасение. Как бы человек грешен ни был, какие бы дела страшные ни сотворил, через Церковь он может очиститься, может из злого сделаться добрым, из завистливого – совершенно невозмутимым духом, из жадного – щедрым, из блудника – целомудренным, из расточителя – бережливым. И это совершается благодатию Божией.

Любой самый последний хам, если его позовут на дипломатический прием, можно быть полностью уверенным, будет себя держать в руках; он только дома, с женой, с детьми, с мамой, с папой, распустился, а там – нет. То есть любой хам способен одеть на себя маску воспитанного человека. Но как из него сделать человека, уважающего другого человека, то есть «перетворить» его хамскую природу, чтобы вдруг это хамство от него отпало? Это делает только Бог. Бог – создатель человека, и Он избавляет человека от греха. По своей принадлежности к Церкви, по действию в нем благодати Святого Духа человек может быть спасен не только от хамства, а от любого другого греха. Человек в Церкви может преобразиться, может просиять, из грешного стать святым – если захочет, если будет принимать слова Христовы, если будет идти евангельским путем и постоянно бороться с грехом в себе с помощью благодати Божией, потому что сам не может изменить собственную падшую природу.

Можно изменить свое поведение (даже наука такая возникла, этикет: как держать себя за столом, как обращаться с дамой, как вообще в обществе себя вести, – но это все внешнее). Человек может быть и злодеем, и разбойником, и прелюбодеем, и нахалом, но иметь очень хорошие манеры, так что внешне будет выглядеть благопристойно: причесочка, одежда, походочка, ножки, ручки, ноготочки – все подпилено, все подкрашено, все в порядке, все благопристойно, все как у людей: под забором пьяный не валяется, марихуану не курит, матом не ругается. А внутри что? Убийство, блуд, зависть, ссоры, осуждение, клевета, ненависть, злоба, раздражительность. Как гроб стоит цветами украшенный, материей обитый, а внутри – гнилое мясо.

Как же себя изменить? Я родился злым – как стать добрым, возможно ли это? Нет, невозможно. Человек сам не может сделать себя добрым, хоть до потолка прыгай. К примеру, подчиненный не любит своего начальника: "Он меня раздражает, у него и нос не такой, у него и голос противный, визгливый, и он постоянно ко мне придирается не по существу – я больше всех работаю, а он мне меньше всех премию выписывает..." Как его полюбить? Это выше человеческих сил, но с помощью Божией возможно. Для этого нужно стать овцой Христовой,

надо послушать голос Христа Спасителя, и тогда Господь проведет человека по всей жизни таким образом, что вся греховная короста, которую он с детства, от рождения унаследовал от своих родителей, дедов, прадедов, прапрадедов начиная от Адама, может отшелушиться, и засияет эта жемчужина, которую представляет собой наша душа.

Когда любой человекозверь, пьяница, грубиян возьмет на руки грудного младенца – посмотрите на лицо этого злодея! Оно преображается, он не может не улыбнуться, потому что младенец – это чистота, непорочность, душа в нем ангельская, она сияет. В нем, конечно, есть уже зачаток греха, но грех еще не развит, он еще не заслонил эту чистую душу. Потом папа с мамой научат его и врать, и раздражаться, и обманывать, и ненавидеть, и злиться, и ругаться, и лицемерить, потому что все на его глазах происходит. А дети очень разумны, гениальны просто, дети прозорливы, они все видят, все чувствуют и в людях разбираются прекрасно. Учитель впервые входит в класс, ребенок, первоклассник, смотрит – и через две секунды он уже знает, можно при этом учителе безобразничать или нельзя. Он этого учителя раскалывает надвое и видит его насквозь – он, маленький, семилетний, – потому что душа его еще имеет следы Адамовой чистоты и способность проникать в суть вещей. Потом с грехом это все утратится, утратится душа ангельская.

Но если человек отшелушит постепенно весь свой грех, по благодати Божией в нем снова засияет первозданная красота. Во всех святых, которых мы чтим, сияла красота и чистота небесной жизни, образ Божий. И цель нашей жизни в Церкви – воссоздание этого образа, победа над злом в себе; нам должно не только научиться хорошим манерам, а полностью изменить свою падшую природу. Вот какое чудо делает Господь, и каждый, кто захочет, каждый, кто потрудится, может этого достичь.

Взамен он получит ненависть от мира, его будет окружать зависть. Представим себе: непьющий человек в пьющей компании. Сколько ему придется выдержать, чтобы не выпить с ними! Или двенадцатилетнему мальчику, который поиграл с ребятами в футбол, а потом друзья пошли за дом курить – сколько ему стоит труда, чтобы удержаться от сигареты, когда все курят! Когда все вокруг ругаются, как трудно удержаться, как трудно идти против всеобщего зла, как трудно оставаться человеком, я уж не говорю святым! Святым быть вообще очень трудно, потому что все зло мира против тебя: ты что, умнее всех? что ты выделяешься? да, мы плохие, а ты что, святой? И это будет постоянно, но с помощью Божией можно все преодолеть. Поэтому Господь говорит: "В мире скорбны будете, но мужайтесь, Я победил мир". Потому что только так, только светом, добром, правдой, красотой можно этот мир греховный победить, преодолев в себе зло.

Раз мы пришли в храм, значит, сердце наше склоняется ко Христу, значит, у нас есть к Нему хоть малая любовь. Мы читаем Священное Писание, и что-то в нашем сердце пробуждается – значит, у нас сердце еще живо, оно откликается на слова Господни. Но в то же время мы видим, как действует в нас грех: мы любим и злобу срывать, и принимаем нечистые помыслы; мы с удовольствием кого-то осуждаем или ругаем; мы видим, как трудно нам прощать, как трудно не завидовать. В нас живет два человека: один стремится к добру, к свету, а другой нас тянет назад; внутри нас постоянно происходит выбор. И Господь ждет, когда мы возлюбим Его и возненавидим грех. И если мы склонимся к добру, если мы возненавидим зло, если мы возненавидим себя, свою греховность, то в нас произойдет чудо, мы изменимся.

Но эта работа не в уме совершается. Ни один на свете пьяница не скажет, что пить – это хорошо; ни один на свете матерщинник не скажет, что ругаться – это хорошо; ни один на свете вор не скажет, что воровать – это хорошо. Он будет говорить, что вынужден, что другие тоже воруют и прочее, но, если человек не повредился в уме, он никогда не скажет, что зло – это есть добро. Каждый грешник умом понимает, что совершает грех: грех и детей убивать, грех мужьям и женам изменять, грех и зло желать, – но все равно человек это делает, потому что сердце его, погрязшее в грехе, имеет склонность, вкус ко злу. Человеку нравится делать зло, он порочен по своей теперешней сути. И пока сердце его не отвернется от зла, не произойдет чуда преображения. А чтобы отвернуться от зла, сердце должно повернуться к Богу, как цветок к солнцу, потому что Бог есть источник добра.

Господь говорит: надо возненавидеть всю свою жизнь, надо погубить свою душу ради Меня и Евангелия. И если сердце отойдет от греха, тогда ум будет уже работать на сердце. А

если человек склонен ко греху, ум будет грех оправдывать, потому что способен оправдать любое зло. Вот иудеи возненавидели Христа и поэтому очень долго искали, к чему бы придраться, но ничего не нашли и оклеветали Его. Они ведь знали, что клеветают, знали, что лжесвидетелей нашли, но все равно Его убили, потому что в сердце их была ненависть. А любой грех: ненависть, пьянство, жадность, зависть – мучает человека, и человек хочет избавиться от этого мучения. Как же можно из сердца вырвать эту боль, эту муку, это зло? Двумя путями: либо зло сорвать, либо зло победить. Вот он тебя злит, дай ему как следует – и на душе полегчает; или, наоборот, прости его – и тоже на душе полегчает. Ударить, конечно, легче, простить гораздо тяжелей. Чтобы простить, нужно благородство души, а чтобы ударить – всего лишь хамство и мстительность. Почему праведных так мало, а грешников много? Потому что грешить гораздо проще: тебе дали – ты дал, тебя обозвали – ты обозвал, у тебя украли – ты у другого еще больше украл... Гораздо трудней, если тебя обокрали, а ты взял и простил. Это же нужно подвиг совершить, а на это способен только человек, который повернут к Богу, для которого заповеди Божии – большая драгоценность, чем тряпки, деньги и прочее.

Поэтому всегда истинно верующих людей было очень мало. И Господь говорит: "Не бойся, малое стадо", потому что духовная жизнь очень трудна, она требует от человека свойств Христовых. Христианином может быть только человек благородный, возвышенный, духовный. Каждый из нас грешен, но один стремится этот грех победить, а другой – жить как все. Если мы хотим быть овцами Христовыми, то не должны жить как все, а должны видеть в себе зло и побеждать его. Но это можно сделать, только любя Христа. Поэтому нам нужно постоянно читать Евангелие, чтобы мы возлюбили правду, красоту, чистоту, чтоб образ Христа вошел в нашу душу, чтобы Он нас покори́л, чтобы мы всю жизнь свою отдали Ему и служили бы Ему во всем. Вот тогда мы узнаем, что иго – заповеди Христовы – благо и на самом деле их совсем не тяжело исполнять.

Конечно, когда человек только вступает на этот путь, все кажется ему трудно, все дико, ничего не понятно, а потом, постепенно, когда он войдет во вкус добра, он уже не сможет делать зло. И тогда, если ему скажут: укради, иначе мы тебя убьем, – он ответит: простите, но я не могу, потому что жизнь для меня не так дорога, как моя чистая душа; я столько лет потратил на то, чтобы избавиться от греха, а теперь за одну секунду все это пропадет и опять начинать сначала? Нет, вы уж лучше меня убейте, а я буду хранить в сердце благодать Божию.

Вот к Серафиму Саровскому пришли два мужика – думали, что у него, монаха, есть деньги, – взяли топор и стали его бить обухом, пока он не упал без сознания. Какие-то рабы Божии его нашли, принесли в монастырь, он как-то отошел, но на всю жизнь остался горбатым. Потом мужиков этих поймали, а он говорит: я их прощаю, отпустите их, иначе я из этих мест уйду навсегда. По закону-то на каторгу надо, в Сибирь сослать – а он нет, он простил. Бог с ним, с горбом, с болезнью, это ничего, это не страшно, горбатым на всю жизнь, зато благодать-то Божия во мне, она никуда от меня не ушла. Он все бытие свое на волю Божию положил: если надо – Бог накажет. И Бог Сам их наказал: у них сгорели дома, они разорились полностью. Вот так святой поступал, потому что знал: если он нарушит заповедь Божию, тогда все напрасно – напрасно он питался одной травой; напрасно на камне три года молился; спал только сидя, по два часа в сутки; выучил наизусть Священное Евангелие; не топил даже в лютый мороз печку – напрасны все труды, все подвиги, если он не простит этих двух людей. Он знал это, поэтому и простил, потому что благодать Божия дороже.

Вот так и нам надо настолько прилепиться к Богу и Церкви, настолько возлюбить Бога и Церковь, чтобы нельзя уже было оторвать. Как Господь говорит в Евангелии через Иоанна Богослова: "Никто не похитит их из руки Моей". Нам надо так отдать себя в руку Божию, чтобы уже никакой грех, никакой соблазн, никакое искушение не могло нас вырвать. А это достигается только путем борьбы с искушениями. Вот искушает враг: сделай то-то, а совесть говорит: это грех. Если устоишь, то, значит, остался в руке Божией, если согрешишь – вырвут тебя из нее. И тогда надо каяться: Господи, прости, примири и соедини меня со святой Твоей Церковью. И опять сначала, и каждый день, каждый месяц, каждый год – до тех пор, пока мы не прирастем к благодати, к Богу, к святости, к Церкви, до тех пор, пока в нас это чудо не произойдет. Путь этот очень трудный, очень долгий, но зато мы получим вечную жизнь и навсегда останемся с Богом, к Которому наше сердце прилепится. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 7 июня 1986 года

Неделя 14-я по Пятидесятнице

В сегодняшнем евангельском чтении Церковь предлагает нам притчу Господню о брачном пире. Эта притча о Царствии Небесном. Царствие Небесное сравнивается со свадьбой, которую устраивает Отец Небесный Сыну Своему.

В Библии есть книга "Песнь песней", в которой под видом любви юноши и девушки рассказывается о любви человека и Бога. Еще издревле человеческой душе в ее стремлении к Богу усваивали те же отношения, что и в браке. В истинном браке два человека становятся одним существом, не теряя своей личности; у них все делается общим, они имеют друг к другу жертвенную любовь, желание один другому послужить, каждый живет не для себя, а для другого. И отношения души человека и Бога такие же. Господь, чтобы спасти человека, нисходит на землю, распинается за него. Человек должен быть убит за свои грехи, а это наказание берет на Себя Бог, отдает Себя в жертву, и человек в ответ отдает Ему всю свою жизнь, отвергается себя, берет крест свой и следует за Богом по тому пути, который Господь ему предназначал.

Поэтому Господь и уподобляет Царствие Небесное брачному пиру. А Церковь – это Царствие Небесное, находящееся на земле. Господь приводит нас в Свое Царствие через Церковь. И наше богослужение, вершиной имеющее Божественную литургию, есть Царство Небесное, пришедшее в силу. Мы здесь стоим перед лицом Самого Христа Спасителя. Все мы пришли на этот пир, но каждый из нас находится к нему в особом отношении. Много званых – Господь призывает в Царство Небесное не только нас с вами, но и весь мир через слово Божие. Священное Писание переведено на все языки мира. Каждый человек, живущий в мире, знает имя Христово. Любой может познакомиться с теми словами, которыми Господь призывает его в Царствие Небесное, но совсем не каждый откликается на это, даже не каждый верующий.

Вот сегодня Отец наш Небесный устраивает брачный пир. Идет воскресная ранняя литургия, и Господь всех верующих из близлежащих домов (а их здесь очень много, несколько тысяч человек) призывает на нее, но совсем не все идут – под разными предлогами. Как в притче написано: "Они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою", то есть у людей свои дела: у кого дети, у кого внуки, кому надо обоим клеить, у кого холодильник испортился. Господь зовет всех на брачный пир, зовет всех в Царство Небесное – не в какое-то там символическое, а в самое реальное: в храме присутствует живой Христос, и Духом, и Телом. И каждый может не только послушать то, что нам Христос сегодня скажет, не только ощутить душой своей Его близость, но даже дотронуться до Христа, осязать Его. Мы можем вкусить Его Пречистого Тела и Честной Его Крови, то есть соединиться со Христом – не как кровоточивая женщина края одежды Его коснулась, а всего Христа принять в себя.

Брак – это сочетание двух существ в одно, и душевно, и телесно, поэтому и говорит Писание, что муж и жена есть одна плоть; из них происходит даже третья плоть – дитя. И такое же сочетание души христианской со Христом совершается на этом брачном пире, они соединяются не только в один дух, но и в одно тело: Тело Христово растворяется в нашем теле, а Кровь Его в нашей крови. Какую еще благодать можно вообразить выше? Что для человека может быть вожаденней, чем такое общение со Христом? Что может быть радостнее, полнее? К чему еще можно на земле стремиться, как не к одному только – к соединению со Христом, если, конечно, человек Его любит?

И вот Господь всех зовет, а приходят совсем не все. В Евангелии сказано: "Услышав о сем, царь разгневался". Это в истории часто происходит. Например, в нашей стране не так давно было более тысячи действующих монастырей, на каждой улице – по два храма. Какая была маленькая Москва, а храмов – в сто раз больше, чем сейчас. Можно себе представить, что это была за жизнь! И вот все оказалось сметено. Единственная причина этого – что люди причащались раз в году. Христос звал, а никто не шел – значит, это никому не нужно, и Господь все отнял. Так случалось со многими народами, когда они пренебрегали Христом.

Мы сейчас имеем только памятники прежней жизни. Стоят эти остоны храмов и свидетельствуют, что некогда здесь была жизнь, а теперь ее нет. Многие говорят: храмов мало.

На самом деле их всегда ровно столько, сколько желающих причащаться, желающих идти за Христом. Потому что Сам Господь это дает, и, когда человек пренебрегает Его даром, Он отбирает. Так и сказано, что "истребил убийц оных и сжег город их". И действительно в этом катаклизме очень много погибло так называемых верующих.

"Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых, и брачный пир наполнился возлежащими". Это сказано о нас: Господь остатки какие-то собрал по разным закоулкам и все-таки наполнил пир. Мы не являемся изначально зваными, а представляем собой некий сброд, который не знает ни заповедей Божиих, ни Священного Писания, и пришли мы как бы ниоткуда, потому что никакого христианского воспитания не получили, имеем отрывочные сведения о вере, о Боге. Мы только собираемся учиться чему-то доброму. Среди нас есть люди, по душе своей злые, а есть добрые, есть разговорчивые и молчаливые, умные и глупые, худые и толстые – всякие есть. Господь собрал всех, кого нашел способным вместить хотя бы часть благовестия Христова.

Дальше в притче события развиваются таким образом: "Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду". То есть Сам Отец Небесный входит в наш храм и смотрит, кто из нас в брачной одежде, а кто нет. "И говорит ему: друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов; ибо много званых, а мало избранных". А это о чем? Кто из нас будет связан и брошен вон, во тьму внешнюю, то есть в мир внешний, мир страстей, в погибель? Тот, кто попал сюда случайно. А что такое брачная одежда? Раньше на Востоке каждому, кто приходил на свадьбу, хозяин выдавал нарядную одежду, чтобы все пировали в праздничном платье. Сейчас только невесту обряжают, а раньше и все гости одевались в специальный наряд. И вдруг Царь приходит, а за столом сидит человек в своей пыльной, грязной одежде. Господь не сказал ему: "Как ты посмел сюда явиться, грязная собака?" Он говорит: "Друг, как ты сюда попал?" А тот молчит.

Мы тоже получаем брачную одежду – вот здесь, на исповеди. Мы приходим в храм, с ног до головы опутанные и оклеенные грехами своими, и Господь нас вопрошает, часто устами священника: "Какие у тебя на совести грехи?" А человек молчит или отвечает: «Пелагея» – и все. Тогда он брачной одежды не получает, а отходит от исповеди такой же грязный, как и подошел, то есть очищения не происходит, потому что нету покаяния. А покаяния нет потому, что человек не замечает, что он весь в грязи; он считает, что ничем не согрешил. Некоторые так и говорят: я ни в чем не грешен. То есть настолько человек привык к своей одежде, что она кажется ему чистой. Если надеть темную рубашечку и носить две недели – она все чистенькая, но стоит окунуть ее в таз со стиральным порошком, сразу окажется, что она черна от грязи, хотя человек этого и не замечает. Так и живущий в грехах не замечает, что он полностью черен, что он весь в грязи. И чтобы ему участвовать в брачном пире Отца Небесного, чтобы соединиться со Христом Спасителем, нужна другая одежда, а эту ветхую надо скинуть, то есть нужно покаяться.

Покаяние есть совлечение с души греха, а если этого не происходит и человек, несмотря на то что не покался ни в едином грехе, дерзает причащаться Святых Христовых Таин, то он причащается себе в осуждение и как бы выводится из Церкви. Вместо того чтобы принять благодать Божию, он на самом деле хулит Христа, потому что дерзает причащаться в таком состоянии, когда от греха не очистился. Многие из года в год, из десятилетия в десятилетие на исповеди говорят два-три слова; эти поговорки я выучил уже наизусть. Первая: "Шаг ступил и согрешил"; вторая: "Во всем грешна"; третья: "Кого осудил, кому чего сказал, а кому чего – не помню". А еще некоторые говорят: "Все мы грешные". Экая невидаль, как будто Бог или священник не знают, что все мы грешны. То есть покаяния не происходит, человек хочет приступить к Чаше без покаяния.

Само желание причаститься – это Божественное желание. И то, что человек пошел на брачный пир даже в грязной одежде, не есть еще грех, потому что стремление причаститься – от Бога. Дьявол не может внушить человеку такую мысль, потому что для дьявола это невыносимо. Наоборот, он всеми правдами и неправдами старается нас отвратить от причастия.

Если не может под благовидным предлогом, то старается любым способом так устроить, чтобы нас увести от этого подальше. И нужно всегда помнить, что то или тот, кто нас от причастия отводит, есть сеть или непосредственно слугитель дьявола.

К сожалению, мы часто, следуя, как нам кажется, своим мыслям (на самом деле они внушены нам сатаной), под разными предлогами уходим от причастия. А Господь нас зовет. Он же не говорит: пейте от нее Маша, Даша, Катя и Вова, Он говорит: "Пейте от нея все" – все, весь мир призывается к Чаше для соединения с Богом. Но единственное условие этого соединения – покаяние, потому что мы все пришли к Богу в грехах. Если бы мы родились в христианских семьях, то были бы святы, потому что у святых родителей рождаются святые дети. А наши родители, наши деды, прадеды вольно или невольно послужили тому, что, наоборот, все святое было отнято, все разрушено. Осталось всего несколько храмов, где мы можем соединиться со Христом. Нам дана еще такая возможность, но нужно покаяние. Нужно обязательно получить брачную одежду, чтобы не быть отвергнутыми, не быть связанными и выброшенными во тьму кромешную.

И вот с покаянием нашим начинается страшная путаница. Чаше всего она происходит от незнания. Человек никогда в жизни не исповедовался, никто его этому не учил. Что, собственно, исповедовать? как говорить? что вообще нужно? Обычно каждый старается все правильно исполнить, некоторые даже спрашивают: а что вперед целовать, Крест или Евангелие? Но правильность заключается не в том, что сначала целовать, или как голову наклонять, или как креститься, – она заключается в том, чтобы покаяться. Человек должен осознать перед Богом, что он недостойн участия в этом пире. Каждый входящий в храм должен глубоко понимать, что он здесь пришелец, он убогий нищий, которого подобрали где-то на дороге и из милости сюда пустили.

Вот с таким чувством надо входить в храм. И когда мы стоим в очереди для получения брачного одеяния, нам нужно рассматривать свою грязную одежду. Если мы неделю назад были на брачном пире и нам дали новую одежду, то за эту неделю мы ее опять испачкали, потому что у нас другой нету, мы не могли ее сложить в сундучок, походить в стареньком, а потом надеть новенькую. К нам постоянно прилипает грех, мы согрешаем делом, словом, помышлением, всяким нашим чувством. И надо видеть эту грязь, надо каяться в этом, надо все силы души употреблять на то, чтобы одежду, которую мы здесь получаем, одежду нашей души, сохранять чистой. Тогда постепенно наша жизнь будет меняться, мы будем усыновляться Богом, мы из людей, которые ничего не знают, ничего не понимают, которые чужды Церкви, будем постепенно превращаться в рабов Божиих, в деток Божиих. Господь нас будет воспитывать, Господь нас будет учить, будет нас очищать.

Источник нашего очищения есть Чаша Христова. Взять отсюда Чашу Христову – и это уже будет не храм, потому что центр и средоточие нашей духовной жизни есть эта божественная служба – Евхаристия, благодарение. Одна раба Божия вчера сказала: "Я в церковь очень редко хожу, но я дома молюсь". Да, помолиться можно и дома, и даже очень хорошо, что человек дома молится, но причащаться, соединяться со Христом не только духовно, через молитву, но и телесно можно только в храме. А причащение есть самая большая полнота общения с Богом, без него не может быть ни молитвы, никаких добрых дел, никакой жизни христианской, а только одна иллюзия ее. Поэтому целью нашей жизни должно стать постоянное причащение. Причастие – это есть Царство Небесное. Когда мы причащаемся, мы тем самым возносимся к престолу Божию и восседаем одесную Бога Отца. Некоторые говорят: но я же этого не чувствую. Да, ты не чувствуешь, потому что ты мертв. Когда человек теряет сознание, он тоже бесчувственный: очнется – а он уже в больнице, или дома оказался, или на дороге где-то лежит. Итак, независимо от того, чувствуем мы или нет, это факт духовной жизни.

Наше нечувствие зависит от того, что мы связаны грехом, у нас залеплены духовные очи и духовные уши. Но по мере очищения от греха мы увидим воочию, какие страшные и высокие вещи здесь происходят. Именно поэтому в храме нельзя разговаривать, не должно быть ничего постороннего, ничего отвлекающего наше внимание; именно поэтому нужно здесь всю душу раскрыть, стараться освободить ее от всякого житейского попечения, потому что храм есть воистину Небо. Вот оно, Царствие Небесное, другого просто не существует. Царствие Небесное

– это не значит, что мы сядем где-то на облаке и будем по воздуху летать. Нет, оно здесь находится, но оно духовное и увидеть его можно только духовными очами. А для этого надо их открыть, надо промыть их от греха.

"Царствие Божие внутри вас есть", – сказал Господь. Божественная жизнь, спасение, бессмертие, вечность раскрываются уже здесь, сейчас. Мы приобщаемся трапезы вечности, потому что Тело Христово воскресшее, бессмертное, и мы его вкушаем для того, чтобы и нам обожиться, и нам раскрыть в себе способность к Царству Небесному, воспринять его. А мы этим пренебрегаем, мы откладываем, нам лень подготовиться, лень попоститься, какие-то предрассудки отягчают наше сознание, мы грешим.

А некоторые полностью формализовали свою духовную жизнь, им лишь бы причаститься. Ну да, причаститься ты можешь, но не только ничего не получишь от этого, а и нанесешь себе вред. Апостол Павел так и говорит, что многие внезапной смертью умирают и многие часто болеют, потому что без рассуждения приступают к Святым Христовым Тайнам, не понимая, чего причащаются. Мы причащаемся того Тела, которое ходило по Иудее, которое страдало на Кресте, того Тела, которое вознеслось на небо. Мы соединяемся с Самим Христом. Это не есть какой-то символ. Просто потому, что мы не можем есть человеческое мясо – человек не может переступить через это, – Господь так премудро устроил, что мы вкушаем Его Тело и Кровь под видом хлеба и вина. Но это только вид, как во Христе был вид человека, но с Его человечеством было соединено Божество. И поэтому кто слушал человека Иисуса Христа, тот тем самым слушал и Самого Бога. Кто прикасался ко Иисусу Христу, тот прикасался к Самому Богу. Кто любил Иисуса Христа – любил Самого Бога. Кто ненавидел Христа – ненавидел Бога. И вот как Божество соединяется во Христе с Его человечеством, так и в хлебе, который мы вкушаем, Божество соединяется с этим хлебом, нераздельно, неразлучно, неслиянно и неизменно – так святые отцы на Соборе установили эту Божественную истину, догматизировали, выработали эту замечательную, изысканную формулу.

Поэтому, причащаясь Тела Христова, мы причащаемся Самого Христа. Так как же мы к этому должны стремиться?! Да мы должны каждый день этого жаждать! Поэтому Господь нам и дал такую молитву. Когда у Него ученики спросили: "Научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих", Он сказал: хорошо, слушайте, повторяйте за Мною: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь" – чтобы внедрить в их сознание жажду хлеба насущного, который сверх всякой сущности, который есть Тело Христово; чтобы человек желал его причащаться каждый день и это стало средоточием всей его духовной жизни.

А у нас совершенно иное к этому отношение, мы равнодушны. Но равнодушие к Чаше – это равнодушие ко Христу. Кто не любит Иисуса Христа, тому анафема, то есть отлучение, как апостол Павел сказал. Кто не любит Евхаристию, тому анафема, потому что этим и проверяется все. Когда Христос ходил по земле, то отношение к Богу было видно из отношения к Иисусу Христу: как человек относится ко Христу, так он относится к Отцу Небесному. Теперь, когда Христос вознесся на небеса, отношение ко Христу проверяется отношением к Евхаристии, к святому причащению. Если святое причащение – это средоточие и жажда всей его жизни, значит, человек действительно стремится к Царствию Небесному, действительно стремится быть со Христом. Если у человека есть помимо этой жажды какое-то еще желание, это говорит о том, что он либо просто еще не понимает, что такое христианство, либо равнодушен ко Христу.

Евхаристия – это краеугольный, пробный камень нашей веры и нашего отношения к Богу. И если что-то нас может отлучать от причастия, то только церковная дисциплина, потому что не каждый, в силу своей греховности, может выдержать, не повредившись умом, душой и прочими составами, ежедневное причащение, не может удержать эту чистую одежду. Поэтому нужно к причастию особенно готовиться. Если святые апостолы причащались ежедневно, то уже по прошествии нескольких десятков лет христиане стали причащаться раз в неделю. А потом это все более и более скудело, и уже во времена Иоанна Златоуста появились христиане, которые причащались раз в году. А теперь есть такие, которые вообще почти не причащаются, хотя по канонам церковным кто хотя бы раз в год не причастился, тот уже, собственно, не христианин, то есть он становится как бы не крещеным.

В Церкви есть канон: если человек три воскресенья в храме не был, он считается

отлученным. Потому что как так? Там идет брачный пир Христа Спасителя, а тебе вроде и не нужно, у тебя какие-то свои соображения. Чашу выносят, Чашу жизни, в которой Тело Христово! Да мы должны броситься к ней, обнять! Вот как Иоанн Кронштадтский: он, когда Божественную литургию служил, эту Чашу обнимал, он ее целовал, поливал ее слезами – такая была у него любовь ко Христу. А мы? Мы можем и потолкаться, и свечами заниматься, и чем-то шуршать, и о чем-то думать... Выходит Сам Христос, Чашу жизни предлагает – вот оно, Царство Небесное, вкушай, пей! А нам все равно, мы даже покаяться не хотим. Так только, по обычаю: вроде уж время пришло, вот в пост – тогда, мол, и причащусь. А желания такого не испытываем; какая-то обязанность, какая-то поденщина в этом, а жажды нету. Потому что, когда мы причащаемся, мы как бы ничего не испытываем, в нас ничего не происходит. Ну причастился... Вот «запивку» мы пьем с большей жадностью, вокруг нее всегда больше оживления и реальной какой-то жизни, это нам ближе, а к Чаше Христовой мы почти равнодушны.

Наше равнодушие есть тягчайший грех против Христа. Поэтому нам надо изменить свое сознание, надо нам покаяться, всю жизнь свою перевернуть, начать стремиться к тому, чтобы нам постоянно, постоянно приступать к Чаше, как мы поем на Божественной литургии. Каждое ее слово говорит о том, чтобы нам причащаться, чтобы нас Господь сподобил, потому что это и есть, собственно, жизнь духовная, это и есть источник всякой духовности, в этом и есть наше спасение. Как мы можем в себя благодать принять? Только через святое причастие соединяясь со Христом Спасителем.

А то приходит человек: батюшка, у меня то, у меня се, кому мне молебен заказать, кому мне отслужить? Чаша жизни выносятся, Сам Христос живой перед нами! Какой еще молебен? Можно помолиться любому святому – это очень хорошо. Можно просить помощь, можно и молебен отслужить – все это вещи прекрасные. Но если человек пренебрегает Самим Христом Спасителем, как можно просить чего-то у Его Матери? Неужели Матерь Божия нас послушает, если мы отвергаемся Ее Сына? Как это возможно? Поэтому нам надо стремиться к Чаше. Нам ее Господь дал, Он для этого и Кровь Свою пролил, чтобы нас этой Кровью напитать, потому что эта Кровь животворящая, она оживотворяет нас. И если мы хотим ожить, если мы хотим просветиться, начать новую жизнь, то нам надо к Чаше стремиться.

Но, стремясь к Чаше, нужно стараться принимать ее достойно. Нужно рассматривать свою душу, нужно видеть, чем мы оскорбили Бога, чем мы пренебрегли, чем нарушили Его заповеди. Нужно глубоко раскаяться, начать новую жизнь: если мы видим в себе какое-нибудь несовершенство, нужно отвергнуться себя, поступить с собою жестоко, себя переломить, исправить в себе грех для того, чтобы оказаться достойными. Нужно трудиться над тем, чтобы постоянно получать брачную одежду. А у нас это превратилось в формальность, поэтому мы в результате причащения не только не соединяемся с Богом, а наоборот, здесь, на земле, причащаемся, а на небесах-то – нет, потому что наше причастие бывает недостойно.

Поэтому наша духовная жизнь должна, если можно так выразиться, идти по двум направлениям: мы должны устремляться к Чаше Христовой, во что бы то ни стало постоянно причащаться Святых Христовых Таин и в то же время ни на секунду не забывать, кто мы такие, всегда помнить, что мы этого совершенно никак не достойны, и постоянно, изо всех сил трудиться над своей душой, очищать ее от греха, насколько это для нас возможно, чтобы принятие Святых Христовых Таин было для нас не во вред, а на пользу. Потому что все, что относится ко Христу, – меч обоюдоострый. Вот, например, возьмем Священное Писание. Оно может нас спасти и может нас ввергнуть еще глубже в геенну огненную. Если человек читает Священное Писание, принимает его слово и начинает жизнь свою исправлять по нему, то он спасается. Если человек читает Священное Писание, но не исправляет свою жизнь, то ему это чтение делается в осуждение, он наказывается больше, потому что знал и не делал. Лучше бы не знал.

Так и Чаша Христова. Надо к ней стремиться, потому что она – источник жизни. Но надо стремиться, задумываясь о том, какими мы к ней подходим. Потому что иначе, если мы будем, как бараны, просто теснясь, вкушать, не рассуждая, чего мы причащаемся, то мы не только пользы не получим, но и погубим душу свою. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 28 сентября 1986 года

Всенощное бдение под неделю 4-ю по Пасхе

Христос воскрес!

"В первый же день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса".

Ученицы Христовы, движимые любовью к Нему, направились ко гробу, чтобы исполнить последний долг. Лишь только кончилась суббота, день покоя, они решили довершить то, что не успели. Как мы помним, разбойникам перебили голени, дабы они поскорее умерли – чтоб не оставлять тел%а на Пасху на крестах и не омрачать праздник, – а Христа спешно похоронили, как уже умершего. Его положили во гроб, в пещеру, и вход в нее закрыли. И вот женщины идут, чтобы по восточному обычаю набальзамировать Его тело. В других Евангелиях сказано, что по пути они размышляли: "Кто отвалит нам камень от двери гроба?"

Очень часто бывает, что, когда кто-то из близких умирает, все начинают что-то искать, заказывать и вокруг усопшего возникает некая суеда. Одни родственники говорят, что надо полы мыть после покойника; другие – в сорока церквях сорокоусты заказать; третьи говорят, что надо венки, четвертые – что не надо; пятые – что цветы кладут, шестые – что не кладут. На какой день устраивать поминки? можно ли на четвертый? а на пятый? И много всяких других проблем, за которыми суть того, что произошло, ускользает – ускользает от внимания тайна смерти. Человек отошел ко Господу. Где он? Куда он делся? Подавляющее большинство людей во всем «цивилизованном» мире сейчас умирает в больницах, родственники получают покойника уже упакованным во гроб – и тайна смерти еще дальше от них уходит, они еще меньше о ней задумываются.

Нечто подобное произошло и с женами-мироносицами. Они идут ко гробу исполнить последний долг, неся ароматы, вспоминая своего любимого Учителя, Его доброту, милосердие, постоянную заботу о них, сострадание к ним. Но тем не менее они не помнят Его, потому что не помнят Его слова. Ученицы забыли, что Христос должен в третий день воскреснуть. Если бы они помнили об этом, то, конечно, не пошли бы ко гробу, потому что делать им там было совершенно нечего. И вот, когда они пришли ко гробу, то увидели, что камень отвален, и зашли внутрь. "Вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть".

Сказали ангелы такие слова и как бы отрезвили их – они сразу все вспомнили. Три года Господь пытался в их ум и сердце внедрить мысль, что Ему должно пострадать; более того, Он говорил, что Его распнут и Он в третий день воскреснет. И тем не менее, когда это произошло, они об этом забыли. Почему человек способен забывать такие важные вещи? Это связано с тем, что у него в голове и сердце, а следовательно, и в жизни все перемешано и он не понимает, что важно, а что неважно; что истина, что ложь. В нашей обыденной жизни мы с этим сталкиваемся постоянно: всё стремимся как лучше, а получается как хуже. Это происходит потому, что мы люди грешные.

В чем же заключается наша греховность? Господь хочет каждого привести к Себе, а человек, не знающий Бога и не хотящий к Богу идти, наоборот, считает, что весь мир должен прийти к нему. Он весь мир воспринимает как нечто данное ему, чтобы он пользовался им как ему заблагорассудится. Самый главный грех человека заключается в том, что он на место Бога, Создателя и Творца вселенной, ставит самого себя и думает, что солнце светит для него, земля существует для него, трава растет только для него и так далее, хотя в этом обожествлении себя он во многом и прав, потому что действительно вся вселенная, все мириады звезд созданы для человека. Но для какого человека? Который знает, чт%о есть правда, а чт%о ложь; знает, чт%о есть истина, а чт%о есть не истина; чт%о есть черное и чт%о есть белое. Когда же человек не знает этого, запутался в этих понятиях, он не может владеть миром, потому что он его разрушит.

Тот, кто собирается получить права и управлять автомобилем, должен принести справку из психдиспансера, может ли он машину водить по состоянию своего здоровья, потому что, если он не совсем здоров, это очень опасно. Когда человек уходит от Бога, как источника истины и Самой Истины, его жизнь превращается в некий кошмар, приходит к страшному тупику, разваливается, разрушается и, за что бы он ни брался, все у него идет крахом. Он вроде старается жить лучше, а на самом деле созданная им цивилизация ведет к гибели: человек начинает есть то, что ему вредно, делать то, что ему совсем не полезно, и стремиться к тому, что для него плохо. Ему начинает нравиться безобразная музыка, он теряет вкус к подлинным ценностям, в нем все извращается, и чем дальше, тем больше. И чтобы человеку встать на место, ему нужно опомниться. В Евангелии сказано, что ангел мироносицам напомнил: то, что вы делаете, бессмысленно – вы ищете живого с мертвыми, а Его здесь нет.

Каждый человек стремится, как принято говорить, к счастью. Он считает, что счастье – это когда ему хорошо. Но «хорошо» зависит от многих причин. Если я собрался на пляж и дождь пошел – это нехорошо. А если я посеял редиску и идет дождь – это хорошо. Почему в одном случае дождь хорошо, а в другом плохо? Дело в том, что человек мерилком всего ставит себя, и в этом его большое заблуждение. Весь мир он расценивает через себя и пытается без Бога выстроить жизнь таким образом, чтобы быть счастливым. Но эта попытка совершенно безумна и неисполнима, потому что есть масса вещей, которые никак от нас не зависят. Можно делать карьеру, заниматься спортом или искусством, можно еще каким-то образом доставлять себе наслаждение, но обязательно такая попытка построить собственное счастье встретится с очень большими сложностями, потому что это попытка построить на мертвом. Что искать живого с мертвыми? Можно всего достичь – а потом заболеть; а можно достичь здоровья – но будет несчастье еще в чем-то. Именно не-счастье, то есть сейчас ты не будешь счастлив, не будет тебе хорошо.

Поэтому Господь учит совершенно другому: не искать себе никакого "хорошо", а искать истины, независимо от того, хорошо мне будет от этого или нет, приятно или неприятно. Надо перестроить себя так, чтобы все те звуки и цвета, которые есть в истине, были бы и в тебе самом – тогда между тобой и истиной будет полная гармония, полное согласие. И если ты себя так переделаешь, то будешь блажен, у тебя не будет скорби – оказывается, то счастье, к которому стремится все человечество, достижимо только таким образом. Тогда на тебя не будут влиять ни отношение к тебе других людей, ни погодные условия, ни голод, ни болезнь, потому что ты не будешь от этого зависеть. Ты будешь зависеть только от истины, а истина есть Христос.

А как к этому прийти? В сегодняшнем Евангелии об этом сказано: женщины, "возвратившись от гроба, возвестили все это одиннадцати и всем прочим... И показались им слова их пустыми, и не поверили им". Когда среднестатистическому человеку говоришь, что истина – Христос, он обычно этому не верит. Как Пилат сказал: "Что есть истина?" Человек настолько повредился в уме, что он за истину считает только самого себя, только свои мнения, свои оценки, привязанности. Эта поврежденность человека заключается в том, что он полностью погружен в себя, в собственный эгоизм и закрыт от влияния, оказываемого на него благодатью Божией. Нынешнее Евангелие заканчивается такими словами: "Но Петр, встав, побежал ко гробу и, наклонившись, увидел только пелены лежащие, и пошел назад, дивясь сам в себе происшедшему". Все услышали и не поверили, а Петр решил проверить и побежал. Мы знаем, что он побежал не один, а с Иоанном. Они стояли перед пустым гробом, и Иоанн уверовал, а спустя некоторое время и Петр уверовал – потому что он хотел уверовать и побежал, чтобы убедиться.

В мире сейчас живет больше четырех миллиардов человек, и каждый может убедиться в том, что Христос есть истина. Для этого нужно почитать Евангелие – и каждый, кто побежит, обязательно это увидит. В чем же заключается это бегство и куда, собственно, надо бежать? Что делать, чтобы проверить, что Христос – это истина, причем такая важная для человека, что Достоевский даже сказал: если вдруг узнаю, что Христос не истина, я останусь со Христом. В чем же заключается эта истина? В спасении. Она заключается в том, что человек, пришедший ко Христу, побеждает не только смерть, но и жизнь: он перестает скорбеть, достигает блаженства. Мы, как правило, не знаем, что такое блаженство, понятие о нем у нас обычно

самое пошлое: выпил, лежишь пьяный – и блаженствуешь; читаешь какую-то книгу, следишь за мыслью писателя – и если стоящий писатель, то блаженствуешь; смотришь какой-нибудь кинофильм – и тебе приятно, ты блаженствуешь.

Человек состоит из тела, души и духа. И если в нем превалирует жизнь телесная, то он плотской: стремится насладиться всячески телесно, поест, попить, поспать, позагорать, покататься, побегать – то есть живет жизнью собственного тела и радуется. Есть люди душевные, которые живут для своей души: почитать, музыку послушать, с хорошим человеком побеседовать, куда-то сходить, пообщаться – душа с душой общается и радуется. И третья, самая маленькая категория людей (их вообще сейчас почти и нет на земле, по пальцам одной руки можно пересчитать) – это люди духовные, которые смысл жизни видят только в одном – в общении с Богом, а все остальное постольку поскольку, как Господь сказал: "Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам".

Жизнь духовная есть общение с Истиной, которое заключается в том, что человек не живет никакой отдельной, частной, личной жизнью, его бытие полностью согласно с волей Божией: он существует ради Бога, дышит ради Бога, всего себя отдает Богу, как Церковь нас призывает: "Сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим". Вот это предание себя полностью в волю Божию, в полное, глубокое, непрестанное общение с Богом и есть духовная жизнь. Бог есть Дух, и только непрестанное общение с Богом есть жизнь духовная. Когда мы в какой-то миг (для нас-то это не миг даже, а дни и месяцы) с Богом не общаемся, то это и не является, собственно, жизнью, а прозябанием, чисто биологическим существованием нашей плоти и нашей души, которое есть и у животных. Они тоже ласку и добро понимают: собаку гладь – ей приятно, стукни – ей больно. И большинство из нас – можно сказать, все – живут вот такой жизнью.

Петр и жены-мироносицы хотя и были учениками и ученицами Христа, но в то время еще не сделались людьми духовными, поэтому их поступки после воскресения Христова с нашей точки зрения представляются странными. Но уже в Деяниях апостолов мы видим, что они стали другими людьми, и нас удивляет, как это быстро с ними произошло! Вот так и мы, если будем стремиться к духовной жизни, то тоже изменимся во всем. Не обязательно внешне; внешне мы можем совсем не измениться – мы станем другими внутренне. Мы отторгнемся от мира, от нашей плотской и душевной жизни, не будем искать счастья здесь, на земле: ни в книгах, ни в кино, ни в еде, ни в общении с родственниками, ни в еще каких-то земных стремлениях, – а постоянно будем устремляться к небу, к Богу. И если в нас произойдет этот поворот, который и называется покаянием, тогда мы узнаем, что такое духовная жизнь. А до тех пор для нас посещение храма – как посещение некоего клуба, или лекции, или еще чего-то, где мы получаем пищу для нашего ума или для нашей души, но это не всегда совпадает с общением с Богом, то есть с жизнью духовной.

Между нами и Богом стена. И говорящий, что он видит Бога, обычно лжет, потому что видеть Бога может только человек, который очистил свое сердце от греха. Поэтому путь духовный заключается в исполнении заповедей. И это исполнение заповедей Сам Христос назвал ярмом, потому что, оказывается, путь к блаженству лежит через страдания. Нужно постоянно обрекать себя на страдания. Чтобы достичь жизни духовной, нужно отрешиться от своей душевности и плотяности. Без этого невозможно: мы настолько плотские, мы настолько душевные, что это парализует нас, и ничто духовное в нас просто не может даже пошевелиться. Только изредка у нас бывает проблеск: коснется нас слегка крылом умиление или посетит скорбь истинная о Боге – но это бывает в десятые доли секунды, а в основном о чем мы плачем или о чем скорбим? О том, что у нас что-то болит, или что-то зажимает, прижимает нашу душевность, не дает всласть развернуться нашей мечтательности, – то есть у нас нет истинной скорби о Царствии Небесном. Вот в чем наша беда. А Господь не может нам дать Царствие Небесное, не может дать блаженство, коль мы его не хотим. Мы подспудно все время стараемся здесь, на земле, устроиться настолько хорошо, чтобы у нас ничего не болело, чтобы нам ничего не мешало и мы бы жили спокойно и комфортно. А дальше-то все равно смерть, и, значит, мы проблему только отодвигаем. И если бы не милость Божия, если бы не такая постоянная, отеческая забота о нас Отца Небесного, мы просто погибли бы.

Господь Сам о нас заботится: посылает нам всякие скорби, испытания, трудности. Но мы

никак не хотим их принять, все думаем: да что ж такое? чем мы виноваты? Виноваты мы только тем, что мы грешники, а Господь нас хочет отвязать от нашего греха. Нам возможно спастись, лишь терпя то, что нам посылает Господь, и исполняя заповеди Божии – те, которые нам стали понятны... Мы в своей жизни постепенно понимаем, что хорошо, а что плохо; и если мы не будем делать то, что дурно – не просто так, а именно ради Господа, обращаясь к Нему: вот, Господи, я страстно хочу это совершить, но я знаю, что Тебе это неприятно, что Ты Кровь пролил за то, чтобы я этого не делал, и я, несмотря на все свое желание, постараюсь все-таки этого не делать, а Ты мне в этом помоги, – если мы так каждый раз начнем умолять Бога живого, чтобы Он нас очистил от греха, то каждый раз будем делать шаг навстречу к Нему. Потому что Он нам станет помогать, и мы грех будем побеждать.

И мы получим величайшую радость в сердце, когда победим грех, потому что эта победа не может быть сделана человеком самостоятельно. Ни один человек не может победить никакой грех сам: он побеждается только благодатью Божией. Поэтому если мы исцеляемся от какого-то греха, значит, в нас пришла благодать Божия. А соединение сердца человека с благодатью Божией и есть блаженство. Это есть Царство Небесное, это есть общение с Истиной. И пока мы этого не вкусим, мы никогда не поймем ни что такое христианство, ни что такое Дух Святой – для нас это будет просто абстрактное понятие, одна из философий. Конечно, эта философия самая совершенная, самая высокая, безукоризненная; с христианской православной философией ни одна другая сравниться не может, но это опять только пища для ума. А пока мы не приблизились к Богу, не начали действовать по заповедям Божиим, не воцерковили этот ум, мы через него тоже будем много страдать. Поэтому существует некая антиномия: если мы хотим достигнуть вечного блаженства, то надо добровольно обречь себя на страдания; а если мы хотим вечного страдания, то мы должны стремиться к счастью.

Счастье здесь, на земле, все время манит. Как это просто: захотел – взял и закурил, и вот блаженствую, нога на ногу, о чем-то так мечтается, и мне хорошо, я как-то забыл обо всем, смотрю, как дым поднимается, табачком так приятно пахнет – вот оно, наслаждение, вот она, плотская утеха, очень дешевая, две копейки за штуку. А можно и отказаться, не потешить свою плоть – ради Христа. Потому что курение – это есть угождение собственной плоти; если же мы совершим маленький подвиг, то тем самым свой дух возвысим. Так душа наша может либо крылья расправлять, либо опять складывать. И вот в этой непрестанной борьбе со своей плотью, со своей душой и состоит духовная жизнь, потому что грех побеждается только благодатью Божией. Чем больше мы приближаемся к Богу, тем меньше в нас плотскости и душевности – они должны, по замыслу Божию, умирать. И цель нашей жизни, если мы православные христиане, в этом и состоит: назвался груздем, полезай в кузов; раз в храм пришел – значит, вроде, верующий, значит, надо стараться постоянно стремиться душу свою освобождать.

Сам Господь так премудро устроил, что человек перед смертью стареет – чтобы ему легче было расстаться с этой землей. Даже Лев Толстой уж на что был человек не церковный и ненавидящий благодать Божию, а и то говорил, что лучшее время жизни – это старость. В старости меньше сил уходит на всякую чепуху, а человек больше смотрит в корень, вглубь, приближается к Истине; сам ход вещей таков. Но мы-то, христиане, крестились не для того, чтобы просто сидеть и ждать. Нет, христианство – это делание; надо постоянно бежать, вот как Петр. И пусть он побежал совсем не туда: Христос сказал, что Он будет встречать их в Галилее, а он побежал ко гробу, опять искать живого среди мертвых. И ничего страшного, если мы, придя в храм, здесь ищем совсем не того: мы в храме тоже ищем и душевности, и угождения собственной плоти, и угождения своему слуху и так далее. Хотим, чтобы и здесь у нас было все хорошо. Но это недостижимо.

Мы настолько расслаблены, что даже пасхальные стихиры не можем спеть: за нас другие поют. Ну что с нас взять? О каких там подвигах можно говорить, если мы самую малость не можем. Поэтому наш удел – это совершение маленьких подвигов. Мы должны то, что есть, воспринимать как величайшую милость Божию – что мы приходим в храм, собственно, на все готовое: здесь уже идет служба, весь механизм ее как-то отлажен – пусть он искусственный, потому что служба эта, собственно, не настоящая, она не от нашего сердца идет, а как бы сама по себе, а мы сами по себе. Это же не так должно быть: служба должна идти из недр Церкви, из

сердца христианского. Христианин – человек, который непрестанно совершает службу Богу: дома ли, в поле, в автобусе, в магазине. А мы не можем даже по книгам богослужение совершить, мы часто и не понимаем, что вообще в храме происходит, заняты своими мыслями, своими заботами. Забросить нас куда-нибудь на необитаемый остров – мы даже не будем знать, что делать; хорошо, если из утренних молитв штук шесть вспомним, да и то мы часто в эти слова и не вникаем, и не понимаем их.

Что мы можем Богу принести? Наша немощ настолько очевидна и глубока, что мы еле-еле в состоянии на протяжении двух с половиной часов хотя бы десять минут умом не рассеиваться. Ну и то слава Богу! Это уже хорошо. И это совсем на самом деле не мало. И если будет наше постоянное стремление, и постоянное усилие, и постоянное распятие себя, и постоянное заколение себя (заколение – не от слова "закалялась сталь", а от слова "закалывать себя, как агнца, распинать себя"), тогда в нас будут происходить великие вещи, мы будем изменяться совершенно незаметно для себя – но окружающие, к сожалению, это очень часто замечают и начинают, конечно, на нас нападать.

Поэтому не надо никогда показывать этого изменения, а надо принимать вид иной – вот как Господь имел вид путешествующего в Иерусалим и был среди иудеев как иудей, и они воспринимали Его как себе равного. Он очень понемножку и в силу необходимости открывал Свою власть Сына Божия, а Себя называл Сыном Человеческим (хотя, собственно, для хорошо знавших Священное Писание слова эти были равносильны тому, как если Он бы сказал, что Он есть Сын Божий). Потому что Христос знал: как только они узнают точно, что Он – Сын Божий, то распнут Его. Вот и каждый из нас, если мир узнает, что он свят, будет распят немедленно, незамедлительно; и в ту меру, в какую он будет возрастать духовно, его страдания будут увеличиваться.

Тьма ненавидит свет и хочет его уничтожить всякими путями. Это неизбежно и есть закон духовной жизни. Но это страдание будет нами восприниматься совершенно иначе, чем сейчас. Мы его будем принимать с радостью. Почитаем жития святых мучеников, с какой они радостью, с ликованием, с песнями, со светлыми лицами шли на смерть. Казалось бы, их хотят убивать – а они радуются. Чему радуются? Духу Святому, Который поселился в их сердцах; общению с Богом в той великой полноте, которую они имеют. И эту радость отнять никак нельзя. Последи́м за собой: даже когда у нас радость на сердце, как ее легко потерять. Чуть-чуть, на пять минут автобус пришел попозже – и она улетучилась; вот оно, наше счастье – как оно зыбко! Мы уже раздражаемся, негодуем, проклинаем муниципальный совет, ругаем водителей, и вообще все уже плохо. А подумаешь, всего пять минут! Это оттого, что мы не знаем истинной радости.

Настоящая радость о Господе не бывает ничем поколеблема, но наоборот: чем темнее вокруг, тем ярче звезды. В августе, когда бывает самая темная ночь, самые яркие звезды. Когда человек живет духовной жизнью, то в скорбях (а Господь всегда близок к скорбящим) он еще больше радуется сердцем, внутри, тайно, в глубинах духа своего, вот этому общению с Богом. Близость к Богу можно ощутить только в страдании, потому что Сам Христос, Сама Истина в этом мире страдает. Поэтому если мы здесь страдаем и не сходим с креста, а идем на него, принимая то, что Господь нам дает, то мы участвуем в этих страданиях, которые нас очищают от всякого греха, и тем самым приближаемся все больше и больше к Богу, то есть к цели нашего существования. Цель существования христианства, Церкви и нас с вами – это разрушение средостения между нами и Богом, полное общение с Ним.

Надо постоянно учиться, постоянно стремиться к тому, чтобы эта стена между нами и Богом рухнула, в противном случае мы ничего не найдем, наша жизнь пройдет впустую, бесплодно, и, когда мы умрем и перейдем в тот мир, в духовный, мы к нему будем совершенно не готовы; мы потерпим полный крах, потому что в этой жизни мы прекрасно приспособились: знаем, где что купить, где что почитать, к кому можно за чем обратиться. А к той жизни мы никак не готовы, потому что мы туда как бы и не стремимся. А надо все усилия души употребить именно на это.

Будем же по милости Божией стараться пользоваться этой прекрасной возможностью – что мы можем храм посетить, где служба идет, и можем в ту или иную меру к ней приобщиться; что мы можем общаться с Богом в таинствах, в Священном Писании и молитве –

которую у нас никто никогда не отнимет; только мы сами себе мешаем и обкрадываем себя. Поэтому нужно учиться в храме молиться, а то, чему мы научились, стараться в нашу жизнь вносить, чтобы она наполнялась благодатью Духа Святого. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 9 мая 1987 года, вечер

Неделя 4-я по Пятидесятнице

"Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник (военачальник, у которого в распоряжении сто воинов) и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его". А сотник отвечает: "Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой... Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры... И сказал Иисус сотнику: иди, и как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час".

Вот как бывает! Сотник только попросил – и тут же слуга выздоровел, хотя он болел тяжело, лежал в расслаблении, не мог даже встать. А мы часто молимся о болящих очень долго, и ничего не получается. Господь нам дает образ, пример сотника; если мы будем ему подражать, то и наша молитва будет так же действенна. Поэтому нужно очень внимательно в это Евангелие вчитаться, вслушаться, всмотреться, чтобы мы могли тоже свою молитву сделать такой же плодотворной.

Чем же этот сотник замечателен? Да очень многим. Во-первых, он просил не за себя, не за сына, дочку или внука, не за воина даже, который был в его подчинении, а за денщика своего. Это говорит о его великой любви, потому что редко какой начальник так любит своего подчиненного, что будет о нем заботиться, куда-то пойдет, станет хлопотать. Вот первая добродетель: у него было очень милостивое сердце, способное на любовь к человеку, который намного ниже его по положению.

Дальше мы знаем, что сотник сказал: "Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой". Этот человек обладал великим смирением. Он мог просто послать пару воинов и приказать: вот этого приведите мне. Сотник был оккупантом, главой гарнизона – в Москве глава гарнизона по меньшей мере генерал армии, – то есть в масштабе Капернаума он был большим начальником. Но вместо того, чтобы послать своих подчиненных за Иисусом, он сам идет к Нему и просит у Него. Мало того, что просит. Когда Господь сказал: Я сейчас приду, исцелю твоего отрока (потому что видел, что этот человек милосердный и действительно сострадает больному), он ответил: я недостойн, чтобы Ты ко мне пришел. То есть сотник имел великое смирение, имея такую огромную власть. А власть страшно портит людей. Даже есть такая поговорка: хочешь узнать своего друга, сделай его себе начальником.

Мало кто из людей может выдержать бремя власти, потому что все остальные начинают перед ним спину гнуть, угождать, подхалимничать. И человек, если у него не хватает ума (а чаще всего обычно не хватает), начинает эти знаки внимания принимать на собственный счет, хотя люди смиряются перед властью, а не перед ним. Потому что стоит ему умереть, как его забудут напрочь и вообще никогда не вспомнят, будут только смеяться. То есть кланяются-то перед его положением, а человек по своей глупости, неразумию, по своей греховности относит это к себе.

Но сотник этому искушению не поддался, он с великим смирением подошел – к кому? К какому-то странствующему проповеднику, которого любой мог обидеть, который и дома-то не имел постоянного, не имел где главу приклонить, был просто нищим. И он этому нищему говорит: я недостойн, чтобы Ты вошел в мой дом. И дальше: "Я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает". То есть сотник показал, что подчиненные слушаются его беспрекословно – но здесь власть Божественная, и он свою власть складывает, он признает, что она ничто по сравнению с той, которую имеет Сын Божий. То есть будучи человеком, имеющим огромные возможности, тем не менее он с глубочайшим смирением подошел к Спасителю.

"Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры". А в чем эта вера проявилась? Он сказал: скажи только слово, и исцелее отрок мой. Он не говорил: надо обязательно что-то сделать, что-то обязательно "заказать", какие-то действия произвести. Он имел такую сокрушительную веру, что не нуждался ни в каких доказательствах того, что Иисус – Сын Божий. Скажи только слово – и исцелее. И Господь удивился, говорит: во всем Израиле Я не нашел такой веры. Хотя позже Господь еще раз столкнулся с таким же проявлением великой веры, которая была также сопряжена с великим смирением, – когда жена хананеянка просила за свою дочь. Христос отказывался ее исцелить, но женщина своим смирением склонила Его.

То есть мы видим в сотнике самые главные христианские добродетели: веру, причем очень сильную; милосердие и любовь к человеку, ему не только чужому, но и который находится у него в подчинении; и огромное смирение. Поэтому выздоровел его отрок в тот же час. "Много бо может молитва праведнаго".

Он был праведен, этот сотник, и Господь его услышал сразу. И если Господь сразу не исполняет наши молитвы, это не потому, что Он нас не слышит. Господь слышит все, Он знает даже наши мысли. А почему же медлит? Потому что мы далеко не праведны. Господь любит праведники, а грешники милует. Поэтому если мы хотим заслужить у Бога милость, хотим склонить Его волю к нашей просьбе, то должны свою волю соединить с волей Божией. Сотник с верой, и любовью, и смирением подошел к Спасителю и попросил: исцели моего отрока. И если бы Господь Иисус Христос ответил ему: ты знаешь, голубчик, Богу угодно, чтобы твой отрок болел, – то можно быть уверенным, что он отошел бы смиренно и сказал: ну что ж? пусть будет воля Твоя. Но Богу было угодно, чтобы отрок исцелел.

Мы часто хотим получить от Бога того, другого и третьего – и не получаем не только потому, что в нашей молитве нет смирения и веры, но в нашей молитве часто нет и любви. В ней бывает в основном себялюбие, потому что мы обычно просим себе. И если даже молимся за кого-то, то это чаще всего не из сострадания к этому человеку, а потому, что его тяжелая участь досаждала нам, нам трудно терпеть. Поэтому мы просим за него, чтобы получить облегчение себе. И Господь, видя это, наши скорби не прекращает. Он ждет, когда наша вера окрепнет, когда наше милосердие к ближнему нашему вырастет, когда наше смирение даст дорогу благодати Божией. И если мы хотим, чтобы Господь призрел на нас, и похвалил нас, и рад бы был нашим делам, мыслям и словам, нам нужно в этих трех добродетелях преуспевать.

Во-первых, в смирении. А смирение – это значит иметь всегда мирный, невозмутимый дух; считать себя хуже всех, недостойным того, что тебе дается.

Во-вторых, в вере. Надо несомненно и твердо верить каждому слову, которое сказал Господь – не в какие-то магические действия или заклинания, а в то, что раз Господь сказал, то, значит, это истина. То есть нужно свою душу так повернуть к Евангелию, чтобы каждое слово действительно воспринималось нами как истина. Так, на словах вроде бы мы веруем в Евангелие, а на деле нет, потому что творим такие дела, которые не только с Евангелием никак не сочетаются, они даже и с Кораном-то никак не сочетаются и вообще ни с каким вероучением. Даже религиям, которые имеют массу заблуждений, – и тем мы не соответствуем, не говоря уж о высшей нравственности, которую принес на землю Господь Иисус Христос. Мы живем так, что если нам всю нашу жизнь показать, то мы ужаснемся, умрем от разрыва сердца. Мы просто привыкли к этому греху, живем в нем, и нам кажется, что мы хорошие. Мы ослеплены собственным себялюбием, но когда видим такой же грех в другом, то возмущаемся: как же так? да как же он может? Хотя сами делаем не только то же самое, но и в тысячу раз хуже.

Ну и, конечно, нет у нас милосердия. Господь дал главную заповедь, без которой нельзя войти в Царствие Небесное, она, собственно, и открывает туда вход: возлюби ближнего. И не просто возлюби, а как самого себя; не желай ближнему того, чего не хочешь, чтобы сделали тебе. Как просто! Если не хочешь, чтобы тебя убили, – и ты никого не убивай. Если не хочешь, чтобы тебя обидели, – и ты никого не обижай. А у нас получается, что мы себя всегда предпочитаем другому. Надо нам научиться входить в положение другого, воспринимать окружающих людей не как биологические объекты, которые мешают или помогают нам жить в данный момент, а подумать, что у них тоже есть чувства, заботы, какие-то скорби. Надо

научиться воспринимать другого человека именно как самого себя.

Вот как этот сотник: болен слуга. Да пусть хоть помрет, какая разница? Другого возьму, подумаешь, слуга! На что он нужен? Только сапоги чистить, да одежду гладить, да пыль с френчика стирать. Ан, нет. Он его боль воспринял как свою. Болеет-то один, а страдает другой. Но у нас так не получается. И от того, что мы нарушаем эту заповедь, мы совершаем иногда чудовищные поступки – например, мать убивает свое дитя во чреве. А хоть на секунду она бы представила: что, если ее разодрать на клочки щипцами и бросить в ведро – хорошо это, приятно? А потом прийти в храм и сказать: молитву дайте, а я завтра еще одного буду резать? Это происходит от того, что человек не чувствует чужую боль; он не понимает, что рядом живой человек, и не страдает ему.

Кому нравится, когда на него орут, когда ему хамят? Никому, все обижаются, слезы на глазах. А когда сам орешь? Подумай о том, что перед тобой не просто предмет какой-то, а человек, у которого есть душа, ум, сердце; войди в его жизнь. Но это можно осуществить только тогда, когда есть к человеку любовь. Если же ее нет, то получается один эгоизм, себялюбие. Господь говорил: "Да будут все едино", и молился об этом единстве. А оно может осуществиться лишь в любви. Без нее нельзя достичь Царствия Небесного, потому что туда можно войти только любя Бога. Но если человек любит Бога, это значит, что он любит вообще все.

Вот представьте себе, что какой-то человек очень щедр. Тогда он дает всем, он уже не разделяет, потому что, если бы он для одного был щедр, а для другого нет, это уже не щедрость. Вот так и любовь. Это такое свойство, которое милует и любит все. Поэтому Господь и сказал, что вторая заповедь подобна первой. Если человек научился любить Бога, то он не выбирает, он любит все: и дерево, и насекомое, и тем более человека, как высшее творение Божие. Любовь – это метод познания, потому что только любя ты можешь и узнать. Вот кто-то любит, допустим, биологию – и он ее узнает. А другой говорит: ой, я математику не люблю. Значит, у него нет о математике никакого представления. Так и здесь. Почему человек не любит Бога или почему не любит ближнего? Да потому, что он о Боге не имеет никакого представления, он и другого человека не чувствует.

Как же ты, человек, не ходишь в храм? Это удивительно. Литургия идет воскресная – а ты что-то там, в миру, ей предпочитаешь. Ну бывают невозможные обстоятельства: человек сидит в тюрьме, или у него нет обеих ног, или еще какие-то страшные беды – схватили, ударили, заболел, температура сорок один. Конечно, как тут поднимешься? Но не рваться всем сердцем в храм, когда есть служба? Это говорит о том, что человек совершенно не понимает, что здесь происходит; у него совершенно сердце холодное; он абсолютно не чувствует присутствие Бога в Божественной службе. А раз он не чувствует Бога, как он может любить Его? Раз он не любит Бога, как может любить другого человека? А если нет любви – тогда возможен всякий грех, всякое безумие, любые страшные поступки, даже уму непостижимые.

Отчего это происходит? Оттого, что человек живет грехом, а не любовью к Богу. Поэтому, естественно, когда с ним нечто случится и он начинает молиться, пытается как-то увернуться от тяжелых обстоятельств – ничего не происходит. Он говорит: "Господи, помоги!" Молчание. Он ничего не получает, потому что Господь знает: если ему сейчас помочь, освободить от того, что его мучает, дать то, о чем он просит, этот человек опять вернется к своим прежним делам. Пусть уж лучше он поскорбит и, находясь в этой скорби, прося постоянно у Бога, толкаясь то в одни двери, то в другие, может быть, в этом толкании постепенно что-то поймет, в его сердце ниспадет хотя бы один луч благодати Божией.

То, что достигается трудно, больше и ценится. Мать любит больше то дитя, с которым она больше намучилась. Это естественно. И художник любит именно ту картину, которая ему не давалась и которую он писал очень долго. Во что человек больше вкладывает труда, то ему дороже. Именно поэтому Господь так устроил, что путь в Царствие Небесное такой трудный – чтобы мы ценили ту благодать, которую Господь нам дает, потому что это самая величайшая драгоценность.

И образ этого евангельского сотника должен быть запечатлен в нашем уме и сердце, нам нужно понять: если мы хотим что-то получить от Бога немедленно, то должны обладать, во-первых, крепкой верой в то, что Господь нас слышит. А если Он нам чего-то и не дает в

данный момент, то, значит, так нам нужно. Мы должны иметь величайшее смирение и просить у Бога именно со смирением. Должны быть готовы принять то, что Господь даст, несмотря на наши просьбы, и ничего не требовать от Него, как это обычно у нас бывает: мы чуть не "с ножом к горлу", желаем во что бы то ни стало, а если нам не дается, впадаем в отчаяние.

И нужно обязательно стремиться к милосердию, свое сердце стараться умягчать. Вот, допустим, я человек жестокий, злой, грубый. Как мне себя изменить? Только постоянным упражнением своего сердца, все время приучая себя к милости, все время стараясь делать добро людям всем, без разбора, независимо от того, как они ко мне относятся и кем приходятся – не только своим, а вообще всем. Мы часто думаем: давать или не давать, хорошо это или плохо? Но если ты чувствуешь, что жаден, то лучше дай, потому что этим самым будешь упражнять свое сердце в милосердии. Вот ты сидишь в автобусе и очень устал. Вошел человек, и ты видишь, что он не так устал, как ты. Но если хочешь приобрести милосердие, то все-таки встань ради него, потому что милосердие можно приобрести только таким путем: отказываясь, отрывая от себя ради другого.

Кто-то тебе постоянно досаждаст своей грубостью, хамством, неразумием, властолюбием, раздражает своей суетливостью. Ты можешь ему выговорить, поставить на вид, можешь его заставить изменить поведение. И этому человеку, может быть, будет полезно, если ты его возьмешь в какие-то рамки; но будет ли польза от этого самому тебе? не повредишь ли ты своей душе? Не лучше ли тебе потерпеть, смириться и подождать, пока он сам поймет? Тогда это окажется более прочно, потому что, пока ты его держишь, он будет держаться, но как только ослабишь, он вернется к прежнему. А если он поймет сам, это совсем другое. Можно человека заставить в церковь ходить, каждое утро ему звонить: ну что ж ты спишь, пойдем в храм, да там так хорошо... И так его всю жизнь понуждать. Но как только ты умрешь, понуждать никто не будет – он опять не будет ходить. Другое дело, когда он своими ножками раз пришел, два пришел, остался – и уже навсегда. Это гораздо прочнее, тут уже не надо ни тащить, ни заставлять.

Поэтому нужно всегда, в каждом поступке прежде всего стяжать для себя духовную пользу. Некоторые говорят: это же эгоизм, сам себя спасаешь! Да, именно себя, потому что только так ты можешь помочь другому. И притом это есть высший подвиг, потому что спасти себя можно лишь одним способом: постоянно отказываться от своего ради другого. А это уже совсем не эгоизм, и те, кто упрекают христиан в эгоизме, так поступать не могут. Наоборот, они много говорят о милосердии, о любви к ближнему, палец о палец не ударяя, а истинный христианин как раз постоянно и занимается только тем, что жертвует собой ради другого. К этому и надо стремиться. И если мы действительно будем в этом преуспевать, тогда молитва наша будет действенной, Бог нас будет слышать, потому что мы будем в непосредственном общении с Ним в любви. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 5 июля 1987 года

Неделя о мытаре и фарисее

В наших молитвословах утреннее правило начинается с молитвы мытаря: "Боже, милостив буди мне, грешному". Из всех молитв святая Церковь избрала ее, потому что чувство, которое испытывал мытарь, – именно то чувство, с каким нужно молиться. Поэтому, говоря: "Боже, милостив буди нам, грешным" и вспоминая притчу о мытаре и фарисее, можно настроиться на правильное молитвенное делание. Но у нас часто все происходит формально, бездумно, поэтому мы об этом настрое забываем. А усвоить его умом, а потом и принять сердцем для нашего благочестия крайне необходимо.

Притча говорит о том, как два человека вошли в храм. Можно сказать, что не два, а много людей – мы все пришли в храм, и каждый из нас молится по-своему, в свою меру: один старается следить за словами песнопений; другой о чем-то своем просит; третий просто мечтает, умом то туда улетит, то сюда; четвертый вспоминает о чем-нибудь; пятый просто стоит и мучается, думает, когда же служба кончится; шестой ждет, скорей бы молебен, потому что он пришел молебен служить, а то, что здесь происходит, ему вообще непонятно – так, отдельные слова доходят до ума, тогда на секунду ум включается в происходящее. То есть у

всех нас разное состояние души и разная степень церковного образования.

И вот два человека вошли в храм – мытарь и фарисей. Мытари – это сборщики налогов. Прежде законы не были так развиты, как теперь, поэтому каждый сборщик очень быстро богател, потому что всегда немножечко больше, чем положено, брал себе. Мытарей все иудеи ненавидели за то, что они обирали своих. Они были такими полицаями: собирали у собственного народа налоги в пользу римлян, то есть оккупантов. А можно себе представить, что такое для иудея деньги. И мытарь их отбирал и отдавал ненавистному римлянину. Поэтому мытарь – это был символ грешника. Хуже человека не было. К нему никто в дом никогда не входил. Какие бы он пиры ни устраивал, на его приглашения никто никогда не откликнулся. Он был всеми презираем. Если кто-то становился мытарем, родственники переставали с ним здороваться, обходили его за версту.

А фарисейство – направление тогдашней религиозной мысли. Фарисеи – люди, которые во всем старались исполнить закон Божий, старались изо всех сил жить праведно, благочестиво, выполняли все предписания закона: в какие дни поститься, когда нужно какие праздники отмечать, когда положено в храм ходить, что дома делать. Они были учителями народа, знали Священное Писание, многие даже заучивали большие куски наизусть. И весь народ их почитал, уважал, называл учителями, все с ними советовались по всяким поводам.

И вот два таких человека – всеми уважаемый праведник фарисей и всеми презираемый грешник мытарь – входят в храм и молятся Богу, каждый про себя. Фарисей обращается к Богу и говорит: "Боже! благодарю Тебя". Потому что действительно, что мы можем Богу принести, какую жертву? Только поблагодарить Его. Но за что он Бога благодарит? За то, что он такой хороший в отличие от всех. И дальше он перечисляет, в чем его такая выдающаяся замечательность: "Что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю". Он благодарил Бога за то, что он хороший, потому что был образованным человеком в осмыслении Священного Писания и понимал, что то, что в нем есть доброго, это все от Бога.

"Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику!" И дальше Господь говорит: "Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится". То есть Господь поставил этого фарисея ниже мытаря. Стало быть, то, что он постился, десятую часть всего имущества на храм отдавал, не грабил, не прелюбодействовал, – это все было перечеркнуто тем, что он себя превозносил, перечеркнуто его гордостью. Вот насколько гордость, тщеславие и честолюбие опасные страсти. А мытарь, хотя был и грабителем, возможно, и прелюбодеем, и выпивал, и много еще у него было грехов, но он ушел оправданным более. И можно смело утверждать, что мытарь после этой молитвы встал на путь исправления.

Молитва оценивается по плодам, а не по тому, что испытывает человек на молитве. У фарисея на душе было очень хорошее чувство умиротворенности, покоя, благодушия. А мытарь – нет; его молитва была смятенной, скорбной; он был далек от того мира и покоя, которые испытывал фарисей. Но молитва мытаря принесла плод, а фарисея – не принесла. Бог одного оправдал более, чем другого, то есть молитва мытаря оказалась приятней Богу, потому что Бог гордым противится, а только смиренным дает благодать.

Что значит Бог оправдал? Это значит, Бог простил, Он изгладил в сердце человека грех. Вот что такое прощение от Бога, вот каков плод молитвы. Если я утром стою на молитве и говорю: "Господи, избавь меня в сегодняшний день от злобы, которая меня обычно душит с утра до вечера: все меня раздражает, всем я недоволен". И если я вечером начинаю вспоминать собственный день и вижу, что, оказывается, провел его без злобы, меня ничто не раздражало, я был в мире, – что это значит? Это значит, что та молитва, которую я хоть и лениво, и зевая, но вознес к Богу, была Им услышана, Господь ее принял. А если я, летая по комнате, бия себя в грудь, умилаясь до слез и делая десятки тысяч поклонов, с той же просьбой обратился к Богу и, несмотря на слезы, стучание лбом об пол и то, что я двадцать акафистов прочел, все-таки продолжаю раздражаться, то значит, Бог меня не оправдал, эта молитва Богом не принята.

Вот лежит мертвый человек. "Господи, Ты его воскреси!" – и человек встает. Значит, молитва была хорошая. А если мы помолились, а человек не воскрес, значит, молитва Богом не

принята. Так же если мы просим о избавлении от какого-то греха и действительно чувствуем ослабу, чувствуем, как грех от нас отступает, то значит, эта молитва принята Богом, мы получаем оправдание, мы получаем прощение. А если нет – то нет.

Господь принимает только ту молитву, которая идет из смиренного сердца, когда человек осознает свою греховность перед Богом. Господь говорит: "Я пришел не праведники спасать, но грешники". А один святой сказал: "В Царствии Небесном нет ни одного праведника, а только одни кающиеся грешники". Фарисей был праведник, но мытарь его обошел. И Господь однажды так сказал: "Мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие". Фарисеи со всею своею праведностью дошли до того, что распяли Христа Спасителя, а некоторые из блудниц стали ученицами Христовыми. Как это произошло? Что фарисеям мешало? Гордость, превозношение, то, они считали себя лучше других, умнее, чище. Да, формально, по внешним, социальным признакам фарисей чище мытаря: он не грабил, не прелюбодействовал, вина не пил, постился. Но это с точки зрения человеческой. А Богу гордость настолько отвратительна, что хуже ее быть ничего не может. Трезвый гордец гораздо более безобразен перед лицом Бога, чем самый окаянный пропитошка, который знает, что он грешник, сознает свой грех и смиряется. Просто с точки зрения людской пьяница социально опасен. Люди-то все смотрят, как им лучше. Но перед Богом все наши добрые дела ничто.

Представим себе, сколько добра сделал, и делает, и будет делать Сам Господь. Это бесконечное море, и по сравнению с ним все наши потуги добрых дел ничтожно малы. Поэтому вся эта праведность фарисейская настолько мала и ничтожна перед лицом Божиим. Богу нужны от человека не какие-то внешние проявления его добрых дел, не по делам человек оправдывается, а по своей сути. Господь смотрит на то, каков человек по своей природе. И по своей природе, по сути душа мытаря была смиренная и кающаяся. И мытарь больше веры проявил, больше истинного понимания, он оказался более духовным человеком, хотя формально был большим грешником.

Вот такой получается парадокс. Значит ли это, что мы не должны делать никаких добрых дел? Нет, наоборот, каждое доброе дело нашу душу умягчает, подводит ее к Богу, упражняет наше сердце в христианских добродетелях. Поэтому мы через добрые дела можем стать ближе к Богу. Но если к ним примешивается тщеславие, делание напоказ, самовосхваление, стремление подчеркнуть свою заслугу, о ней рассказать, продемонстрировать ее, то это отвратительно. Это и у людей не ценится и неприятно выглядит, а тем более у Бога. Поэтому Господь сказал: если ты делаешь какое-то милосердное дело, делай его втайне, и Господь, видя твое "тайное, воздаст тебе явно". А апостол Павел говорит: смотрите, как бы все не говорили о вас хорошо. Упаси Бог, если мы ведем жизнь такую, что все вокруг нас только восхваляют. Это значит, мы упражняемся не в богоугодии, а в человекоугодии, стараемся у людей славу получить. Но если мы продолжаем тщеславиться, осуждать других, продолжаем оценивать людей и в этой оценке себя ставить выше их, то значит, молитва наша будет без плода, она будет просто бессмысленна. Поэтому Господь нас об этом и предупреждает.

В духовной жизни очень много парадоксов. Фарисей думал, что он исполняет закон и, значит, все в порядке, значит, ему лоно Авраамово, Царство Небесное, обеспечено; мытарь же такой-сякой, грешник – значит, ему лона Авраамова не видать. Это он так по-человечески рассуждал, а Господь, наоборот, оправдал больше мытаря. Как же случилось, что фарисей заблудился? Видимо, хотя он и знал Священное Писание, но не обращал внимания на слова пророка Исаии: "Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших". То, что у людей считается высоко, перед Богом есть мерзость, а то, что у людей в пренебрежении, у Бога высоко. Духовная жизнь противоположна мирскому обычаю.

Вот некоторые говорят: надо же, как умер хорошо – вздохнул и умер; как повезло, какая легкая смерть. Это с точки зрения мирской. А с точки зрения духовной хуже этой смерти быть ничего не может, потому что человек не подготовился к смерти, не пострадал, не успел даже о ней подумать. Я был знаком с одной замечательной женщиной, монахиней. Она все говорила: какая болезнь прекрасная – рак; во-первых, неизлечимая – заболел и уже точно знаешь, что рано или поздно она приведет к смерти; и в то же время умираешь не сразу, как от инфаркта, а дается время на покаяние. Только один недостаток: приходится очень страдать от боли. И ей

Господь за ее духовное разумение послал именно эту болезнь, но она угасала абсолютно безболезненно. Полгода она болела и таяла, таяла, таяла. Она знала свой диагноз и поняла, что Господь принял ее молитву и дал ей время на покаяние, на последнее очищение и в то же время по ее такой робости, немужественности послал возможность перенести рак безболезненно.

Вот так люди духовные рассуждают, потому что единственная цель христианской жизни – достижение общения с Богом в Царствии Небесном, в бессмертии. А для мирского человека важно, наоборот, здесь, в земной жизни устроиться как можно счастливей, безопасней и благополучней. И вот фарисей этого достиг и думал, что перед Богом он очень высок. На самом же деле, наоборот, мытарь был гораздо выше его – со своим страданием, со своей скорбью, с той ненавистью, которую ему приходилось терпеть от людей.

Апостол Павел в послании к Тимофею, которое мы сегодня читали, пишет своему любимому ученику: "Ты последовал мне в учении, в житии, расположении, вере, великодушии, любви, терпении". И что за это получил? "В гонениях, страданиях, постигших меня в Антиохии, Икони, Листрах; каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь". То есть человек, отдавший себя в руки Бога, ставший служить Ему, за это испытывает только гонения, только постоянные скорби. И Павел Тимофея хвалит за то, что он последовал тем же путем. И дальше он говорит: "Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы. Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь".

Они будут думать: детки мои устроены, ничего у меня не болит, дом – полная чаша, дача есть, все у меня в порядке – значит, я умею жить. Такие люди обычно всех начинают учить: вот смотри, как я; делай, как я. Но это большое заблуждение, потому что такая жизнь Богу не угодна. И когда у человека все благополучно, то это первый признак того, что Господь от него отступил. И этот фарисей был очень благополучным, но это свидетельство того, что Господь от него отвернулся. Потому что отсутствие в жизни человека скорбей, отсутствие болезней означает, что Бог потерял надежду на его спасение. Потому что в Царство Небесное, во спасение можно войти только многими скорбями. И обилие скорбей означает, что человек на правильном пути. И Господь избавит его от скорбей, проведет через них, просто они необходимы для того, чтобы очистить человека от его грехов.

Если мы вот так, по-духовному, будем рассуждать, если такие мысли в наше сознание внедрятся, то мы никогда на молитве не выйдем из этого спасительного покаянного чувства мытаря: "Боже, милостив буди мне, грешному". И так надо взывать всегда, и в радости, и в скорби. Ни в коем случае никогда не превозноситься, не ставить себя выше другого. Если даже человек вдруг увидит, что кто-то хуже, чем он, ему надо с ужасом от этой мысли отшатнуться, потому что это глубокое заблуждение, это наш суд, человеческий. На самом деле неизвестно, кто перед Богом выше. Мы судим только по внешности, мы не можем знать жизнь человека, а видим лишь какой-то отдельный поступок, какую-то отдельную черту его характера или его жизни и делаем вывод. И этот вывод в корне неправильный.

Мы ведь как? Если человек к нам относится хорошо, мы говорим, что он хороший; если он относится к нам похуже, мы говорим, что этот человек похуже; если он к нам относится совсем плохо, мы говорим, что он плохой. А может быть, он только к нам плохо относится, а ко всему миру хорошо. Но так как он повернут к нам этой стороной своей личности, то мы начинаем его отрицать.

Только Бог объективен, только Бог знает человека со всех сторон. И вот нам этот пример. Два человека вошли в храм – хороший и плохой. И плохой оказался более оправданным, чем так называемый хороший. Потому что он был хорошим только по внешности, а внутри, в глубине его души жили страсти: тщеславие, превозношение и гордость.

Постараемся же, с помощью Божией, очиститься от гордости, чтобы Господь, видя наше смирение, оправдал и даровал нам Свою благодать. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 31 января 1988 года

Всенощное бдение под Неделю Крестопоклонную Великого поста

Великим постом срединное воскресенье называется Крестопоклонной неделей. Святая Церковь укрепляет нас в посте, этом посильном подвиге, который мы несем ради спасения

души нашей и ради Царствия Небесного. А так как даже малое усердие ко Господу сопряжено с трудами, а значит, со скорбью, то святая Церковь утешает нас: в середине поста напоминает нам о Древе Крестном. И когда мы взираем на Крест Господень, вспоминаем страсти Господни, тогда начинаем устыжаться своих скорбей.

Чем замечателен современный человек в сравнении с человеком предыдущих эпох? Тем, что он все время ноет, всем недоволен, постоянно жалуется, ему все плохо, все больно, все нехорошо, все не так; он очень слаб духовно – слаб духом. И это не только у нас с вами – это болезнь века. И вот святая Церковь в нашем малом усердии, в малом служении, в посте укрепляет нас Крестом, чтобы каждый подумал над тем, что Господь претерпел. По старинной русской пословице: "Господь терпел и нам велел".

Да, Господь терпел, а нам-то велел зачем? Когда человек начинает страдать, все в нем возмущается, причем такое возмущение очень естественно. Посмотрим на младенца: он лежит в пеленках, спит, но вот проснулся – и начинает плакать. Спрашивается, почему? Ну, во-первых, потому, что ему скучно: он открывает глаза, а мамы нет; потом ему уже немножко хочется есть, хотя кормление должно наступить по режиму через пятнадцать минут и он не умрет, если потерпит. Когда было землетрясение в Колумбии, нашли младенца, который две недели пробыл в подземелье засыпанный щебенкой, не ел, не пил, был почти без воздуха – откопали его, он жив. Нашли родителей, вернули – чудо. А тут пятнадцать минут не может полежать, начинает кричать, возмущается, ему нехорошо, ему надо, чтобы его на ручки взяли, может быть, он уже мокрый.

Почему человек возмущается, когда ему нехорошо? Да потому, что это противоестественное состояние. Господь создал человека не для того, чтобы он страдал и терпел, а для блаженства. И человек блаженствовал, было такое время – это время пребывания Адама и Евы в раю, когда у них не было ни забот, ни трудов, ни скорбей, ни болезней, а было непрестанное пребывание с Богом, непрестанная радость, созидание и творчество, к чему и был призван человек. Но ему, помимо этих прекрасных вещей, дана была еще и свобода, и он эту свободу употребил во зло. И чаще всего человек свободу употребляет во зло.

Опять посмотрим на детей. Вот есть у мальчика свободное время – что, он откроет учебник и начнет дальше читать, или по музыке новую вещь разберет, или, может быть, без напоминания вынесет помойное ведро, или вымоет посуду? Нет. А на что же он употребит свое свободное время? Чаще всего на зло, ничегонеделание или на чтение, которое обычно совсем непотребно и бесполезно для его души. Потому что человек, когда стоит перед выбором, как правило, выбирает не то, что благо, а то, что проще, то, в чем для него заключается соблазн, – и поэтому все дальше и дальше отходит от Бога. И если мы сравним младенца и взрослого, то увидим, что ту чистоту, которую человек имел в младенчестве, непосредственность, способность легко прощать взрослый утратил в результате того, что постоянно в течение всей своей жизни отказывался от добра и сознательно выбирал зло, во зло употреблял свою свободу.

Поэтому нет нужды удивляться тому, что Адам пал. То же самое происходит со всеми нами. И Господь страдает от этого. Кто из нас не страдает, видя, что наши дети идут не тем путем, которым нам бы хотелось? У кого из нас не возмущается сердце, когда мы видим, что наше дитя лежит, задрал ноги, и ничего не делает, плюет в потолок, если в комнате, допустим, беспорядок. Как же так? почему же это такое? вот ты убери все, а тогда валяйся. Это с нашей точки зрения. А с его совсем наоборот – зачем убираться, когда завтра опять будет беспорядок? какой в этом смысл? уж лучше просто лежать, и все. У каждого своя правда. Мы уже привыкли к порядку, он нам мил, мы понимаем, что без него нельзя ничего в жизни достичь, это необходимое условие всякой работы и вообще жизни. Беспорядок мучает нас; никто не любит убираться, но все любят порядок, воспринимают его как благо. А наше дитя, еще не имея такого опыта, воспринимает его не как благо, а, наоборот, как необходимое зло. И часто на одно и то же действие, на одну и ту же ситуацию у людей бывают совершенно разные взгляды.

Поэтому очень понятно, что нам хочется одного в жизни, а Богу – нашему Отцу – хочется другого. Это происходит оттого, что мы маленькие, глупые, мы не понимаем и не думаем, чтобы понять. Ребенок не думает о том, что скоро будет взрослым. Девочка маленькая, которая не приучилась к домашнему хозяйству (мама ее все время заставляла, а она все время упиралась), не понимает, что мама-то ей желает не зла, а добра. Мама знает, что если дочка

вырастет неумехой, то никогда не даст семье своей благо, а, наоборот, там всегда будет кавардак, мучение, раздраженный муж и так же не приученные к порядку дети, то есть сегодняшний сумасшедший дом возрастет в квадрате. Но ребенок ищет своего и не ищет исполнения благой воли родителей. Так и мы – маленькие, глупые – не понимаем того, что нашу жизнь нельзя назвать полной, что после смерти тела жизнь наша не кончится, а только начнется. О смерти, которая всем нам предстоит, мы теоретически знаем, но совершенно о ней не думаем и не сознаем, что она переведет нас в абсолютно другую ситуацию, к которой мы не готовы и которая многих из нас поставит в полный тупик.

С нашего рождения и до смерти проходит очень короткий период жизни, а после смерти начинается жизнь вечная, у которой конца нет. И как от развития ребенка в утробе матери зависит его земное бытие, так и жизнь за гробом зависит от того, как человек прожил от рождения до своей смерти. Но как ребенок в утробе матери ничего еще не понимает – хотя он, конечно, много чувствует и много воспринимает, но это еще не полнота бытия, – так и мы многого не понимаем, не чувствуем, многое нам невдомек в этой земной жизни.

И чтобы вывести нас из этого тупика, Отец Небесный послал на землю Единородного Сына Своего, Вторую Ипостась Пресвятой Троицы, Божественный Логос, Господа Иисуса Христа. Человек может воспринять нечто недоступное только через подобие, поэтому Сын Божий принял плоть человека, чтобы каждый из нас, по подобию, мог понять Отца Небесного, воспринять Его. Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом, как говорили святые отцы. Поэтому каждый познавший Иисуса Христа тем самым познает и Отца Небесного и может войти в жизнь вечную, услышать, что Отец передал ему через Сына. Единственная задача человека на земле – познать Сына Божия, но для этого мы должны поверить Ему. Раньше не говорили: веруешь ли ты в Бога? – потому что в Бога веровали все; каждый в своего, каждый по-разному, но в Бога не веровать – это было для человека невозможно. Поэтому говорили: веруешь ли Богу, то есть тому, что Бог сказал?

Ты веруешь в то, что пришедший на землю Бог говорил истинные слова? Если веруешь, тогда надо своей жизнью эту веру подтвердить, надо свое бытие изменить так, чтобы те слова, которые Бог говорил, ходя по земле, стали твоей жизнью, стали руководством в потемках, в которых ты блуждаешь. Они есть нить, держась за которую можно выйти на свет Божий. И эта же нить ведет в вечную жизнь, туда, в тот мир, в котором мы все будем, но некоторые окажутся отринуты от Бога. Не потому, что Бог такой нехороший, злой, обидчивый – нет, а просто потому, что мы Его не познали. Если мы Его познаем здесь, живя на земле, то узнаем и там, как узнали Его апостолы, когда Он воскрес, – пусть не сразу, но потом узнали. Вот цель нашей жизни.

Посмотрим на Христа. Он Сам жил на земле и дал нам образ, каковой должна быть жизнь наша. Что же Он, будучи человеком, претерпел? Сначала, как все младенцы, Он был в послушании у Своих родителей. И Христос не доставлял им всяких огорчений, а был послушным ребенком, хотя Он был Вседержитель. Он мог бы создать Себе других родителей, мог создать другую вообще планету и населить ее совершенно другими существами, но Он любил именно этих людей, Своих чад, которых создал от Адама много лет, веков и тысяч лет тому назад. И не хотел их, вот этих конкретных людей, погубить, а хотел именно их спасти. И ради этого претерпел суровую жизнь – был гоним, уже с самого младенчества Его хотели убить. И вся Его жизнь была сплошной мукой – не только физической, закончившейся самой страшной казнью, которую только можно перенести человеку, но и нравственной, душевной, духовной. Он страдал всем Своим человеческим существом, как только может страдать человек. Он терпел и непонимание, даже от Своих родителей, от Своих братьев, детей Иосифа, и самых ближайших родственников, которых любил; и от тех учеников, которых Он избрал, перед которыми сотворил много чудес, которых учил – Сам ходил с ними по Галилее, по Иудее и их воспитывал. И в результате что? Все разбежались, один вообще предателем стал, другой отрекся.

Был ли Он на земле счастлив? Невозможно вообразить Христа веселым, довольным, улыбающимся, потирающим руки, пребывающим в самодовольстве. Лик Христов предстает перед нами в молчаливой печали и скорби, потому что Он всех любил, всем сострадал, Он всех хотел вывести из мрачного тупика их собственной жизни, но понимание-то находил в

единицах. Можно себе представить, как Он проповедовал Евангелие, какие Он находил слова замечательные, так что уже две тысячи лет прошло, а эти слова опять и опять в новых поколениях людей уже другой культуры, другой национальности, другого совершенно духа времени все равно продолжают находить отклик – насколько это было удивительно! И все равно вокруг предатели, иуды, завистники, фарисеи, озлобленные, и желавшие Его убить, и несколько раз пытавшиеся, пока все-таки им это не удалось.

Вот образ жизни христианской и образ отношения христианина к этой жизни. Скорбел ли Он? Да. Тяжело Ему было? Да. Но Он не пытался заставить этих людей что-то совершить, не пытался их силком переделывать. Он им только показывал, как надо, показывал, что такое вера, что такое благородство, что такое молитва. Он просто был и учил, а каждый, если хотел – воспринимал, не хотел – не воспринимал. Поэтому слушали Его сотни, тысячи людей, а стали учениками очень немногие, всего около пятисот человек из тех, которые Его постоянно окружали. И в этом нет ничего удивительного, хотя проповедовал Евангелие Сам Бог, Второе Лицо Пресвятой Троицы.

И мы все являемся Его учениками, продолжателями Его дела – мы, пока такие же немощные, такие же слабые, постоянно уклоняющиеся от истины, никак не возмущие в толк, что земная жизнь дана нам не для счастья, не для того, чтобы все у нас было хорошо; что мы родились в эту жизнь для скорби. Каждый из нас, когда родился только из утробы материнской, начал уже орать, потому что душа наша сотрясалась и чувствовала, что мы на землю прибыли из небытия. Нас не было – и вот мы возникли из ничего; из двух клеток произошло наше тело, а божественную душу вдохнул в нас Бог в неведомый, совершенно таинственный момент, который никто никак не может ни разгадать, ни понять: когда это вдруг возникает Моцарт, Серафим Саровский? Вот две обыкновенные клетки сливаются – и вдруг получается Суворов, или какой-нибудь очень хороший мастер, или возникает какая-то удивительно любящая мать. Для нас это все привычно, обыденно, мы над этим не задумываемся, но это величайшее чудо.

Для чего же мы родились на свет? Мы родились, чтобы страдать, потому что только так мы можем что-то важное понять. Потому что страдание очищает, оно человека делает мудрее, учит его, возвышает – любое страдание. Поговоришь с человеком тридцати пяти лет – он обычно рассказывает о том, как служил в армии. Ему было тяжело, на него давили, он оторвался от отца и матери – но он об этом вспоминает как об особенно важном периоде своей жизни. Поговоришь с воевавшим стариком – он вспоминает только войну; прошло уже сорок лет, а он говорит все о войне, о войне, о войне. Почему? Да потому, что только в это время он и жил по-настоящему. Поговоришь с матерью – она говорит только о своих детях: как она их рожала, как мучилась с ними. И вот это мучение и было тем временем, когда она, собственно, жила, а вовсе не время, когда она еще была свободна, туда-сюда фланировала и занималась всякими веселыми и легкими делами. Так же и ученый – он не так радуется открытию, а более вспоминает муки, которые испытал, когда еще искал. И художник всегда мучается, создавая картину. В любой картине, даже если кажется, что она написана легко, заключено колоссальное страдание.

Вот у нас недавно художники работали. Не будем говорить о их степени церковности, духовности, но было видно, что работа эта – хотя она и оплачивается, и они сами за это взялись – приносит страдание. Они сделать старались, как могли, а может быть, даже лучше, чем могли; не спали ночи, что-то там у них не получалось. И когда они будут вспоминать, как в Алтуфьево храм расписывали, они не вспомнят день получки и как они выпивали на эти деньги или как принесли деньги женам и купили им по шубе, может быть, а будут вспоминать вот эти страдания, потому что в это время они были людьми, в это время они возносились духом, они приобщались к Божественному.

Или мать, которая вкусила материнства (когда один ребенок родился или два, тут еще весь потенциал не может быть растрочен, а когда женщина родит пятого, шестого, она тогда уже входит во вкус), – с любой женщиной поговори, имеющей семь – девять детей, и она скажет: теперь уже легко. Потому что человек понимает: вот это-то и есть жизнь; в страдании он учится самому главному – состраданию и любви.

Через страдание только человек может познать, что такое любовь. И Крест Господень – это есть символ любви, потому что любовь всегда распинаема. Мать распинаема своими

детьми, художник – своей картиною, биолог – лабораторией, своими опытами, математик – алгоритмами; он ими мучается. И каждый человек в жизни своей распинается ради того, что он любит. И если мы хотим достичь духовной жизни, то должны распяться – распяться вместе со Христом, сораспяться Ему. Тогда наша жизнь приобретет смысл, потому что страдание введет нас в вечную жизнь, мы достигнем Царствия Небесного, мы познаем, мы его ощутим, мы войдем в него через распятие. Не нытье и поиски земного счастья нужны, а именно голгофа, скорбь и принятие страдания ради Царствия Божия, ради того, чтобы угодить Богу, потому что любовь всегда жертвенна. Любовь – это когда один человек жертвует собою, именно собою, ради того, что он любит. Поэтому если мы любим Царствие Небесное, любим нашего Бога, мы должны жертвовать собою ради Него, как Он пожертвовал Собою для нас.

Он пришел с небес, из всеблаженного пребывания со Отцом Небесным сошел на землю и страдал и сострадал. Для чего? Чтобы нас спасти. Хотя многие говорят: взял бы стер с лица земли и сделал бы других, хороших. Но говорить так – это такая же глупость, как, когда мама кричит: "Вова, домой, обедать", а он говорит: "Нет, я еще погуляю", – подойти к ней и сказать: "Давай мы сейчас этого Вову уьем, а дадим другого, хорошего, послушного". Какая мать на это пойдет? Каждая скажет: "Зачем мне другой?" Ей нужен ее Вова, вот такой, какой он есть. Хотя она, конечно, и хочет, чтобы он был лучше.

Так же и Бог, Он любит нас таких, какие мы есть. Он же нас создал. Только Он хочет, чтобы мы жили не так, как нам заблагорассудится, а стали бы людьми, человеками, чтобы мы приняли крест свой, который каждому из нас Господь Сам дает. Сколько людей на земле живет – и все страдают, но каждый страдает по-своему, потому что каждому Господь собственный крест дает, чтобы он свой крест нес согласно своему психофизическому составу: своей душе, развитию, образованию, физической силе – согласно всему своему устроению.

Каждому Господь дает его крест, каждому его труд, каждому его обязанности, каждому его жизнь. Поэтому нечего удивляться, что один человек за одно преступление пять лет получил, а другой за такое же преступление – вдруг три года. Мы говорим: вроде, несправедливо. Но так Господь устраивает, потому что кто что может понести, то Господь каждому и дает, и ничего сверх того. Каждому Господь собственную меру страданий отпускает за его собственные грехи для того, чтобы его очистить, чтобы его возвести на духовную высоту. И нам нужно глубоко понять, что все, что в нашей жизни случается скорбного, дано не для того, чтобы мы это отвергли, а для того, чтобы приняли, потому что скорби всегда нам полезны. Только так мы можем стать людьми. И хотя на первый взгляд скорбь нас ужасает, но потом мы поймем (часто многие под старость это понимают, если идут христианским путем), что все, что было в жизни тяжелого, было крайне необходимо.

И Христос прошел тем же путем. Он ни от чего не уклонился, хотя и ужасался. Мы вспоминаем, как в Гефсиманском саду Он молился до кровавого пота и просил: "Отче Мой!.. да минует Меня чаша сия". Но потом сказал: "Не Моя воля, но Твоя да будет". Да, Я, как Человек, всем Своим существом возмущаюсь и не хочу этого страдания, потому что Я его не заслужил, Я на земле не сотворил ни одного греха. Поэтому в антифоне поется: "Людие Мои, что сотворих вам? И что Ми воздасте? За манну желчь, за воду оцет, за еже любити Мя, ко Кресту Мя пригвоздисте". За что? Не за что, а почему. Он для того и пришел, чтобы спасти нас – через Крест. Он первым должен был через Крест взойти на небо. Христос стал новым Адамом, Он первый воскрес из мертвых и дал нам дорогу в Свое Царство. Поэтому каждый, кто последует Его путем, тоже совоскреснет со Христом и будет с Ним вечно пребывать в Царствии Небесном – с Ним, с Этим Человеком, самым лучшим из всех, которые когда-либо ходили по земле. И если мы сердцем примем, познаем, вкусим Его, нам ничего в жизни уже не захочется другого. Мы все принесем в жертву Ему – всю нашу жизнь, "весь живот наш Христу Богу предадим" – так мы молимся. "Тебе, Господи".

Вот это и утверждает сегодняшний день. И этот пост, малый наш подвиг, мы предпринимаем для Него, хотя и трудно поститься, особенно тем, которые только начинают, и вообще воздержание трудно, и часто у нас не получается. Но в этом нет ничего страшного, лишь бы было усердие. У нас еще есть времечко, нас еще ноги носят, у нас еще есть возможность повернуть жизнь ко Христу, исправить ее в том, что мы пока не исправили, подумать над тем, что нам еще нужно докончать, и все время стараться быть в Его глазах

угодными. Нам нужно принимать свой крест, принимать ту скорбь, которую Он дает, и не роптать; учиться быть благодарными за все. Нам так много дано! Ведь если бы каждый из нас пошел путем Христовым, мы бы не умерли, а перешли прямо от смерти в жизнь. Никто бы из нас даже никогда не узнал, что такое ад; мы прямо вошли бы в Царствие Небесное. Ведь это удивительное чудо!

Любой человек, родившийся до пришествия Христа, независимо от того, праведник он был или грешник, вступал во ад, в место отторжения от Бога, потому что не знал Христа. Даже людям, которые ожидали Его пришествия, пришлось ждать, пока Он не умер на Кресте для того, чтобы сойти во ад. Его смерть была необходима, чтобы вывести из ада тех, кто ждал Его, кто жил только Им, кто знал, что Искупитель придет. И вот пришел Искупитель. Он нас искупил Кровью Своей. Ведь какое чудо: если любой грешник раскаивается и говорит: "Господи, прими меня, я исправлюсь, я начну другую жизнь", – то Господь забывает его грех; грех перестает быть, если человек от него отвернулся. Куда он девается? Мы ведь его совершили – куда же он исчез? А он взят на Себя Христом.

Если бы Адам не согрешил, он бы жил вечно и никогда не умер. Первый человек и так прожил очень много сотен лет, но он бы не умер и после этих столетий, а дожил до наших дней, если бы не пал. Так и Христос – когда родился, Он был бессмертным. Как же бессмертный и безгрешный смог умереть на Кресте? Он умер потому, что грехи всех людей от Адама и до нас с вами взял на Себя: каждое наше раздражение, каждый ропот, глупость и невосприимчивость – все греховное море всех людей от начала и до конца. Если мы задыхаемся от собственных грехов, мучаемся ими, то каково было Его страдание, когда Он грехи всех людей взял на Себя. Именно поэтому у Него пот падал как капли крови. И конечно, ни один человек на земле не мог бы это вынести – только Бог, только совершенно безгрешный мог все это бремя взвалить Себе на плечи. Как Григорий Богослов сказал: Христос ради нас стал грешником. Поэтому Его и убили на Кресте, что Он наш грех пригвоздил ко Кресту.

И когда мы приходим к Нему, истекающему кровью, и говорим: "Прости нас", – Он прощает. Он имеет эту власть прощать, потому что для этого на землю и пришел. Вот нам дана такая благодать. И если мы этим пренебрегаем, Бог ли виноват в том, что мы не войдем в Царствие Небесное? Нет, не Бог. Это значит, мы сами от Него отвернулись. Значит, нам наша мышьяная возня дороже всего на свете. Нам вот это важно: наше собственное "я", наши собственные амбиции, наша собственная личная жизнь, наше мельтешение в течение семидесяти – восьмидесяти лет, пока мы здесь пребываем. Значит, нам совершенно безразлично, что Христос ходил по земле и то, что Он говорил, что Он делал, как Он жил.

А если нет, если для нас это важно, то начнем свою жизнь менять и изменим ее так, как хочет Христос – чтобы Он, глядя на нас, не страдал, а радовался, что мы детки Его послушные, что Он не зря нас создал и не зря каждому из нас обитель уготовал на небесах. Нас хоть и мало, но каждому из нас уготована небесная обитель, и если мы туда не войдем, то будет не Христос виноват, потому что Он все для нас сделал. Вот Он на Кресте перед нами лежит распятый. Что нам еще требуется? Что мы еще хотим? Вот Он, безгрешный, распялся за нас, пролил Свою Кровь для того, чтобы нас этой Кровью напитать, и мы завтра можем этой Крови причаститься для того, чтобы обоготворить свою душу, облагодатить свое тело, соединиться с Богом. Каждый из нас может завтра приступить к Чаше жизни, может смешать свою кровь с Его Кровью, может стать частью Его, может принять в себя часть Его Божественного Тела, соединиться с Ним не только духовно, душевно, но и телесно даже – так, как невозможно вообще никакое другое соединение; принять Его в себя.

Вот Он нам что дает! И если мы остаемся безучастными, то в этом опять совсем не Он виноват, а виноват наш грех, к которому мы пристрастны. Поэтому Крест Господень утверждает победу над грехом. Для этого христианину и заповедано Церковью носить крест на шее – почувствовал его на себе и вспомнил, Чье ты носишь изображение на своей груди. Кто там изображен? Там изображен распятый Христос. И если ты христианин, ты так же должен распинаться этому миру и не искать своего, а искать только исполнения Христовых заповедей. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 12 марта 1988 года, вечер

Всенощное бдение под Благовещение Пресвятой Богородицы

Двунадесятый праздник Благовещения Пресвятой Богородицы совпадает в этом году с Великим Четвертком, когда мы вспоминаем Тайную вечерю, которую совершил Христос со Своими учениками. Благовещение есть "спасения нашего главизна", то, с чего началась новая эра, потому что это день зачатия во чреве Господа Иисуса Христа. Когда архангел Гавриил возвестил Деве Марии о том, что Она станет Матерью и Рожденное Ею будет от Духа Свята, Ее посетил Дух Господень – и произошло это всемирное событие, воссияла заря спасения. А Тайная вечеря – это великое дело, которое стоит в конце земного пути Христа Спасителя, последняя Его встреча с учениками. Таким образом, мы созерцаем альфу и омегу нашего спасения.

Господь пришел в мир для того, чтобы создать Церковь. Он родился от Пресвятой Богородицы, принял человеческую плоть, возрастал, учился ремеслу у Иосифа, молился в храме, посещал Иерусалим на Пасху; когда вошел в полный возраст, около тридцати лет, пришел на берег Иордана, где явил Себя миру, крестился от Иоанна и после сорокадневного поста вышел на Свое служение, которое продолжалось около трех с половиной лет и заключалось в том, что Он ходил по Галилее, Иудее, Самарии и проповедовал Царствие Божие. Из всех окружавших Его людей Он выбрал двенадцать могущих вместить то слово, которое Он преподавал. И еще некоторые из окружавших Его людей стали Его учениками, числом до семидесяти; были и другие последователи – множество благочестивых женщин, которые Его полюбили и Ему помогали чем могли; и сыновья Иосифа, братья Его по семейному положению; и, конечно, Пресвятая Дева Богородица.

И вот заканчивается земной путь Спасителя. Он уже въехал в Иерусалим, Его встретили как царя. И поздно вечером Он удалился со Своими учениками в Сионскую горницу, где ученики приготовили пасхальную трапезу. Эта трапеза состояла из молоденького ягненка; его вкушали в воспоминание избавления из Египта, перехода в вечную обетованную землю, которую дал Бог Израилю ("пасха" в переводе с еврейского значит "переход"). Тогда Господь взял сосуд с водой и начал умывать ноги ученикам. Петр воспротивился: как это Он, Учитель, – и вдруг ученикам ноги умывает, но Господь сказал: нет, так должно сделать, Я даю вам пример, как и вы должны поступать друг с другом. Потому что умыть ноги ученику – это есть знамение, символ смирения. Господь таким образом показал Свое полное обнищание: Он, Царь Небесный, Он, Спаситель мира, Он, Бог Вседержитель, – и вот, говоря человеческим языком, опускается до того, что Своим ученикам, которые часто бывают и неразумны и которые через несколько часов в страхе разбегутся от Него, один Его предаст, другой отречется, – несмотря на это Он им умывает ноги. А потом они сели за стол и Господь совершил нечто удивительное – Он совершил с ними службу: благословил хлеб, разломил его на куски, благословил Чашу с вином и, намочив в вине хлеб, каждому раздал и, показывая на хлеб и на Чашу, сказал: это есть Мое Тело, а это есть Моя Кровь, "сие творите в Мое воспоминание". Когда вы будете пить от этой Чаши и есть от этого хлеба, мы с вами будем соединяться, в этой Чаше Мой Новый Завет ("завет" значит "договор").

Однажды Он уже говорил, и в Евангелии от Иоанна это сказано: "Я есмь хлеб, спешдший с небес... если не будете есть Плоти Сына Человеческого... то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную". Услышав эти слова, многие из учеников ужаснулись и отошли от Него. Петр стоял в недоумении, и Господь сказал ему и всем ученикам: "Не хотите ли и вы отойти?" Тогда Петр от имени всех, как он часто делал, потому что был старший, ответил: "К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни". Почему они пошли за Ним? Почему они бросили сети? Почему Петр оставил жену, а Иоанн и Иаков отца своего Зеведея оставили одного ловить рыбу? Что их привлекло в Иисусе? То, что Он говорил о вечной жизни. Каждый человек умирает, и каждый не хочет умирать, а Христос обещал вечную жизнь, никогда не кончающуюся. Поэтому они пошли за Ним.

И вот наступил тот момент, самый главный, к которому Он вел их все три с половиной года. Господь сказал: вот она, вечная жизнь. Я умру, потом воскресну, взойду на небеса, но Я буду с вами до скончания века. Всегда, когда вы что-либо попросите у Отца Небесного во имя Мое, Я вам дам – Отец ваш Небесный даст через Меня. Когда вы вдвоем или втроем соберетесь

во имя Мое, там Я буду среди вас; когда вы соберетесь на эту Божественную службу в Мое воспоминание и будете молиться над хлебом и вином, Господь Дух Святой придет на них, как некогда сошел на Богородицу. И как в Богородице Он сотворил Мне человеческую плоть, так в этом хлебе и вине сотворит Мое Божество. И как с человеческим естеством соединилось Мое Божество – каким образом? это уму человеческому непостижимо, – точно таким образом соединится с ними Мое Божество. Поэтому когда вы будете вкушать от этого хлеба и пить от этой чаши, вы будете соединяться со Мной, ваше человеческое естество – с Моим Божеством, вы приобщитесь, то есть станете причастниками, Божия естества и в эту минуту сами сделаетесь богами, а то место, где вы будете находиться – сарай, лесная поляна или великолепный храм, пенек или престол, – в этот момент станет небом, и вы окажетесь в Царствии Небесном.

С этого-то момента и началась Церковь Божия, которая есть Царство святых, потому что каждый причащающийся свят. Не потому, что он хороший, умный, красивый и заповеди послушно выполняет, а потому, что Господь в него входит и его обожает, его освящает. Каждый человек, соединяясь в причастии с Иисусом Сыном Божиим, становится по благодати причастником Божия естества. Господь сказал: кто не будет этого делать, тот не имеет части со Мной. Поэтому первые христиане, апостолы и их ученики, причащались каждый день, они не могли без этого жить, им было легче умереть, чем не причаститься. Господь и молитву такую дал: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь". Он не сказал: подавай нам хлеб раз в неделю, раз в две недели или четыре раза в году постом, а «днесь» – потому что естественна жажда христианина ежедневно соединяться с возлюбленным Христом. И если человека отлучали за грехи от причастия, это была трагедия.

Отлучить от причастия – значит отлучить от Церкви. Каждый, кто не причащается, отлучен от благодати Божией, источником которой являются только Святые Христовы Тайны. Только так, таинственно, человек, живя на земле, может приобщиться к жизни небесной. Господь вознесся на небо и воссел одесную Бога Отца, и, когда мы причащаемся Пречистого Тела Христова, мы также возносимся одесную Бога Отца, к престолу Божию. Просто мы по нашей немощи, по нашей греховной нечистоте, будучи духовно больны, слепы, глухи, этого часто не чувствуем, не можем воспринять, но это есть, и мы в это веруем. Как апостол Павел говорит: "Если Христос не воскрес, то... тщетна и вера ваша". Какой смысл в заповедях, если Христос не воскрес? Никакого. А если Христос воскрес, то Он и вознесся, а раз Он вознесся и в теле пребывает, значит, мы, причащаясь Тела Его, соединяемся с Ним и, живя на земле, уже начинаем новую жизнь во Христе.

Поэтому в древности купель, в которой крестили, имела восьмиугольную форму – в знак того, что мы после крещения вступаем в новую жизнь, совершаем переход, Пасху, путь в землю обетованную, в Царство Небесное. Эта земля, это Царство есть Божественная литургия, которую мы совершаем в храме ежедневно. Само Царство Небесное приходит в храм, и мы становимся небожителями, мы вкушаем ту трапезу, которую даже ангелы не вкушают – они в ужасе закрывают лица свои, не в силах взирая на блистание Божества. Церковь – Царствие Божие на земле, и каждый причащающийся становится небожителем, Святые Тайны освящают его. В этом цель и смысл нашей жизни, начало и конец, альфа и омега нашего спасения. Мы этим питаемся, это есть наша духовная пища, без нее невозможно никакое духовное существование, невозможно ничего ни достичь, ни понять, ни уразуметь – только в непрестанном общении со Христом Иисусом в Христовых Тайнах. Поэтому, когда мы входим в храм, мы вступаем на небо; когда мы причащаемся Святых Христовых Таин, мы являемся участниками Божественной жизни. Это самое главное, и самое сокровенное, и самое важное, что вообще есть на свете.

Святой Иоанн Кронштадтский так и сказал: Божественная литургия – рычаг всего мира, ось земли. Недаром святые отцы говорили, что, когда литургия перестанет совершаться на земле, тогда этот мир кончится. Весь мир только и нужен для того, чтобы люди причащались. Для этого солнце светит и еще до сих пор земля возвращает хлеб, а виноградники дают вино. Если бы не было Божественной Евхаристии, все это давно бы уже погибло, потому что стало бы ненужно. Весь мир, вся вселенная существует для того, чтобы мы, такие бедные и грешные, почти ничего не понимающие, имели возможность собраться в церкви и причаститься. И выше

этого нет ничего ни на земле, ни на небе. Поэтому если человек добровольно отказывается от причастия, или ему мешает какой-то грех, или ему некогда, или у него в голове какие-то предрассудки – этот человек безумец, он не христианин и не может читать "Отче наш", потому что его слова лживы. Как же ты просишь: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь" – а когда тебе дается, ты, видите ли, правила не прочитал, ты, видите ли, не попустился или впал в смертный грех и поэтому не можешь прикоснуться к чаше. Когда человек сам себя отлучает от причастия, сам себя отодвигает, то он неправильно устроен как христианин.

Вот то главное, что нам надо понять и усвоить, хотя бы умом. На примере апостолов мы видим, что, когда Господь впервые им об этом говорил, они его слова просто приняли на веру. Они чувствовали, что Он человек выдающийся, что Он их любит; они веровали (правда, сомневались), что Он с небес сошел, но что пророк – это уж точно; видели, какие чудеса Он творит, – и они Ему поверили на слово. А потом уже, причащаясь Святых Христовых Таин, получив полноту благодати Святаго Духа, они просветились окончательно. Так и Серафим Саровский говорил: причащайтесь как можно чаще, тогда душа ваша будет светлеть, раз от раза все больше и больше просвещаться, пока не просветится совсем – потому что только таким образом можно исправить в себе что-то. Недаром Христос Тайную вечерю совершил перед самой Своей смертью. Тайная вечеря, Божественная литургия была Его духовным завещанием. Значит, есть воля Божия к тому, чтобы службу, которую Он заповедал Своим ученикам, мы творили в Его воспоминание. Только таким образом можно жить, это есть источник нашей жизни. Поэтому будем всегда к этому стремиться.

Но Иуда тоже причастился, и в Писании сказано, что после этого вошел в него сатана. Почему? Потому что он приступил к таинству со злобой в сердце, без веры, зная, что идет на предательство; он был в смертном грехе и в этом состоянии причастился. Апостол Павел пишет: кто причащается "недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем". Старец Таврион говорил: разве я не вижу, какие вы к Чаше подходите? Действительно, Сам Бог здесь, а человек лезет, толкается. Да мы должны от остановки на четвереньках, на животе ползти, сдирая на себе пуговицы! Вот каким образом надо к Чаше приступать, понимая, что мы все, от первого до последнего, не просто недостойны причаститься, а нас на пушечный выстрел не то что к храму, но и к Москве-то, где этот храм Богу возносится, нельзя подпустить. Если Василий Великий молитву такую оставил: "Вем, Господи, яко недостойне причащаюся... и суд себе ям и пию", то что о нас говорить. Неужели же во время Божественной литургии, в присутствии Самого Христа Спасителя, Который здесь находится не только Духом, но и Телом Своим, можно кого-то, избави Бог, толкнуть, или о ком-то злое подумать, или что-то злое совершить, или как-то посуетиться, или хотя бы на волос помыслом отклониться, отвлечься от того, что здесь происходит? От чего отвлечься? От Царствия Небесного.

Какое еще нужно нам Царствие Небесное? Оно здесь. Вот престол Божий, и мы соединяемся со Христом Иисусом, Плоть Его и Кровь входят в нас. Какая нам еще нужна благодать, какие нам нужны еще святые места, чудотворцы, прозорливцы, когда вот у нас Христос живой, Который нас причащает Своим Телом. Он здесь. А мы что? Мы как бараны, а должны быть овцами, послушными, кроткими, смиренными. Господь говорит: "Бог гордым противится, а смиренным дает благодать". Поэтому надо нам искать смирения, надо стараться понять, почувствовать, что же это за одеяние Божества. И все время стремиться к причастию Святых Христовых Таин, чтобы обожиться, освятиться. А когда причастимся, стараться эту благодать хранить, чтобы принимать благодать на благодать.

Препятствием к причастию является только одно – грех смертный. Человек в смертном грехе не может причащаться. Если у тебя в сердце есть к кому-то зависть, ты не можешь причащаться. Если ты в блуде, в злобе или с кем-то в ссоре, если ты держишь на кого-нибудь обиду, ты тоже не можешь причащаться. Это невозможно, потому что иначе войдет в тебя сатана. Подумай, к Кому ты приступаешь! Тропарь Великого Четверга, который Великим постом входит в чинопоследование подготовки к Христовым Тайнам, напоминает о том, что каждый раз, когда мы идем к Чаше, мы должны задавать себе вопрос, кто мы: Петр или Иуда?

Апостол Петр сказал: Господи, куда бы Ты ни пошел, что бы с Тобой ни случилось, я за Тебя жизнь отдам. И он действительно был мужественный человек: когда их окружила толпа

воинов, Петр достал меч и готов был жизнь положить за Христа, драться за Него, но потом, уже во дворе архиерея, смалодушничал и трижды отрекся, то есть, несмотря на храбрость, ему были свойственны те же малодушие и трусость, что и нам. А другой апостол, Иуда, предал Христа. Если бы он раскаялся, то Господь, конечно, его бы принял, но он не раскаялся и поэтому удавился. Был однажды такой случай в 30-х годах: читал лекцию священник, отрекшийся от Бога, и один раб Божий у него спросил: а вы как отреклись, как Петр или как Иуда? Тот смутился и не стал дальше выступать. Да, по-разному может быть: и грех бывает разный, и отношение к нему. Одно дело, когда человек слезами обливается и этими слезами ноги Христу умывает и власами главы своей оттирает – а другое, когда человек грешен, и упорствует в своем грехе, и раскаиваться не хочет, и считает еще себя правым.

Поэтому, когда мы вступаем в храм, мы должны всегда помнить, что это не просто место молитвы, не просто очень красивое сооружение, оставленное нам нашими предками, а это есть небо, и никакого другого Царствия Небесного не существует. Если мы здесь, в храме, не постигнем, не почувствуем, не познаем это небо, то и после смерти нашей нам его не познать и не видеть, потому что жизнь божественная начинается на земле. "Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его". И надо стараться постоянно приобщаться этому Духу. Источник всякой благодати, всякой святости есть Святые Тайны Христовы. Поэтому каждый раз, готовясь к причащению, будем не просто правила отбарабанивать, а стараться думать над теми словами, которые составили святые отцы. Ведь только представить на секунду: молитва, которую мы читаем, принадлежит Симеону Новому Богослову. Он был человек удивительнейший, один из самых величайших святых Православной Церкви, и вот он говорит: "От скверных устен... от нечистаго языка". Это не для красного словца – Симеон, постоянно пребывая на небе, видел всю свою нечистоту. А ведь он от юности был монах, и с детства почти жил под руководством великого старца Симеона Благоговейного, от которого научился духовной жизни, и достиг в ней величайших высот богопознания – поэтому его Церковь и называет Богословом. И тем не менее он называет свои уста скверными, потому что видит эту огромную разницу между собой и Богом.

А как мы относимся к Христовым Тайнам?! У нас нет ничего похожего на это благоговение, а надо его в себе воспитывать, растить, только тогда можно приобщиться воистину духовной жизни. А так мы причащаемся, но ничего не чувствуем, потому что не рассуждаем, не размышляем – чисто механически жизнь идет, а самое главное от нас ускользает. Поэтому постараемся, чтобы отныне не было так. У нас ничего почти не осталось: ни храмов, ни мошей, ни чудотворных икон; духовников нет, хороших священников нет – мы оскудели. У нас есть только главное – Святые Христовы Тайны. И вокруг этого мы должны все собраться. Когда Церковь начиналась, у нее тоже ничего не было: не было чудотворных икон – ни Владимирской, ни Казанской, ни Смоленской; не было мошей святых угодников – ни Даниила Московского, ни Александра Невского, ни Алексия, человека Божия. Все святые еще были живы: Матерь Божия, двенадцать и семьдесят апостолов и другие пятьсот учеников.

Потом ученики еще и еще прибавлялись, и все были святые, и сейчас они на небе, потому что все, за редким исключением, отдали жизнь свою за Христа: кого убили, кого забили, кого голодом замучили, кого зверям скормили, кого на кресте распяли. Вот такая у них была вера, и такое было у них желание Царствия Небесного. Что было проще: сиди дома, занимайся своим делом и никуда не ходи. Как многие говорят: а я дома молюсь. Вот так бы сидели и молились Богу, и никто бы не узнал, и дожили бы спокойно до старости. А если скажут, что надо покадить языческим богам, надо жертву принести, – ну в душе-то я верую, а жертву чужим богам принести – какая разница? Ничего страшного, лишь бы никто ничего не узнал.

Но они не так. Они хоть и тайком, и ночью, и в катакомбах или в каком-то доме собирались и начинали молиться, совершали Божественную литургию. И тут стук в дверь: ага, попались! Что вы здесь делаете? Никто не говорил: а мы вот случайно собрались, тут у нас свадьба, день рождения, похороны. Нет, мы, говорят, христиане, мы славим Христа. Распятого? Назарянина? Галилеянина? Ну, выходи по одному. Будешь приносить жертву богам? Не буду. Ах, не буду? Хорошо, голову долой. Второму: будешь? Не буду. Голову долой. Вот так платили первые христиане за то, чтобы причаститься. Вот так они к этому относились, вот так они этого жаждали: до крови, до смерти. Для них жизнь была ничто, потому что они знали: причастился,

и сейчас голову отрубят за Христа – да это же радость, да выше этого наслаждения нет ничего на свете, потому что после этого ты идешь на небо в объятия Христа. Ну подумаешь, секунда боли, брызги крови, и все. И уж если кто сподобится смерти, они эту кровь собирали, они ее хранили в чашах, ею исцелялись; они тела святых мучеников, когда их бросали собакам, находили, прятали, на гробах этих мучеников устраивали свои престолы и молились. Вот так они любили Христа!

У нас же этого почти ничего нет – оттого, что мы не чувствуем, и оттого, что мы утратили самое главное понятие о том, собственно, где оно, Царствие Небесное. Оно называется Небесным, потому что это действительно небо, но духовное небо. Поэтому оно вот здесь: в каждом храме, где совершается Божественная литургия. И у нас есть все возможности – пока есть, – чтобы к этому Царствию прийти и стать его участниками и причастниками. Будем просить все время Бога о том, чтобы Он нас вразумил, просветил, и будем оставаться всегда верными Богу и никогда от Него не отречься, чтобы быть достойными того, что Господь нам дал в пищу и питье – для спасения от греха. Потому что только через причастие Святых Христовых Таин, только через принятие в себя благодати Божией можно попасть в себе грех.

И не было таких святых, кроме, может быть, одной Марии Египетской, которые причащались редко. Мария и с Зосимой-то встретила с одной-единственной целью. Нужен ли был ей, ходящей по воде и знающей наизусть Священное Писание, Зосима? Нет, ей надо было причаститься, вот поэтому она и дала ему себя догнать, а так бы он этого никогда не смог – мы помним из жития, как она за один час прошла путь, который он шел двадцать дней. Она дала себя увидеть, потому что ей нужно было причастие, потому что без этого жить даже Мария Египетская не может. Всю свою жизнь она посвятила подготовке к этому великому событию, когда ее душа, ее тело соединится с Христом в Пречистых Христовых Тайнах. И уж если все святые причащались как можно чаще, то про нас, грешных, что говорить? Мы должны еще чаще. Вот и станем подражать угодникам Божиим. А тем, кто будет говорить иначе, анафема, потому что они есть злобные еретики и хулители Священного Писания, Святых Христовых Таин и Церкви Православной. Все, и всё, и вся, что нас отлучает от причастия, есть враги нашего спасения. Цель и смысл нашей жизни должны заключаться в этом: "Хлеб наш насущный даждь нам днесь". Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 6 апреля 1988 года, вечер

Всенощное бдение под неделю 17-ю по Пятидесятнице

Завтра три праздника сливаются в один: и Воскресенье – малая Пасха, и предпразднство Воздвижения, и отдавание Рождества Богородицы. Это, конечно, для нас очень радостно, хотя трудно бывает вместить в свой ум и сердце и охватить духовным взором эти все церковные торжества. Но год от года, месяц от месяца наш ум просвещается православным богослужением, многие слова становятся нам более понятными. Так постепенно Церковь нас воспитывает в духе и истине, потому что наше богослужение есть жизнь в Духе Святом. И нам дана такая возможность, удивительное счастье пребывать в храме и приобщаться этой Божественной жизни.

Наша земная жизнь очень тяжела. Тяжесть ее заключается не в том, что мы терпим какую-то особенную нужду. Все мы живем довольно сыто, и редко кто уж совсем бедствует. Но сложность заключается в другом – в том, что мы часто очень расслаблены и растеряны. Поэтому нам нужно почаще задавать себе вопрос, а лучше бы ежедневно (как только проснулся) подумать: зачем я живу? что толку в моей жизни? что я в эту жизнь принес хорошего? А вечером подумать о смерти: вот смерть лежит передо мною, а верую ли я в то, что она будет?

Мы читаем вечерние молитвы, но глаза наши как-то пробегают мимо слов: "Неужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем?" Действительно, в эту ночь мы можем помереть, но мы в это как бы не веруем. Это неверие чисто психологически объяснимо, потому что человек создан Богом бессмертным и смерть – вещь противоестественная для человека. Поэтому он не хочет ни думать о ней, ни знать о ней ничего не хочет. Но смерть все-таки есть. И святые отцы и люди духовные советуют о ней почаще

помышлять. А некоторые подвижники и гроб в келью ставили, а другие даже укладывались туда спать, чтобы уж совсем не забыть: просыпаешься – так уж в гробу. Чтобы знал, чем эта жизнь кончается. Так делалось, чтобы лучше вникнуть в цену нашей жизни, чтобы каждый день был прожит не зря.

Дьявол весь мир закрутил в такую карусель, что, приди завтра Христос на землю и попробуй что-то людям объяснить, Его голос вообще не будет услышан, он просто потонет, потому что его перекричат радио, телевидение, газеты, журналы, люди. Поэтому Господь второй раз на землю уже не придет. Он придет только тогда, когда будет судить мир. И если мы начнем задумываться над этим вопросом часто, то увидим, что в нас будет расти вера. А все наши беды и жизненные неурядицы, всякая тягота и отсутствие радости в жизни связаны только с одним – нашим неверием. Его нельзя даже назвать маловерием, а именно неверием. Мы не верим в то, что Господь может нас очистить. Мы не верим, что есть Дух Святой. Мы не верим, что будет смерть. Так вот теоретически, особенно в кругу близких людей, когда мы эти вопросы обсуждаем, мы вроде все верующие и в храм стремимся. Но очень быстро наш жар улетучивается, и на практике то, чему мы учимся в храме, никак не проявляется.

Поэтому жизнь наша течет очень однообразно. Мы не принимаем благодать на благодать, а топчемся на месте. Если в нас и происходят изменения какие-то, то это крайне незаметно. И может так случиться, что мы просто не успеем преобразиться настолько, чтоб Господь нас взял в Царствие Небесное. Царствие Небесное есть Царствие святых, а святые – это те, кто приобщен к Святому Духу. И цель христианской жизни – приобрести благодать Святого Духа. Но этому мешает именно наше неверие. Из-за него мы все время погружаемся в суету. Мы веруем не Богу. Мы веруем в силу денег: вот они есть – тогда все в порядке. Веруем в здоровье: здоровье есть, а остальное все будет, говорят люди. Хотя ничего не будет, и здоровья тоже не будет, оно не может длиться бесконечно.

Каждый из нас погружен в какие-то такие "веры"; во что-то он верит больше, во что-то меньше. Человек всегда что предпочитает в жизни, в то он и верует. И Господь так же в Евангелии сказал: "Где сокровище ваше, там и сердце ваше". Сокровище – это то, что человек хранит, то, что для него сокровенно, что для него важно в жизни. И то, для чего человек живет, что для него главное, и есть его бог. Один живет ради денег; ему не нужно уже ничего: у него есть и дача, и машина, и еда, и одежда, а он все равно хочет деньгу выколотить. Зачем? А другой живет жизнью толстых журналов. Третий – телевизором, четвертый – детьми, пятый – своим здоровьем, шестой – ссорами с отцом или матерью, седьмой отстаивает «свободу» в супружеской жизни и так далее. Вот чему жизнь посвящена. Но если человек задумается, зачем он живет и что скоро или нескоро придется умирать, то тогда перед этими двумя вопросами – жизнью и смертью – всё суета мирская; и жизнь толстых журналов, и деньги, и здоровье как-то бледнеют и показывают свою нелепую сущность. Потому что эти вопросы очень важны, и правильно их разрешает только вера.

А что такое вера? Многие понимают это в вульгарном смысле слова, как какое-то доверие: один человек сказал, а другой поверил. А апостол Павел не так учит. Он говорит, что вера есть духовное видение, это видение духовных вещей, понимание их. И вера от слышания. Человек слышит некие слова, и его сердце начинает на них отзываться, свидетельствовать человеку, что эти слова истинны. С этого начинается вера. Христос пришел на землю и не пытался никого поразить чем-то необыкновенным. Хотя Он совершал много чудес, но не совершал ничего эффектного, чтобы привлечь к Себе массу поклонников. Людей очень легко привлечь именно эффектом. И те, кто создает новые секты, обязательно стараются выдумать что-нибудь особенное. Это действительно очень просто, особенно у нас в России при нашей религиозной темноте легко. Можно миллион последователей приобрести, придумав какую-нибудь штуку: например, по понедельникам черного хлеба не есть или еще какую-то ерунду. И чем это будет глупее, тем будет больше последователей. Человек падок на все внешнее, и враг это всегда использует.

Но это в сторону, а если вернуться к вере... Вот человек уверовал, и в нем начинается процесс борьбы. Почему вера всегда связана с борьбой? Потому что те слова, которыми к нам обращается Господь, вызывают в нас бурю. Мы живем по стихиям мира, а слова Господни истинны и выступают против всех этих стихий. А поскольку мы привыкли плавать по течениям

мира, этого житейского моря, то хотя сердце наше, созданное Богом, отзывается на слова Божии, как на истину, но эта привычка заставляет нас постоянно отрекаться от Его слов. Вот здесь и борьба: сумеет ли человек выплыть против течения? Так ли сильно задело его сердце слова Господни, обращенные к нему, что он смог развернуть свой корпус в противоположную сторону и начать плыть против течения, плыть против всего-всего, что его в мире окружает, – против культуры, в которой он воспитан; против народа, в котором он живет; против хода истории, которая совершается на его глазах; против людских привычек и образа жизни?

А это очень тяжело. В потоке-то гораздо легче нестись: закрыл глаза, лег на спину или на живот и плыви. Поэтому, естественно, немногие отваживаются выгребать против течения, хотя внутренне, сердцем, и соглашаются с истиной слова Божия. Многие говорят: я верую в душе. Это значит, что человек на брюхе плывет по течению, но в душе он знает, что плывет не туда, а, прямо скажем, в противоположную сторону. А если бы человек задавал себе утром вопрос: зачем я живу? – и вечером: что я буду делать после того, как умру? – то это подвинуло бы его делать какие-то усилия, чтобы из потока выбраться. Сначала приблизиться туда, где течение не такое бурное, потом одуматься, осмыслить свое бытие и повернуть назад.

Человек на отрицательном опыте всей своей жизни полностью убеждается, что она приходит к ужасающему концу. Все, что, как ему казалось, он в результате жизни приобрел, на самом деле он теряет – в результате смерти. То есть все желания человека, все его стремления оказываются просто дымом, прахом. И помимо того, что это глупо, это и безнравственно. Поэтому совесть – голос Божий в человеке, который не глохнет никогда, – все время ему говорит: ну что ты делаешь? опомнись, это же нехорошо, это некрасиво. Хотя он сам себя оправдывает: ну и что? все так... а что делать? такая теперь жизнь. И много других слов, которыми человек привык себя убаюкивать. Но когда он задаст себе эти вопросы, уже не остается никаких оправданий безнравственности, этой некрасоте жизни, этому поганству, в котором он живет.

Тогда происходит борьба выбора: с кем я, с миром или с Богом? Если переворот происходит, человек наконец решается отречься от мира и говорит: "Нет, Господи, я хочу быть с Тобой. Ничто в мире меня не привлекает так, как привлекаешь Ты", – это называется покаянием. Если же с нами этого еще не произошло, значит, мы еще не покались, хотя на исповеди бывали сто раз. Покаяние есть именно тот переворот жизни, когда человек вступает в борьбу с миром. В древности он всегда был связан с крещением. Прежде чем человек не делал этот поворот, он не крестился. Это сейчас люди приходят, "с ножом к горлу" требуют: крести меня во что бы то ни стало. А то обидится, топнет ножкой, пойдет в другой храм, заплатит двадцать пять рублей, и его покрестят (за деньги чего не сделают?).

Раньше было не так, и в чине крещения это сохранилось. Когда крестят человека, его поворачивают лицом на запад (Господь пришел на Востоке, и алтарь у нас всегда ориентирован на восток, как символ Господа; а запад ему противоположен), и трижды он отрывается от сатаны, от всего мира и от того, что в мире. Священник говорит ему: "И дуни, и плюни на него". То есть с того момента, как человек становится христианином, он на мир и на дьявола плевать хотел. Он уже не боится ни колдунов, ни знахарей, ни какой-то порчи, черной магии, экстрасенсов, йогов. Чего бояться, когда он уже выбор сделал, решил идти за Господом? Ничто ему отныне не угрожает.

Многих из нас крестили с детства, и они по инерции в храм ходят, но еще не познали, что такое истинное христианство, и не знают, что такое покаяние. Поэтому такое колебание в нас часто и происходит, что еще окончательный выбор не сделан. И пока мы его не сделаем, мы никакие не христиане, об этом и речи быть не может. Потому что крещеный человек, живущий по стихиям мира, есть дезертир, предатель, отпавший от Церкви, хотя он может и в церковь ходить. Это не играет почти никакой роли: ходит или не ходит, говорит ли, что он верующий, или не говорит. И Гитлер был крещеный; подумаешь, невидаль – быть крещеным. Господь сказал: "Кто будет веровать и креститься, спасен будет". Значит, только такой человек, который имеет к своему крещению еще и православную веру, то есть ясно видит, зачем он живет, и всегда помнит, что эта земная жизнь кончится, – человек, сделавший выбор, – становится христианином. Он еще не святой, он еще не достиг Царствия Небесного – нет, это все впереди. А многим из нас надо сначала стать христианами и потом уже двигаться к Царствию

Небесному. И путь этот долог, нужно еще стяжать благодать Святого Духа.

Почему книги Ветхого и Нового Завета являются для Церкви священными? Потому что в них рассказывается о тех духовных процессах, которые бывают в каждом человеке. То, что происходило в Израиле, происходит и в каждом человеке до пришествия Христа. То, что совершалось с апостолами, совершается со всеми людьми, идущими ко Христу. А что было с апостолами после дня Пятидесятницы, бывает с теми людьми, которые сподобились этой Пятидесятницы, достигли благодати Святого Духа. В сегодняшнем Евангелии описывается маленький эпизод, один вечер апостольской жизни. Вскоре после воскресения Господь пришел к ученикам и сказал: "Мир вам" – произнес Свое обычное приветствие, которое на Востоке весьма распространено. Так вот незаметно, тихо вошел, чтобы их не испугать, осторожно. Он старался подчеркнуть обыденность Своего визита – не в ветре пришел, не в буре, не в облаке, не с тысячами ангелов, блистающих крыльями, не под трубный звук, а тихо так вошел и сказал очень просто: "Мир вам". Но они все равно смутились и испугались и подумали, что видят духа. Господь говорит: "Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня. И, сказав это, показал им руки и ноги". Он им дал Себя потрогать, показал: вот видите, здесь гвоздь прошел, вот здесь гвоздь прошел, здесь Меня копием ударили. Видите, это Я? Ведь дух даже тени не отбрасывает. Это Я, распятый Иисус Христос. Я немножко не похож на Того, Который был до распятия, потому что сейчас Мое тело воскресло, оно уже другое, но это Я. Он их пытался убедить, убедить навеки.

Когда человек не знает, спит он или нет, то щиплет себя: если больно, значит, не сплю, а если не больно, значит, во сне. То есть, потрогав, человек лучше доверяет, особенно люди простые. Недаром служители во всех музеях говорят: не трогать руками. Потому что обязательно хочется потрогать. Как дети: им что ни покажешь, они все раз – и в руку: надо потрогать, убедиться в достоверности. Мы люди плотские, нам надо ощутить своей плотью, потому что свое ощущение уже запомнишь, не будешь говорить: ну это мы были в состоянии массового гипноза.

"Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними. И сказал им: вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и псалмах". То есть даже ел перед ними, хотя, конечно, в пище никакой не нуждался, потому что в Царствии Небесном, как Он Сам говорил, не едят, не пьют и замуж не выходят. Там вообще жизнь духовная, там не нужны ни рыба, ни мясо, ни хлеб, ни вода. Но Он специально перед ними ел, чтобы еще раз убедить их, что Он воскрес во плоти и то, о чем в законе Моисеевом и в пророках написано, исполнилось вот сейчас, сию минуту: Он воскрес и им явился. И отверз им ум, сошла на них благодать Святого Духа – и они поняли Писание.

Вот так же и мы, читая Евангелие, сначала одно понимаем, на следующий год другое, на третий – третье. Откуда это? Это благодать Святого Духа так на нас действует, все более и более просвещает нас. Поэтому чем больше мы будем Писание читать, чем больше будем в храм ходить и старательней и усердней молиться, тем больше поймем, тем больше возрастет наша вера и просветится ум наш и сердце.

И вот Он отверз им ум. "И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мертвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему". Господь не пришел к каждому в дом и не дал каждому из нас, чтобы мы свой перст вложили в Его язвы гвоздиные, хотя теоретически это возможно. Господь и сейчас во плоти пребывает одесную Бога Отца. И, как всемогущий Бог, Он, конечно, может каждому из нас явиться и сказать: вот ты, Вася, Маня, не веруешь, или веруешь плохо, или забываешь о том, что ты будешь помирать. Иди сюда и посмотри на Мои язвы.

Конечно, бывают у нас какие-то особые посещения Божии, когда Господь касается нас близко; они нас заставляют как бы встряхнуться и усердней молиться. Но при этом наша вера терпит изменения без нашего подвига. Господь это делает как бы за нас. Поэтому Господь избрал учеников, чтобы они проповедовали по всей вселенной. Он им дал эти свидетельства,

чтобы другие люди приобрели блаженство только по их слову. И очень важно поверить на слово. Поэтому Господь сказал: блаженны те, которые уверуют по вашим словам. "Невидевшие и уверовавшие". И мы должны уверовать каждому слову, сказанному Господом, – что оно истинно, что оно нас выведет из тьмы. Мы должны верить, что получим благодать Святого Духа, если будем делать то, что Господь нам заповедал.

Господь ученикам сказал: "Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше". И они послушались. Он дал им заповедь: оставайтесь в Иерусалиме. Как же им было трудно это исполнить! Их Учителя и Господа распяли, народ с ненавистью кричал: "Распни, распни!" А их все знали в лицо, знали, что они Его ученики. Как же страшно было оставаться в этом городе, полном злобных иудеев, которые только и хотели их растерзать! А Господь им устроил последний экзамен на мужество: оставайтесь – тогда получите Утешителя, получите то, что вам обещано. И они остались. Они поверили Ему и поэтому получили.

Вот так и мы. Если бы мы веровали заповедям Божиим; веровали, что благодать можно получить только если ты благословляешь того, кто тебя проклинает; если бы мы веровали, что благодать можно получить только тогда, когда тебя бьют по правой, а ты подставляешь левую; что можно получить благодать только тогда, когда ты даешь взаймы, а назад не просишь, – вот если бы мы в это поверили, мы бы благодать Божию получили. Но заповеди Божии для нас слишком абстрактны, мы словам Господним не веруем, поэтому наша жизнь так и протекает уныло и скучно, как у всех безбожников. А если бы мы заповеди стали исполнять, тогда бы познали, что такое благодать Божия. Мы бы знали, что благодать Божия приносит такую радость, которую Сам Христос назвал блаженством. Он говорит: блаженны нищие духом, блаженны те, кто плачут о своих грехах, блаженны кто алчут и жаждут праведной жизни. Только тот и блажен, кто действительно хочет благодати Святого Духа.

А мы Духа Святого не познали и не ведаем, поэтому и Христу не доверяем. Эти слова Господни мы, конечно, читаем (некоторые по главе Евангелия в день прочитывают, некоторые – по две). Но что из этого надо извлечь для своей очень короткой жизни, нам как-то невдомек, никак мы не свяжем Евангелие и нашу жизнь. Как будто не для нас сказано, например, апостолом Павлом: "Непрестанно молитесь". У нас нет усердия ни на молитву, ни на добрые дела. Поэтому и благодати Божией мы не ощущаем, поэтому так холодны и к Евангелию, холодны и друг к другу и нет у нас ни сострадания, ни любви. Мы равнодушны ко святому причащению: ну не причастился – завтра причащусь, еще когда-нибудь, через месяц причащусь. Нет у нас жажды, никакой нет потребности. Нам Господь говорит: это Моя Плоть и Моя Кровь – а нам как будто нет до этого никакого дела. А ведь Господь для того и на землю пришел, чтобы нас питать Собой – Своим словом, Своей Плотью, Своей Кровью. Вот в чем смысл-то был Его воплощения.

Если человек исполняет заповеди Божии не из страха наказания, потому что само житие без Бога уже страшное наказание, а с желанием приобрести благодать Божию, то тут нужна очень сильная вера. Потому что нужно верить не своим страхам и своим желаниям, а тому, что, раз Господь сказал, так и будет. И тут испытание нашей веры. Вот апостолы сидят в Иерусалиме, трясутся от страха, но не уходят, ждут, когда благодать Божия на них снизойдет. И дождались. Прошло время, и излилась на них благодать Святого Духа. Долго они ждали, от Пасхи до Пятидесятницы, но Господь им дал, потому что они были к этому уже подготовлены.

Вот и мы с вами уже довольно подготовлены. Сколько мы слышали слов Христа Спасителя. Все, что Христос говорил Своим апостолам, и мы уже слышали, а некоторые и не раз. Апостолы-то только одну жизнь прожили с Господом, а мы сколько! Сколько раз мы уже встречали Его Рождество! Сколько раз встречали Его Вход в Иерусалим, переживали Его крестное страдание, Его славное Воскресение! Нам Господь является каждое воскресенье, на всенощной мы читаем воскресное Евангелие и вновь и вновь переживаем то, что пережили апостолы. Он нам говорит: "Мир вам". Для чего? Чтобы этот мир в нас вошел, чтобы мы наконец Ему поверили. И тогда произойдет действительное чудо.

Недавно один человек рассказывал о таком чуде. Он сам простец, учился только две зимы в школе, и за свою жизнь очень много пострадал, отсидел в лагере одиннадцать лет. Сейчас он уже старенький, больной, слепой. И вот, вспоминая о лагере, сказал, что там была великая

радость. И все сразу удивились, как же так, потому что нет на земле более страшного места. Один писатель говорил, что опыт лагеря – это полностью отрицательный опыт. Такого места не должно быть на земле, оно калечит и тех, кто там сидит, и тех, кто их сторожит, и даже тех, кто просто знает, что этот лагерь существует, – всех. А тут вдруг радость необыкновенная. И он рассказал, как эту радость стяжал.

Пришел очередной этап с женщинами, выгрузили их. Он обратил внимание на девочку шестнадцати лет, которая неутешно плакала, и спрашивает: "Что же ты, милая, плачешь? Нельзя ли чем тебя утешить?" Она рассказала, что их везли по этапу двое суток и не кормили, а в лагере дали двухсуточную норму хлеба. Пайка у них была довольно большая – на два дня буханка хлеба. И она свою буханку несла под мышкой, а у нее, видя, что девочка молоденькая, отобрали. Тем лагерь и страшен, что сильный обижает слабого. Это вообще самое страшное, что есть на свете. Есть четыре вида грехов, которые хуже смертных и вопиют к Богу об отмщении, и один из них – когда сильный обижает слабого. И вот у нее отняли, она плачет – голодная и страшно, потому что одна, мама-то не в этом лагере, разъединили, естественно. Побежал он в барак, достал свою пайку, приносит: "На, покушай". А она отвечает: "Я свою честь за хлеб не продаю". Он был ошеломлен, потому что он вообще-то монах с детства, и никаких у него поползновений на этот счет не было. Подошел к другим женщинам и попросил передать ей как бы от них. Только тогда она взяла.

И вот когда он этот хлеб отдал, то испытал небесную радость. Почему? Да потому что он исполнил заповедь Христову, и на него сошла благодать Божия. Он не ласковым словом посочувствовал, не часть отдал, а отдал все, что имел; отдал, когда сам был голодный, сам был в тяжелых работах, и к тому же был старше и гораздо больше, может быть, в этом хлебе нуждался. Но все равно отдал – и, конечно, тут же приобрел взамен, потому что он это делал ради Христа и Господь его наградил. И вот прошло уже много времени, уже давно этот лагерь забыт, жизнь давно другая, веселая и счастливая, но тем не менее он вспоминает об этом спустя сорок или пятьдесят лет, потому что испытал райское блаженство.

И мы с вами это блаженство можем испытывать всегда, когда совершим что-то ради Господа. Вся наша жизнь от рождения до смерти состоит из поступков, и, если бы они всегда совпадали с волей Божией, мы испытывали бы райское блаженство. Вот мама ребеночку говорит: отнеси белье в прачечную – и он тут же берет это белье и несет. И мать его встречает глазами, исполненными благодарности и любви. Она готова его прижать к сердцу, обласкать, готова для этого послушного дитя трудиться еще больше, жизнь свою класть. А если ребенок говорит: "Нет, мам, потом", или: "Мне не хочется. Почему я должен? А почему не он? В прошлый раз, помнишь, двадцать восемь месяцев тому назад, я ходил, а теперь его очередь..." Тогда мама расстраивается, сердится, и вместо того, чтобы себе жизнь облегчить, человек получает скандал, на душе у него тяжесть.

Так же и в нашей жизни. Если бы мы исполняли волю Отца нашего Небесного, то непрестанно пребывали бы в радости, Господь бы нам отпускал полную чашу Духа Божия, столько, сколько мы могли бы вместить. А так как мы постоянно уклоняемся от воли Божией, то и получаем ту жизнь, которую имеем, то есть жизнь грешную, ибо грех есть отступление от воли Божией. Поэтому чем скорее мы это поймем, тем лучше. И чем больше будет наш подвиг, тем больше и награда: одна награда тому, кого попросили, и он сделал, а другая – тому, кто сам догадался, без просьбы. Вот мама пришла, а тут вдруг чудо: белье уже в прачечную отнесено и метки все пришиты. Я не знаю, есть ли такие дети на земле? Наверное, нет. Если бы у нас были такие дети, мы бы тогда были совсем другим народом. Даже если их немного, такие люди удивительно украшают свою жизнь и жизнь всех людей вокруг.

Мы как? Нас задели – и мы не можем, чтобы не выругаться, не поставить человеку на вид, не можем никак с собой справиться, чтобы свою злобу утихомирить. А ведь Господь сказал: прощать надо. Даже если семьдесят раз по семь брат тебя за день обидит, надо прощать. И вот каждый раз, когда мы любую заповедь исполним, мы в этот момент получим благодать Духа Божия. Если мы отдадим какую-то часть того, что имеем, то получим благодать Божию, но мало. А если отдадим все, получим много. Как этот монах: весь хлеб, какой у него был (а что такое в лагере хлеб, каждый, кто там был, знает), он отдал – и поэтому столько получил от Бога, сколько никогда за всю свою жизнь не получал. Но для этого какую нужно веру иметь! Надо

веровать, что отдашь – и получишь от Бога. А мы не веруем, мы боимся отдать: боимся отдать свою гордость, отдать свое тщеславие, свои силы, боимся переработать, перетрудиться для другого – все время боимся чего-то, свое бережем. Но Царствие Небесное получит только тот, кто душу свою погубит ради Евангелия, то есть отдаст все. "Сами себя, друг друга и всю жизнь Христу Богу предадим" – всю жизнь отдадим на исполнение заповедей. Всех заповедей.

Господь дал нам, дуракам, заповеди, потому что мы люди нечувствительные, мы не знаем, что хорошо, что плохо. Сначала Господь сказал: не убивай, не кради, не прелюбодействуй. Ведь каждый должен понимать, что нельзя прелюбодействовать, нельзя воровать, завидовать, лжесвидетельствовать – нельзя этого делать. А раз уж он не понимает, Господь дал ему заповеди в Ветхом Завете – только для того, чтобы из скотины превратить его в подобие человека. Но это еще совсем не духовная жизнь. Подумаешь, не прелюбодействуй или не завидуй. Да этого просто каждый нормальный человек не должен делать. Даже животное так не делает. А духовная жизнь начинается с другого. Ты даже не гляди с вожделением, чтобы у тебя в душе даже такой мысли не было – вот это уже духовная жизнь, потому что помысел тебе предлагает грех, а ты этот помысел отвергаешь. Все мое желание стремится к греху, а я говорю "нет". Почему? А потому, что я плюю на сатану. Потому что я выбрал уже Христа. Потому что ничего мне не надо в этой жизни от дьявола, я хочу только быть со Христом.

И если человек так себя ведет, если из таких поступков его жизнь состоит, то она хоть и трудна, потому что все время на всех планах бытия идет борьба со своими вожделениями, своими хотениями, но зато человек приобретает благодать Святого Духа. И уж когда приобретет благодать Святого Духа, тогда ему на свете легко живется, он блажен, он вообще не скорбит, что бы ни происходило, потому что с ним Бог. У него появляется ясное видение вещей, ему становится все понятно: зачем он живет, почему, как; что нужно делать, а что делать ни в коем случае нельзя. Он понимает, что иго Христово благо, а бремя Его легко есть.

Как легко заповеди Божии исполнять, когда есть у человека благодать Святого Духа! Для этого никакого труда не надо, они сами исполняются. Один батюшка сказал: что такое христианская жизнь? Это очень просто. Один человек говорит другому: "Давай шкаф отнесем в другую комнату". Он говорит: "Давай". И отнесли. "Да нет, пожалуй, вернем назад". – "Ну давай вернем". Вернули. "Ты знаешь, что-то мне не нравится, давай спустим его вниз с пятого этажа". Спустили. "Жалко шкаф, давай принесем обратно". – "Давай". Вот как просто. Вот это и есть христианская жизнь, потому что это есть исполнение заповеди Божией. Не раздражается человек, не ропщет: да что ты мне голову морочишь, да что тебе, делать нечего? Сказано же, что, если кто просит пройти с ним поприще, пройди с ним два. Ведь если бы человек понял, зачем живет, то будет ли он ради каких-то дел ближнего обижать, или оскорблять, или кричать на него? Только в одном случае стоит на человека накричать и даже наказать: когда есть шанс остановить его в грехе. Когда видишь, что человек в грехе пребывает и ты можешь его образумить, знаешь, что этот человек послушает тебя, тогда можешь и крикнуть. Только в этом случае позволительно. И Господь так поступал. Но если знаешь, что это бесполезно, тогда уж не кричи, потому что к его греху присовокупишь еще и свой.

Если мы хотим быть христианами, то должны сделать выбор. Он, этот самый главный выбор, делается только однажды, а потом каждый день и каждый час всегда надо делать выбор в пользу Христа, Царствия Небесного и всегда стремиться к главному, всегда помнить, что цель нашей жизни не что-то кому-то доказать – это бесполезно, – не кому-то что-то объяснить. Вот и я все рассказываю, объясняю не потому, что думаю, что завтра все мы станем христианами. Да я в это чудо совершенно не могу и поверить, потому что до меня были и получше. Сам Христос проповедовал, а кто Его послушал? Много ли стало у Него учеников? Да и из тех, кто стал, один отрекся, другой предал, а все остальные убежали. А это же Христос был. Тогда для чего я это делаю? Чтоб заповедь Божию исполнять. Раз сказано, значит, надо делать.

И каждый из нас должен стараться делать то, что ему сказано Богом. Что ему положено, то он и должен делать. Если ты мать, значит, ты должна по совести поступать, так, как должна поступать мать. Если ты жена, ты должна поступать по совести и по заповеди Божией так, как должна поступать жена. Если ты сын, ты должен поступать, как должен поступать сын. Если ты начальник, будь таким начальником, чтобы тобой Господь любовался, а не отворачивался от тебя. И так во всем. То есть бытие наше должно быть прекрасно. Вот поэтому Достоевский

говорил: красота спасет мир. Наши мысли, выражение нашего лица, наши чувства, наши поступки должны быть прекрасны. И если это будет, тогда мы будем христианами. Тогда Господь нам и пошлет благодать Святого Духа, которая есть высшая красота, смысл и цель нашей жизни.

И если мы хотим ее приобрести, мы должны стараться. И чем больше мы будем стараться, тем больше и получим. Не так, что благодать Божия сначала посетит человека, а потом он как бы ее отработает. Нет, надо обязательно потрудиться, потому что в этом труде наша вера проявляется. Ничего не понимаешь, ничего не чувствуешь, сухо в горле и в сердце, но все-таки заставляй себя молиться и помни, что Господь видит твои глупые усилия и поможет тебе, если ты будешь верен Ему. Только не ленись, долго молись, трудись, ищи, жди – и Господь придет. Как только засомневался, не веруешь – сразу начнешь тонуть. Вспомни Петра: ведь шел же по воде, а усомнился – стал тонуть. Вот так и мы, как начинаем малодушествовать, как забываем о том, что умирать будем, что эту жизнь надо прожить так, чтобы вся она была произведением прекрасного искусства, духовной жизнью, – сразу утонем в этом житейском море, сразу будем такие, как все: начнем денежки копить, начнем себе все покупать, что-то кому-то доказывать, объяснять, что-то из себя выставлять, кем-то обязательно прикидываться, на кого-то обижаться – и в этом вот котле, в этом барахле так жизнь и пройдет. Так мы и пропадем в своих чувствах, в своих нелепых страданиях, в поисках совсем не того. Блаженство будет рядом, и мы мимо него пройдем. Поэтому если уж мы уверовали и взялись за плуг, то не надо оборачиваться назад, а надо идти к Царствию Небесному. Если уж нам открылась воля Божия, то нельзя от этого уклоняться, иначе жизнь наша вся пойдет вразнос и в перекося.

Будем же благодарить Бога, что у нас есть такая счастливая возможность в день праздников посещать храм Божий. Это ведь чудо из чудес – не надо забывать, что сейчас конец двадцатого века. Господь избрал нас из многих миллионов людей и дал нам веру. Только вера наша еще почти как неверие. Будем же ее укреплять. Это возможно только исполнением заповедей Божиих, потому что как заповедь Божию исполнил – так и благодать придет. А вера укрепляется только благодатью.

Поэтому чем больше наш подвиг будет расти, тем больше мы приобретем благодати Божией и тем больше будет вера наша, тем скорее узрим мы в нашей жизни воскресшего Христа. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 24 сентября 1988 года, вечер

Неделя 20-я по Пятидесятнице

Господь пришел на землю и основал Церковь с одной только целью: чтобы человек мог достичь Царствия Небесного. Царствие Небесное – это полное общение души с Богом. А так как на язык человеческий перевести это событие очень трудно, трудно передать словами, Господь объясняет состояние общения с Богом, вечную жизнь, притчами, потому что притчу легко запомнить и через нее легче понять, как этого Царствия достичь.

"Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает все, что имеет, и покупает поле то". Каждый человек, если он возжаждет Царствия Небесного, тогда только его достигнет, когда пренебрежет ради него всем тем, что имеет в мире. Если же у него есть что-то другое, какая-то привязанность, которая равноценна желанию достичь Царства Небесного или даже превышает его, то жизни вечной он не достигает и достичь не может. Обязательно человеческое стремление к Царствию Небесному должно превосходить все стремления, которые только могут возникнуть. Поэтому каждый из нас должен задать себе вопрос: желание Царствия Небесного у меня наибольшее из всех желаний или еще что-то есть в моей жизни – моя работа, мои дети, моя семья, мой дом – более важное? Тогда Царствия Небесного не достигнуть. Мы можем заключить это на основании сегодняшней притчи.

"Еще подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее". Конечно, ни один купец так не поступает, не продает все ради того, чтобы приобрести одну жемчужину. Это опять притча, подобная предыдущей. Господь как бы утверждает ту же мысль: если мы хотим

духовное сокровище приобрести, то должны продать все. Что это значит? Что надо продать одежду, книги, мебель; квартиру сменить на худшую? Нет, не об этом речь идет. Речь о том, чтобы нами в этой жизни ничто не владело. Нам нужно, подобно купцу, все время искать хорошую, лучшую жемчужину, то есть все время стараться совершать такие поступки и такие дела, которые нас приближают к Царствию Небесному.

"Еще подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов". Царствие Небесное в этой притче уподобляется рыбной ловле, а Церковь – неводу, потому что в ней и злые, и добрые сохраняются одновременно. Однажды Господь сказал, почему Он не очищает Церковь сразу – чтобы, выдергивая крупные сорняки, не повредить и добрые злаки. Но в кончину века доброе соберут в сосуды, а худое ввергнут в печь огненную. Среди нас тоже есть люди, которые желают достичь Царствия Небесного, и есть те, которые желают только здоровья, благополучия и больше ничего. И лишь тот, кто стремится к Царствию Небесному, тот его и достигнет.

Но вот человек говорит: "Я хочу Царствия Небесного". А что же ты в церковь не ходишь? Церковь – это Небесное Царство на земле, это его начало; только через Церковь можно в него войти. К Царствию Небесному помимо Церкви приобщиться никак нельзя. Если бы было можно, тогда Господь бы Свою Кровь не проливал, тогда три года, когда Он ходил с проповедью по Галилее, Самарии, Иудее, Он бы Церковь не создавал. А это было главным делом Его на земле; и Церковь две тысячи лет уже существует, а никто с ней ничего сделать не может. Меняются империи, правители, общественный строй, все меняется – Церковь стоит непоколебимо, как скала, ничего с ней не происходит. Какие были заповеди даны две тысячи лет тому назад, такие и остались, какой был строй богослужения, такой и остался. Просто другие люди наполняют ее, а Церковь стоит, и действует, и учит, и живет. Она претерпевает разные состояния: бывает спокойная жизнь, бывают гонения, нападения, внутренние раздоры, – но все равно она стоит, потому что ее создал Господь. Сколько людей на земле пытались Церковь истребить, и ничего не вышло, потому что это Божие устроение.

Человек может спастись только через Церковь. Господь хочет, чтобы каждый спасся, поэтому всем дана такая возможность. И кто к Церкви не приобщается, тот чужд Богу. Сколько бы человек ни говорил, что он верующий – в душе, в ноге, в голове, в руке, – но если ему Церковь не мать, то ему Бог не Отец. Это значит, он молится и поклоняется совершенно другому богу, а не Отцу Небесному, потому что Отец Небесный Сына Своего Единородного отдал на смерть, чтобы Церковь создать. Поэтому если кто-то Церковью пренебрегает, не ходит каждое воскресенье в храм, то, значит, ему просто Царствие Небесное не нужно, ему нужно еще что-то здесь на земле, ему нужна земная жизнь. "Изыдут Ангелы, – сказал Господь, – и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов. И спросил их Иисус: поняли ли вы все это?" То есть очень важно нам это всем глубоко понять.

Когда Господь основывал Церковь, Он избрал из среды израильского народа Своих учеников. Он не старался найти умных, толковых, образованных, а избирал совершенно по другому принципу: по тому, желает ли человек Царствия Небесного и вечной жизни. Если желает, Христос говорил ему: следуй за Мной, и Я тебя научу. И мы видим, как легко апостолы за Ним пошли, оставив все. Оказалось, что те, кого Он избрал, были люди не ученые, а очень простые, рыбаки. И Господь их научил Царствию Небесному, из них создал Церковь Божию, которая живет до сих пор. Благодать в ней передается от поколения к поколению, и мы тоже несем этот огонь благодати Божией.

Как же достичь Царствия Небесного? На этот вопрос отчасти отвечает второе сегодняшнее Евангелие, потому что все Евангелие есть проповедь Царствия Небесного. Господь говорит: "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними". Вот ты на кого-то обиделся, и тебя обида жжет, а ты подумай: что, если на тебя будут в обиде и не будут с тобой разговаривать? Нравится тебе? Нет, мне это не нравится – значит, я так делать не буду. Если тебе хочется кого-то убить, подумай: хорошо ли, если бы тебя убили? Значит,

убивать нельзя. Если тебе хочется взять то, что плохо лежит, то подумай: если ты что-то небрежно положишь, а у тебя возьмут, или даже просто ты что-то потеряешь, хорошо тебе будет? Значит, чужого брать нельзя. Любишь ты, когда с тобой разговаривают грубо? Не любишь. Значит, и ты старайся грубо не разговаривать. И так во всем. Это универсальный принцип.

Многие из нас часто не знают, как им поступить. А надо подумать, твое действие не опечалит ли брата твоего, будет ему от этого польза или же вред и раздражение. И чего ты не хочешь себе, того ни в коем случае не делай и другому. Это, конечно, не значит, что если ты всегда будешь так поступать, то и тебе ответят тем же. Нет, не каждый человек этого принципа в жизни придерживается, но, если ты хочешь достичь Царствия Небесного, ты должен так поступать всегда, иначе будешь согрешать. Грех – это шествие против Бога, и человек, нарушающий волю Божию, согрешает. Поэтому каждый раз, когда мы делаем другому то, чего не хотим для себя, мы совершаем грех. Вот, например, начинаем кого-то распекавать. Но если нам самим не нравится, когда нас ругают, указывают на наши грехи, учат нас, то, значит, и мы этого не должны делать. Если же мы все-таки нахально продолжаем так себя вести, значит, мы идем против Бога. А раз идем против Бога, то никогда своей цели – Царствия Божия – не достигнем.

Дальше Господь сказал: "Если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даете тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же". Многие говорят: я человек добрый, я никогда никому ничего плохого не делал. Ну и что тут особенного? Тебе делают добро – и ты делаешь добро. "Здравствуйте, Мария Ивановна". – "Здравствуйте, Петр Иванович". И прошли мимо. "Око за око, зуб за зуб". Это еще не христианство. Поэтому Господь говорит: если ты хочешь быть христианином и хочешь достичь Царствия Небесного, хочешь, чтобы жизнь твоя прошла не впустую и чтобы твоя душа не горела в геенне огненной, ты не должен поступать так: ты мне, я тебе, не должен делать добро только тому, кто тебе добро делает, потому что в этом никакой твоей заслуги нет. Заслуга будет только в одном случае. Господь сказал: "Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым. Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд".

Люди грешат? Грешат. Заповеди Божии нарушают? Нарушают. Землю, которую нам Господь дал, во что превратили? В свалку. Пройдет еще лет пятьдесят, и не только дышать и пить, а и есть будет нечего на этой земле. А какая она была прекрасная! Но несмотря на все наши безобразия, на все наши ссоры, войны, детоубийства – Господь детей дает, а человек их убивает, – несмотря на нашу проклятую жизнь, Господь нас спасает! Он нас жалеет, Он нас кормит, Он нам дает хорошую погоду, Он всю нашу жизнь устраивает. Никто из нас не может себя прокормить, все Господь дает, потому что Он милосерд. Мы враги Божии, потому что каждый грешник есть Божий враг, а Господь милосердствует Своим врагам.

Так и мы должны. Ведь Царствие Небесное – это Царствие Божие, поэтому если мы хотим Божиими быть, то должны поступать так, как и Бог поступает. Независимо от того, хорошо ли к тебе человек относится, плохо ли, враг ли он твой, друг ли, ты должен ему оказывать любовь. Если ты этого достигнешь, тогда достигнешь и Царствия Небесного, потому что "Царствие Божие внутри вас есть". Только человек, который способен не злиться на врага и не стараться ему отомстить, а желает ему добра, хочет, чтобы он опомнился и не дурил, потому что жизнь одна и неистовствовать и враждовать – это только своей душе вредить, – только такой человек сподобится благодати Божией, потому что любить врагов возможно только по благодати. А сподобиться благодати Божией и значит достичь Царствия Небесного.

Грешник не может любить своего врага. Когда его ударили по правой щеке, подставить левую он не в состоянии. Он может от страха, со злобой заставить себя это сделать, но спокойно и с радостью простить обиду грешник не сможет. На это способен только тот, кто все время свою волю управляет по воле Божией. И если человек всю жизнь старается не делать ближнему того, чего он не хочет, чтобы сделали ему; старается жить не по своим

представлениям – вот я считаю, я думаю, мне кажется, – а думает: угодно ли это Богу? хорошо ли я поступаю? не грех ли это? если человек живет, все время оглядываясь не на себя, а смотрит, согласно ли это с заповедью Божией, и так старается и месяц, и год, и двадцать лет, – тогда постепенно он свою волю злую, которая направлена против Бога, умягчает и делает ее согласной с волей Божией. И в результате такой жизни человек уже сможет любить своих врагов, то есть достичь Царствия Небесного. Если же мы не стремимся к этому, если мы не стремимся победить зло, которое пребывает в нашей душе: желание мстить, раздражение, разные страсти и грехи, – а живем с ним, срослись и не хотим от него отступать, то нас ждет страшная геенна огненная.

Царствие Небесное – это Царство чистоты, ничто нечистое в него войти просто не может. Представим себе комнату, залитую светом. Можем ли мы внести в нее темноту? Войдем в темную комнату, в ладошки наберем темноту, смотрим – там полная тьма; и вот мы ее вносим в свет, раскрываем ладони – нет темноты. Она исчезла, убежала опять в ту комнату, где нет света. Темнота не может свет выдержать. Маленькую свечку зажег – раз, и уже темнота от света отошла. Бог – это свет, поэтому ничто темное, что есть в нашей душе, в Его Царство войти не может. Душа может войти в свет, только если она очистится от тьмы и сама будет свет, пусть и очень маленький. Вот зажжем спичку в залитой светом комнате – хоть и крошечный огонек, а его видно, потому что и комната залита светом, и спичка – тоже свет; а свет соприроден свету. Так и наша душа, очистившись от греха, сама став светом, в свет войти может. Но если она срослась с тьмой, мы должны покаянием вырвать тьму из души и отдельно от души сжечь. Когда мы каемся на исповеди, то вырываем из своей души грех и, причащаясь Божественного огня, этот грех сжигаем. А если мы без покаяния приступаем к таинствам, то сжигается и наша душа, с которой грех сросся.

В конце времен Господь будет отделять злых от добрых, свет от тьмы – и тогда для одних будет свет, а для других будет скрежет зубовой. Это зависит от того, насколько душа очистилась. Поэтому цель нашей жизни на земле не что-то купить, что-то достать, кем-то стать, а самая главная цель – душу свою очистить от греха. А кто в результате своей жизни этого сделать не сможет, не захочет, не успеет, тот будет пенять на себя. Он будет сидеть в этом мраке и постоянно мучиться: что же я такой дурак? И будет зубами скрежетать, и слезы бессильные проливать, но уже сделать будет ничего нельзя, потому что душа срослась с грехом и эта нечистота, эта тьма не сможет войти в Царствие Небесное, не сможет войти в свет.

В Царствие Небесное возможно войти только живя на земле, только через Церковь. Поэтому у нас с вами предельно короткий срок. А мы об этом как бы и не думаем. Встал, помолился, пошел... Живем себе, что-то делаем, дни идут, месяцы идут, годы идут, а душа в том же самом состоянии, ничего не происходит, никаких процессов. Человек каждый раз на исповеди говорит: у меня одни и те же грехи. Ну и что дальше? Если не идет процесс очищения, с чем ты к Богу придешь? И кто будет в этом виноват? Поэтому большинство из тех, кто в церковь ходят, Царствие Небесное не увидят. Вот будет обидно. Спрашивается, зачем тогда ходим? Какой в этом смысл? Это имеет смысл только тогда, когда душа оживает, когда есть процесс очищения. А если мы не совершаем этого подвига христианского, если мы не стараемся преодолеть зло, грех в нашей душе, тогда наша жизнь есть полная бессмыслица, бессмысленная трата драгоценного времени. Как и наша цивилизация, которую люди создали, есть не только полная бессмыслица, но и величайшая глупость. Потому что с помощью технического прогресса мы уже почти себя удушили; осталось несколько десятков лет – и удушим совершенно. Человечество погибнет из-за собственного, как оно называет его, прогресса. Да здравствует наш паралич, самый прогрессивный в мире!

Вроде бы и это у нас есть, и то, и в космос полетели, а дышать нечем, пить нечего, есть нечего. И дальше все хуже: человек вырождается, люди становятся уродами, уже все больные: и сердце болит, и голова, и печень, и почки. Еще совсем немножечко, и все погибнет. А кто это сделал? Сами. Потому что лень трудиться, лень пешком ходить. Хотим все здесь пожить; здесь, на земле, устроить Царствие Небесное, устроить безбедную жизнь, чтобы всего было много. Если раньше один человек мог накормить десять человек, то теперь – тысячу, с помощью химикатов, удобрений, машин. Но качество продуктов уже совсем не то. И двигатели, которые используются, травят атмосферу. А вода с химикалиями, которой поливают, будет потом

сливаться в реки и портить воду. И так далее и так далее, с каждым годом все больше и больше. Оттого что человек стремится устроиться получше, пока он живет эти свои краткие семьдесят лет, он в результате свою жизнь делает хуже, потому что дьявол-то его обманывает. А самое главное – он Царствия Небесного лишается.

Человек желает иметь гарантированное земледелие, чтобы не зависеть от погоды. Мало ли что там Богу захочется, хорошую погоду дать или плохую – у меня должен быть урожай. Человек хочет без Бога создавать, хочет от Него отгородиться, устроить себе сам – и в результате себя только губит. Раньше крестьянин полностью от Бога зависел: Господи, только на Тебя одна надежда; вот я посеял, а что у меня вырастет, соберу ли я урожай – на это Твоя святая воля. И люди старались жить так, чтобы Бога не прогневить, потому что может быть и засуха или, наоборот, все водой зальет. Люди постоянно находились в связи с Богом. Жизнь была очень трудная, и работали-то от зари до зари, и все это очень тяжело доставалось, но в результате было и здоровье, была и сила, была и вера. А сейчас все есть и все нам даром достается: мы ничего не сеем, не жнем, а все едим, и одеваемся, и в тепле живем, и дрова никто не колет, и вообще все прекрасно. Но на самом деле и вера-то у нас слабая, и здоровья-то у нас нет, и счастья и радости мы тоже не видим. Жизнь здесь, на земле, мы себе вроде устроили полегче, а для души-то это все оказалось гораздо вреднее.

Царствие Небесное можно получить только тогда, когда человек жизнь свою отринет ради него. Что значит отринуть свою жизнь и в чем надо ее отринуть – это постигается постепенно. Поэтому если мы захотим Царствия Небесного, мы это поймем и научимся это делать. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 16 октября 1988 года

Покров Пресвятой Богородицы

Все люди стремятся к блаженству, к счастью, все хотят жить хорошо. И в сегодняшнем Евангелии Господь нам говорит, как этого достичь: надо слушать слово Божие и хранить его в своем сердце. Кто учился в школе, знает, что учителя наши чаще всего были недовольны тем, что у нас в одно ухо влетает, а в другое вылетает и ничего не остается. Это им было больше всего обидно.

Так и Господь. Он принес на землю слово Божие и хотел бы, чтобы оно как-то осело в человеке, чтобы он хранил его в своем сердце. Не только в уме хранил – этого недостаточно, потому что просто запомнить мало, это ничего не даст – до тех пор, пока человек не примет его сердцем. Только всем сердцем согласившись со словом Божиим, он будет жить так, как оно велит. Вот этого Господь и хочет, поэтому Он сказал: "Блажени слышавшие слово Божие и хранящие его". И нам надо этому научиться.

Мы ходим в храм и каждый раз слышим здесь отрывки из Евангелия, то есть маленькие частицы слова Божия. Евангелие нам надо вместить в себя полностью, но невозможно на каждом богослужении прочитать его целиком. Поэтому святая Церковь избирает отрывки – они называются по-славянски "зачала", – которые читаются в каждый день года и в каждый праздник особенный. Богослужение наше так устроено, что если ходить в храм ежедневно, то мы услышим все Евангелие. Однако мало кто может быть на службе каждый день, поэтому во всех странах мира воскресенье – день выходной, когда никто не работает. Так Господь устроил для того, чтобы в этот день люди могли прийти и послушать слово Божие. Для воскресных и праздничных чтений святая Церковь избирает такие отрывки из Священного Писания, которые наиболее для нас важны. Но, конечно, просто прийти в храм недостаточно, можно все мимо ушей пропустить и выйти пустым, потому что ты ничем не наполнился, ничего не понял, ничто в твою голову не проникло.

Сегодняшнее Евангелие от Луки, отрывок, который мы часто в храме слышим, называют Богородичным. Когда бывает праздник какой-нибудь иконы Божией Матери, или Ее Рождество, или отмечается любое другое событие, с Ней связанное, читается это зачатие о Марфе и Марии. Чему же оно нас учит? Мы знаем, что у человека очень много земных забот: ему надо поесть, попить и постель приготовить, надо и постирать, и убраться; все это занимает очень много сил и времени. И Господь не говорит, что это маловажно, но Он учит, что есть вещи более важные. Более важная вещь – это заниматься своим сердцем, духовной жизнью.

Можно и обед приготовить, в этом нет ничего дурного; можно и постель убрать после того, как встал, и это неплохо; можно даже полы подмести, и это хорошо. Но если мы живем так, что просыпаемся, готовим, чистим, моем, потом на работу идем и приходим домой уже обессиленными, дома отдыхаем, телевизор смотрим, ну а потом, сколько у нас осталось сил и времени, молимся Богу – то Господь говорит, что такая жизнь неправильная. Если мы будем так жить, мы не достигнем того, к чему стремимся, не достигнем блаженства. Надо, наоборот, сперва в храм сходить, сперва помолиться, сперва заняться своей душой, Евангелие почитать, а если время останется, тогда можно и покушать; если время останется, можно и поспать, и квартиру убрать, и постирать.

Но мы самое главное, к сожалению, оставляем на потом. Некоторые так и заявляют: мне некогда часто в храм ходить, я с внуками сижу. Что же в этом плохого? С внуками сидеть надо? Да, бывает такая необходимость. Но представь себе, что ты завтра умрешь. И что, твои внуки на улице останутся без призора? Нет? Значит, найдется возможность куда-то их пристроить? А вот спасут ли тебя твои внуки от вечной гибели? Господь учит: едино на потребу только есть. Потому что сколько ни стирай белье постельное – поспишь на нем некоторое время, и оно опять испачкается; сколько квартиру ни мой, все равно она будет грязная; сколько ни ешь, все равно есть захочется. То есть эти дела в некотором роде бессмысленны, потому что мы едим, едим, едим, а потом все равно умираем. Спрашивается, зачем мы истребили такое огромное количество пищи, если тело наше умрет; какой в этом смысл? Никакого. Но мы все о телесном помышляем и заботимся, а вот о душе нашей, которая бессмертна, которая никогда не умирает, – о ней нерадим.

Хорошо, если кто раз в неделю в храм придет; хорошо, если раз в несколько дней или раз в месяц подготовит свою душу к причастию; хорошо, если постарается какие-то заповеди Божии исполнять. Но ведь нужно, чтобы человек научился молиться непрестанно, заповеди Божии исполнял все – а он сидит телевизор смотрит. Ты что, уже Евангелие выучил? У тебя времени очень много? Как же ты кино смотришь? Ну какое может быть кино, когда ты еще не знаешь наизусть Священного Писания? Сперва ведь нужно знать, а уж потом исполнять. А человек не знает, и ему неохота. За чем-то другим он в очереди стоит, а Евангелия у него до сих пор нет, не может купить – лень или денег жалко.

Вот в чем наша беда. Поэтому жизнь наша такая тяжелая и мрачная, поэтому мы попадаем во всякие беды. Потому и с детьми мы так мучаемся, что кормить мы их кормили, поить поили, одевать одевали, да еще старались получше одевать, и все это оказалось никому не нужным делом. А вот душой ребенка никто не занимался, никто его не учил молиться, никто не учил его заповедям Божиим, никто его в храм не водил, никто его не причащал, на ночь его в постельке не благословлял. Так вот он и вырос. Естественно, мир-то злой, греховный; и он этим всем грехом пропитался. Порча ведь не сразу бывает, а постепенно. Даже яблоко в корзине, оно же не сразу гниет: сначала бочок немножко промялся; потом в этом месте начинает подгнивать, а потом все-все потихонечку и сгнивает. Так и душа человека: допустил зло – сначала злится немножко, потом все больше, больше, и так постепенно совершенно в злодея превращается, уже готов и детей малых, и жену свою бить смертным боем, и вообще все вокруг плохие, один только он хороший.

У каждого человека есть предрасположенность ко злу, мы люди грешные, уже рождаемся такими. Но один с помощью воспитания это зло в себе подавил и дал жить добру, а другой, наоборот, в результате своей жизни стал лицемером: прикидывается только добрым, а дома – злодей, истязатель, фашист, садист, от которого житья просто нет. На вид-то все благочестиво, все хорошо, улыбочка на устах играет – вот такое подлое лицемерие. Но Бог все видит, Бог все знает.

И если мы хотим быть христианами, хотим достичь блаженства, которое Господь нам обещает, то нам нужно жизнь свою исправлять. На первое место мы должны ставить участие в святых таинствах, посещение храма Божия, молитву, чтение Священного Писания. А если после всего этого время у нас останется, и силы, и возможности, то можно немножко и постирать, это не грех; если останутся силы, можно и обед сварить, можно даже и поспать. Это все совсем не плохо, но только если останется время. А у нас наоборот. Нам некогда молиться; некоторые так и говорят: мне молиться некогда. Ничего себе; как же это так? Бог нам все дает, а

нам молиться некогда, некогда в храм сходить.

Такое наше отношение к Богу называется грехом. Поэтому если кто у нас спросит когда-нибудь: объясни мне, пожалуйста, что такое грех, надо отвечать: грех – это наше поганое, неблагодарное, совершенно свинское отношение к Богу, Который нам дал и солнце, и землю, и воду, и жизнь всю нашу, и то, чем мы питаемся. Вот что Господь нам дал; мало этого, Он нам дал Церковь, Он отдал нам Свою жизнь, Он отдал нам Свою Кровь – Он все для нас отдал, только чтобы нас от греха спасти, отвратить нас от зла. Все, что у Него было, Он нам дал, а мы вместо благодарности Богу его забываем, то есть живем не по-Божьи, а живем жизнью дьявольской. И многие из нас, когда умрут, будут уверены, что их ждут райские кущи, Царство Небесное, но ничего этого не получают, потому что всю жизнь прослужили дьяволу – всю жизнь, от начала и до конца. Для молитвы выбирали самые неудобные часы своего дня, Богу уделяли какие-то крохи, как пословица говорит: "На Тебе, Боже, что нам негоже".

Мы отдаем Богу только остатки – вот если осталось немножко от того времени, которое мы себе уделяем, тогда уж Ему. Понятно, что такого отношения к Отцу Небесному быть не должно, оно недостойно Бога. Как же мы можем быть Его наследниками, наследовать Царство Небесное, вечное блаженство, когда к Богу так относимся, когда мы хотим себе только славы от людей, чтобы нас хвалили, чтобы себе все иметь, все себе приобрести, а истинного добра не ищем, истинного труда ради Бога у нас нет.

Вот этому нас учит сегодняшнее Священное Писание. Видите, маленький отрывочек, всего несколько строк, а открывается в нем бездна всякой премудрости. А если бы мы все Священное Писание знали, то вся голова наша и все сердце наполнились бы этой премудростью Божией. Вот и надо нам стараться свою жизнь таким образом устроить, чтобы наше сердце и голова, ум наш напивались словом Божиим. А то бывает так: воскресный день наступил или праздник, а у человека какие-то дела. Ну есть ли на свете дела важнее, чем спасение собственной души? Душа ли не драгоценней всего на свете?

Конечно, возможны такие обстоятельства, когда человек ну никак не может прийти в храм: собрался на службу – а его парализовало или трамвай переехал. Как ты с перерезанными ногами пойдешь? Понятно, никак. Ну так лежи и плачь, что все в храм пошли, а ты не можешь. Но нет, человек еще оправдывается: мне некогда, мне надо с людьми встретиться, они меня ждут, у меня очень важные дела. Какие дела? Ты посмотри на свою душу, сколько в ней зла, ненависти и всякого хамства, грубости! Чтобы эти авгиевы конюшни, полные навоза, очистить, сколько тебе времени понадобится!

Поэтому мы должны устремляться в храм, чем чаще, тем лучше. Чтобы действительно душу свою очистить, нам надо каждый день в храм ходить и быть здесь с утра до вечера. Но, к сожалению, так жизнь устроена, что многим приходится на работу идти, поэтому ну не может человек постоянно в храме молиться, но в воскресенье-то это наша святая обязанность. Раз ты крест на себе носишь, ты должен в храм ходить; хочу – не хочу, могу – не могу, а раз ты уж назвался христианином, раз ты крещеный, то надо. Потому что кто три воскресенья в храме не был, тот уже от Церкви отлучен, он уже, значит, никакой не христианин. Поэтому нам надо обязательно свою жизнь в этом наладить. Тогда и Господь, глядя на нас, будет доволен, что мы начали свою жизнь исправлять. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 14 октября 1989 года

Празднование иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость»

Господь сказал Своим ученикам: "Все предано Мне Отцем Моим". Что все? Весь мир сотворен Словом Божиим, через Слово. А Слово есть Иисус, Божественный Логос, поэтому все сотворено через Него. Как мы в Символе веры говорим: "Имже вся быша". Человек не может познать Бога, потому что Бог – Существо много выше его. Подобно тому, как ни одно животное не может познать человека; это недоступно его сознанию. Высшие животные, собака, корова, лошадь, еще могут знать человека. А низшие, какая-нибудь лягушка, – нет; просто изредка на нее что-то темное надвигается и на голову ей встает, а она не понимает, что с ней произошло.

Так же и человек – он не в состоянии познать Дух Божий, потому что в результате грехопадения сам лишился своей духовной жизни, отпал от Бога и постепенно стал

превращаться в животное. Человек трехсоставен: у него есть дух, душа и тело. И чем больше дух оскудевает в человеке, тем он больше напоминает животное. Действительно, когда мы смотрим на людей, на их поведение, на их поступки, естественно приходит мысль: а может быть, и правда человек произошел от обезьяны, потому что дела его похожи на дела обезьяны. Почти ничто не говорит о том, что человек от Бога произошел.

Животное не может управлять своими чувствами – чувство голода у него возникнет, или чувство гнева, или ему захочется попрыгать. Трудно себе представить мартышку, которой вдруг захотелось бы попрыгать, но она сама себе сказала: нет, сейчас прыгать не время. Такую команду себе дать может только человек, у которого над его чувствами, над его душой есть еще нечто – дух. Но большинство людей, живущих на земле, управлять собой не в состоянии. Они стараются, наоборот, весь мир подчинить своим желаниям – то, что мне хочется, то я и стараюсь делать. И живя так, по-обезьянни, человек очень быстро переходит в соответствующее состояние. Поэтому естественно, что Чарльз Дарвин решил: человек, наверное, произошел от обезьяны, ведь он во всем похож на нее, и внешне, и внутренне. И недаром эта идея родилась только в девятнадцатом веке, причем в конце, раньше такая кошунственная мысль никому не могла в голову прийти, потому что именно с девятнадцатого века начался массовый отход человека от Бога, от источника духовной жизни. И поэтому, конечно, человек стал деградировать духовно и превратился в свинью, в обезьяну, в тигра и так далее.

Но теперь, в двадцатом веке, мы наблюдаем падение еще более глубокое. Если взять какого-нибудь среднего москвича или жителя Казани или Самарканда и рассмотреть его жизнь, мы увидим, что обезьяна – существо, гораздо более высоконравственное. Она никогда не сделает такого, что делает человек. То есть, оказывается, падение возможно еще ниже: люди ушли из области звериной в область демоническую, они во многих своих поступках стали хуже животных, гораздо хуже. Животное очень трудно заставить есть какую-то гадость, которая ему вредна, а человек это делает и пьет напитки, которые его отравляют, делают его дураком, безумцем. Животное такого делать не будет, если только специально с помощью каких-то хитростей не пристрастить его к греховным занятиям. А человек так поступает сам. Это происходит оттого, что он отошел от Бога и удаляется все дальше и дальше, в бездну сатанинскую. Поэтому люди совершают иногда сатанинские дела, которые с точки зрения здравого смысла не имеют никакого объяснения.

И в древности случались всякие преступления, но они были как-то хоть целесообразны. Например, убить для того, чтобы ограбить, – это понятно. Или на большой дороге схватить, что-то отнять. У него есть, у меня нет – и я отнял. Это понятно. Но теперь мы встречаемся с такими поступками, которые никак нельзя понять. Вот едет человек в лифте и выламывает микрофон. Зачем? Этим микрофоном нельзя воспользоваться – значит, просто сломать. Или взять в подъезде и плюнуть на пол – поступок, совершенно непонятный с точки зрения здравого смысла. Зачем в своем доме делать грязь? Это не укладывается в голове. Даже кошка так не поступает, более примитивное животное, чем обезьяна. Кошка никогда не будет гадить там, где она живет, – только когда она оказалась в закрытом помещении и как бы вынуждена. А человек, который может космический корабль создать, на Луну полететь или сердце от одного к другому пересадить, – этот человек такие вещи делает. А причина – в уходе от Бога.

И вот однажды в середине человеческой истории Господь, сжалившись над человечеством, решил открыть Себя людям и послать в мир Своего Сына Единородного, Который родился от Пречистой Девы Марии, стал Иисусом Христом, вочеловечился, то есть Бог стал человеком. Зачем? Мы ведь знаем, к чему это привело: этого Бога возненавидели, оклеветали, оплевали, избили и распяли на Кресте за то, что Он пришел, – вот человечество какой благодарностью ответило на Его любовь. А Он пришел, чтобы человека соединить опять с Богом, потому что люди настолько удалились от Него, настолько свою духовность потеряли, что они Бога почувствовать своим духом уже не могли. Поэтому Бог принял на Себя плоть человеческую, чтобы люди, познав человека Иисуса Христа, через него познали Бога. Потому что Христос говорил так: "Я и Отец – одно".

И Он Своим ученикам говорил еще: "Все предано Мне Отцем Моим, и кто есть Сын, не знает никто, кроме Отца; и кто есть Отец, не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть". Своим ученикам апостолам Христос открыл, что Он есть Сын Божий и что, познав

Его, они таким образом могут познать Отца; возлюбив Его, они возлюбят Отца; соединившись с Ним, они соединятся и с Отцом. И для каждого человека, живущего на земле, потерявшего свою духовность, появилась возможность вновь соединиться с Отцом Небесным, то есть пройти опять этот путь от глубин сатанизма к демонизму, потом к животному, далее к человеку и, наконец, войти в ангельский мир. Из той бездны падения, в которой человек оказался, вернуться снова к тому, к чему он призван по происхождению от Бога. Но это возможно только через Иисуса Христа.

Как это происходит? Господь основал Свою Церковь, которой дал Духа Своего. Поэтому каждый человек, соединившийся с Церковью, соединяется со Христом, так как Церковь есть Тело Христово. Соединяясь со Христом, с Его Телом, он тем самым соединяется и с Духом Божиим. Дух Божий поселяется в человеке, и тот начинает постепенно преображаться из демона и скотины в человека, а потом – в ангела.

Соединиться с Церковью скотина, конечно, не может. Мы не крестим ни быков, ни козлов, ни псов, потому что животное не может наследовать вечную жизнь. Поэтому прежде, чем соединиться с Церковью, человеку положено принести покаяние в своих грехах, во всех своих скотских поступках, то есть отказаться от скотской жизни. Для этого не надо никакой духовной жизни – просто нужно взять и сказать: я не буду пьянствовать, я не буду воровать, я не буду убивать, блудить, желать чужого, завидовать, хотеть того, что мне не принадлежит, а буду чтить отца и мать, буду знать Единого Бога и не буду поклоняться иным – лжебогам. Все очень просто, тут никаких сверхъестественных сил не надо – просто решить: я больше не буду скотиной.

И когда человек отказывается от всего скотского, он может приступить к крещению, которое и есть начало жизни духовной, то есть возрастания во Иисусе Христе. Поэтому если человек опять возвращается к своим прежним проступкам, духовное движение его сразу прекращается, он сам отлучает себя от Церкви. Допустим, если голодная собака утащила пачку масла, она не несет за это никакой расплаты, потому что она – животное. Но человек, укравший пачку масла, тем самым выводит себя из Церкви. Крещение его отныне как бы недействительно, оно уже перестает действовать как прививка дичка к плодоносному дереву Церкви Христовой, потому что он отсек себя от истинной виноградной лозы. И вернуться в Церковь он может только через покаяние.

Если человек осознает свой поступок, поймет, какая это глупость была, что ради пачки масла он лишился Царствия Небесного, придет в Церковь и скажет ей: прости меня; и если Церковь через священника его простит, он может опять соединиться с ней и опять начать новую жизнь – с нуля. Но тот период, который он прожил от крещения до этой кражи, будет вычеркнут. За это время человек мог духовно взлететь до небес – но он перечеркнул все, он с горы упал вниз. Как в детской игре, когда кидают кубик и передвигают фишку и вдруг, дойдя до какого-то красного значочка, падают вниз и начинают все сначала, – так же и здесь. И понятно, упав с горы, опять начать восхождение наверх гораздо тяжелее, чем с самого начала постепенно, но неуклонно идти вперед. Вот о чем эти слова, которые приводит Господь: Отца "не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть". Поэтому только соединившись со Христом, со всей Церковью можно прийти к Отцу Небесному.

И дальше Господь, "обратившись к ученикам, сказал им особо: блаженны очи, видящие то, что вы видите! ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали". То, что мы слышим в Священном Писании, выдумать нельзя, до этого вообще нельзя додуматься, это есть откровение Божие. И поэтому Господь, обращаясь к Своим ученикам, а через это слово и к нам с вами, как бы говорит: вы блаженны, вам можно позавидовать, вам дано такое учение, вам дана такая возможность, что от сатанизма и скотства вы можете стать людьми и ангелами; многие, кто жили до вас, страшно хотели бы это приобрести, а вам это дано.

Обращаясь к ученикам, Господь сказал: блаженны вы. И мы с вами можем достичь этого блаженства. А каким образом оно достигается, сказано во втором Евангелии, которое мы тоже сегодня читали. В нем рассказывается эпизод, когда Христос пришел в дом к двум сестрам, Марфе и Марии, и стал, по обычаю Своему, говорить о Царствии Божием. Мария села у ног и, раскрывши рот, Его слушала, а Марфа хлопотала по дому, готовила еду, постели, потому что

был уже вечер. Ну и, конечно, она возмутилась: Господи, скажи ей, пусть она мне поможет; что же это я одна работаю, а она сидит, как будто делать ей нечего. И Господь сказал: "Марфо, печешися и молвиши о мнозе, едино же есть на потребу". Все твои дела и заботы – это ничто по сравнению с Царством Небесным.

Все наши дела земные по сравнению с тем, что мы можем приобрести, есть ничто. Поэтому Господь сказал: "Мария избрала благуя часть". Человек, который изберет эту благуя часть, во главу своей жизни будет ставить слышание слова Божия. Господь, когда одна женщина прославила Его и Его Пречистую Матерь, сказал: "Блажени слышащие слово Божие и хранящие е". Что значит хранящие? Большинство из нас как воспринимают слово Божие? В одно ухо влетело, а в другое вылетело и не оставило в нас никакого следа. Ну да, какую-то информацию мы умом приняли, запомнили, но это не значит хранить в сердце своем.

Хранить в сердце – означает принять сердцем, исполнить. Если в слове Божиим сказано: "Молитесь за обижающих вас" – я уже тому, кто меня обижает, не буду выпарапывать глаза, не буду на него жаловаться всем подряд, а стану за него молиться. Вот если человек так поступает, значит, он принял слово Божие. А если он поступает как ему хочется, как ему нравится, как ему считается нужным и важным, то значит, этот человек не принял слово Божие.

Путь к Отцу Небесному идет только через Христа. Христос для того на землю и пришел, для того Церковь основал, для того апостолов научил, чтобы они передали нам это здоровое учение, как из животного сделаться ангелом. И каждому человеку на земле такая возможность дана, потому что Священное Писание переведено на все языки мира и любой знает, где существует Христианская Церковь.

Каждый человек независимо от национальности, от возраста, от пола может прийти и научиться, начать путь восхождения, но большинству земные хлопоты представляются более важными. И так обычно хлопочет человек всю жизнь, а когда умирает, то терпит большой урон, потому что все его хлопоты земные оказываются абсолютно ненужными делами: ни уму, как говорится, ни сердцу и ни ближним. Человек более всего нуждается в пище духовной, потому что дух вечен, а тело временно, оно имеет конец. Вот поэтому Господь Своим ученикам говорит, что они блаженны. Они избрали эту лучшую участь, они Его слушали, Ему внимали. И хотя, конечно, многого не понимали, многого еще не чувствовали, но из всех сил старались. Так вот, если и мы будем из всех сил стараться, то и нам откроется Отец Небесный, и мы Его почувствуем, и мы от своей скотской жизни придем к жизни человеческой, а не будем только копить, чтобы потом что-то такое купить, на себя напялить и перед зеркалом крутиться – ну точно обезьяны. Как будто у нас других и забот нет, кроме: как я выгляжу, да как я чувствую себя, да как мое тело, в каком оно сейчас состоянии – больше ни о чем, только о теле да о внешнем виде.

Так мы и живем, к сожалению. А если мы хотим быть христианами, нам надо от этого отвращаться, иначе зачем тогда мы крестились? Какой в этом смысл, быть крещеным? Мы только подвергнемся из-за этого большему осуждению. Представим, что двое людей живут одинаковой грешной жизнью – этот живет в грехе, и тот живет в точно таком же грехе, только один крещеный, а другой не крещеный. Задача такая: кто в аду будет ниже? Крещеный будет ниже, потому что с него спрос совсем другой. Он должен заповеди выполнять не естественные: не убивай, не прелюбодействуй – это сказано для людей-зверей; а человек-христианин должен выполнять заповеди сверхъестественные – даже мысли блудные в голову не принимать, не то что до дела доходить. Вот что Господь требует.

Если некрещеный человек дал займы десять рублей и пришел срок, он говорит: мы же до седьмого договаривались, верни мне. И все, квиты, греха никакого нет – дал десять рублей и вернулось десять рублей, не наварил ничего, процентов не взял, все по-честному. Ну а если крещеный человек дал займы кому-то тысячу рублей и имеет наглость требовать назад? Как так, ты же крещеный, ты такого права не имеешь. В Писании сказано: "Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся", но разве сказано требовать назад? Нет, назад нельзя. Это же трудней исполнить? Трудней. Поэтому для крещеного человека задача в его жизни более сложная, более возвышенная.

Господь говорит: если даешь займы, сразу про это забудь. Отдали тебе – хорошо. Не отдали – еще лучше. Избавляйся от жадности, избавляйся от сребролюбия, считай, что

милостыню подал, и забудь про это дело, и будь спокоен, борись со своим гневом, не рассказывай никому, как тебя обманули, не кипи, если ты хочешь христианином быть. Докажи, что для тебя Царствие Божие важнее, чем деньги. Докажи именно на деле, покажи Богу. А Бог видит не только твой поступок, но и те чувства, которые ты испытываешь во время этого поступка. Так покажи Ему, что твое сердце совершенно не жалеет этих денег. А если друга ограбили? Вот тут помоги ему и деньгами, и знакомствами – чем сможешь.

Вот этого Господь и требует. Понятно, что эта задача более сложная духовно. И тот, кто крестился и этого не выполняет, оказывается гораздо ниже того, который поступки и худшие совершает. Но он не крестился, он ничего Богу не обещал. А у тебя священник спрашивал: отрекаешься от сатаны? И ты отвечал: отрекаюсь. Потом священник спрашивал: отрекся ты сатаны? И ты говорил: отрекся. Что же ты делаешь тогда дела сатанинские? Значит, ты врал? Кому? Богу? А теперь что хочешь? Поэтому и существует такое понятие, как Страшный суд. И пока мы на пути к этому суду, нам надо стараться от своей грешной жизни избавляться, коли мы носим на себе крест и крестили нас во имя Пресвятой Троицы. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 6 ноября 1989 года

Вторник седмицы 21-й по Пятидесятнице

"Случилось, что когда Он (Иисус) в одном месте молился, и перестал, один из учеников Его сказал Ему: Господи! научи нас молиться, как и Иоанн научил учеников своих". Господь молился Сам и тем подавал пример Своим ученикам. Нельзя никого научить тому, чего сам не умеешь. Поэтому воспитание наших детей часто бывает бесплодно, потому что мы призываем их к тому, чего не умеем, не делаем и не хотим делать. Вот это нам нужно очень хорошо запомнить.

Господь дал апостолам молитву, которую мы называем молитвой Господней и всегда поем на Божественной литургии; она входит в любой чин наших молитвословий как одна из главных молитв. Однако, читая разные Евангелия, мы видим, что ее текст немножко различается: у Матфея сказано: "Остави нам долги наша", а у Луки: "Остави нам грехи наша". Почему так? Апостолы, может быть, что-нибудь забыли или Господь два раза давал молитву и поэтому в ней есть какие-то разночтения? И неужели более поздние переписчики Евангелия не могли исправить, чтобы было единообразно? На самом деле в этом усматривается очень важный для нас смысл.

Многие люди к молитве относятся как к магическому действию, ищут каких-то особых молитв, думают, что сам текст имеет некую силу. Поэтому часто к священникам обращаются: батюшка, какую мне молитву читать? И то, что Господь даже разночтения дал в самой главной молитве, показывает, что совершенно неважно, что читать. Дело не в словах, а в смысле. Какие у нас долги перед Богом? Это наши грехи. Поэтому можно и так говорить, а можно и так. Не в этом суть, а суть в том, чтобы молитва шла от души и чтобы мы понимали, какой смысл в ней заключен.

Некоторые почему-то считают, что важно, когда молиться: в двенадцать часов ночи вставать, или в три, или утром. Собственно, а какая разница? У нас утро, а во Владивостоке в это же время уже вечер. Бог-то везде один. Если у нас лето, то в южном полушарии зима. Какая разница когда? Не это главное – не время и не порядок слов. Это совершенно не играет никакой роли, а главное, как человек молится, с каким чувством и с каким пониманием. Вот что важно. Святой угодник Божий новопрославленный Феофан Затворник поэтому рекомендовал все молитвы сначала прочитать просто сидя, изучить, даже с карандашиком, посмотреть, чтобы каждое слово было понятно. Если что-то непонятно, в словарь посмотреть или спросить у человека знающего, чтобы молитва не была механической.

А молитва Господня есть образец всех наших молитв, по ее образу составлены все молитвословия Православной Церкви, и сама она очень поучительна, если ее разобрать. Сейчас мы на некоторых местах ее остановимся.

"Отче наш..." Мы, обращаясь к Богу, называем Его Отцом, потому что Он нас создал. И Он не только наш Творец, а действительно является нам Отцом, потому что усыновил нас через Сына Божия: соединившись с Сыном через крещение, мы соединяемся с Церковью, а Церковь –

это Тело Христово. Раз мы соединяемся с Телом Христовым, значит, усыновляемся Богу Отцу. Но Он Отец не мой, а наш – значит, все люди, которые обращаются к Богу и считают Его Отцом, нам братья и сестры. То есть в слова "Отче наш" мы вкладываем понятие о Церкви и о нашей принадлежности к ней.

"Да святится имя Твое". Имя Божие – это тот свет, к которому мы должны стремиться, ради которого должны жить, чтобы это имя прославлять, чтобы оно в нас сияло и мы этим могли светить и другим.

"Да приидет Царствие Твое". Приидет к нам, в наши сердца, чтобы мы соединились с Царствием Божиим. "Царствие Небесное внутри вас есть", – сказал Господь. Здесь речь идет о Духе Божием, Который хочет в нас вселиться, соединиться с нашим сердцем. Мы должны молиться, чтобы Царствие Божие пришло в силу, чтобы мы вошли в это Царствие, а оно вошло в нас – не только в тебя самого, но и во всех, кто молится, во всех, кто хочет этого, во всех, кто к этому стремится.

"Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли". На небе воля Божия совершается, потому что все небесные существа полностью подчиняются Богу во всем. А на земле нет – человек отпал от Бога и вслед за падшими ангелами низвергнут был из рая, упал с той небесной высоты и остался лежать в грязи. И Господь пришел, чтобы нас опять на небо возвести, но для этого мы должны вернуться к повиновению. Ведь Адам пал, потому что нарушил волю Божию, и через это грех вошел в мир. И теперь у нас в душе настолько развилась злая воля, что мы, даже зная, что чего-то делать нельзя, что это нехорошо, это плохо, все равно делаем. Или по неведению совершаем какой-то грех. А это ведь ужасно, это значит, что мы уже не понимаем, где добро, где зло. Страшное такое ослепление. Поэтому мы и молимся о том, чтобы и на земле люди творили волю Божию, и прежде всего я сам, который молюсь в данный момент.

"Хлеб наш насущный подавай нам на всяк день". Здесь речь идет, во-первых, о том, что потребно для нашей жизни. Господь говорит: "Довольно для каждого дня своей заботы". Есть у тебя на сегодня одежда, пища и питье – и хватит, а о завтрашнем дне не думай. Будет завтра, если доживем, – тогда и будем молиться. Во-вторых, речь идет о хлебе именно насущном. Иоанн Кассиан Римлянин говорит, что это Хлеб Небесный, которым мы причащаемся, с которым соединяемся. То есть мы должны постоянно стремиться к причастию, мы должны желать соединиться с этим, как Господь Сам назвал его, Хлебом жизни, потому что он – податель жизни. Только Святые Тайны есть источник всякой духовности, и если мы не причащаемся постоянно, не желаем, не жаждем этого, то наша духовная жизнь оскудевает, потому что связь с Телом Христовым прерывается. Мы могли бы и не причащаться, если бы сохранили ту благодать, которую Господь дает нам в причастии: крестился, причастился, стал святым – и остался святым во веки веков. Но к сожалению, наша порочная воля направлена на грех, против воли Божией.

Если нас спросит кто-нибудь на улице: голубчик, скажи, пожалуйста, что такое грех? – мы должны ответить: это противление воле Божией. Поэтому грех – это не обязательно только кого-то убить, ограбить. Грехом является не обязательно поступок, но даже чаще всего отсутствие поступка, то, что мы не делаем никаких добрых дел, потому что все плохое из нас может уйти, только если мы его вытесним добрым. Грех, страсть можно вытеснить только противоположной добродетелью. Чтобы перестать быть жадным, нужно обязательно упражняться в щедрости. Если тебя обуревают гордость, то нужно обязательно стараться все время смиряться. Только так можно гордость победить, другого пути просто нет. Чревоугодие вытесняется воздержанием, блудность – целомудрием и так далее.

"И остави нам грехи наша, ибо и сами оставляем всякому должнику нашему". Вот условие нашего спасения. Мы все люди грешные. Если нас судить по нашим поступкам, ни одному человеку на земле нет пощады. Самый хороший человек по сравнению со святостью Божией есть величайший грешник. Поэтому Господь и говорит, что, даже "когда исполните все повеленное вам (а не было на земле человека, кроме Самого Христа, который все исполнил, все заповеди), говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать".

Все люди – рабы, ничего не стоящие, негодяи (от слова "негодные", то есть не годятся для Царствия Небесного). Поэтому мы можем надеяться только на милость Божию, на Его

прощение, которое Он нам дарует, когда увидит, что мы хотя и полные негодяи, но все-таки стараемся, то есть наша воля направлена на небо, а не на грех, и мы из этого моря греха, в котором живем и плаваем, хотим вынырнуть. Господь говорит: "В чем застану, в том и сужу". И если Господь видит, что человек реально хочет вынырнуть из этого моря греха, тогда Он ему помогает. И такого человека Господь прощает, то есть исцеляет от грехов – они у него проходят, как болезнь.

Но Господь поставил такое условие: если мы не будем прощать тем, кто против нас согрешил, Он не простит нам наших грехов. Почему такое на первый взгляд тяжелое требование? Дело в том, что Царствие Небесное – это Царствие Божие, и туда войти может только человек, который вернул себе подобие Божие. Поэтому и святых, которые в этом преуспели, мы называем преподобными: преподобный Сергей, преподобный Серафим. Они сперва были обычными мальчиками, но вот потрудились над своей душой – и стали во всем подобны Христу. Посмотрим на поступки Серафима Саровского – ну прямо в точности Иисус Христос: как Христос поступал, так и Серафим поступал. Он полностью исправил свою жизнь, стал подобным Богу. И вот раз Христос имел в Себе силы, чтобы молиться за тех, которые Его прибили ко Кресту, то и к нам Он предъявляет такие же требования, если мы желаем пойти за Ним и называться Его учениками. Поэтому обязательно нам нужно учиться прощать. Самое страшное, когда человек кого-то не простил: тем самым он себе закрыл вход в Царствие Небесное.

Человек может совершить какой-то тяжелый поступок – и Господь может это простить. Есть такой святой Варлаам Керетский. Он был священником и так приревновал свою жену, что убил ее. Представляете, священник, которому по правилам церковным курицу нельзя убить, убил – и не какую-то там чужую тетку, а родную свою жену. А мы его прославляем как святого. Как же так, убийца – и вдруг святой? Конечно, он был извергнут из сана. Тогда еще не было такой, как сейчас, системы наказания – судов, колоний, – но он наказал себя сам: положил тело жены на нос лодки и стал в этой лодке жить и так и умер в ней. Как царь Давид говорит: "Грех мой предо мною есть выну", то есть всегда. И его грех всегда стоял перед ним. И Церковь за этот подвиг причислила его к лику святых.

А епитимья, которую он на себя наложил, действительно ужасна. Я читал, что кто-то, чтобы изжить убийства на земле, предложил не наказывать преступников тюрьмой или смертью, а оставлять их рядом с убитыми навсегда, пока тело убитого не истлеет. Но этот метод сочли негуманным, потому что человек не сможет такого выдержать, он сойдет с ума. Убийца ведь обычно не думает о страданиях своей жертвы, о том, что другому больно, страшно. А когда он останется один на один со своим преступлением, тогда и начинается для него либо покаяние, либо ад. Для Варлаама Керетского – покаяние. И убийца достиг Царствия Небесного.

То есть на примере даже святых угодников Божиих мы знаем, что Господь может простить убийцу, но Господь не может простить человека, который сам не прощает. Мы можем и не убить никого, и не совершить страшных уголовных преступлений, но в Царствие Божие не войти из-за какой-то мелочи, которую кому-то не простили. Поэтому Господь эти слова поставил в самую главную Свою молитву: "Остави нам грехи наша, ибо и сами оставляем всякому должнику нашему". А в другой редакции этой молитвы сказано: "Яко и мы оставляем должником нашим". То есть как ты прощаешь, так и тебя Господь может простить.

"И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго". Апостол говорит, что Бог никого не вводит в искушение, мы испытываемся каждый своими похотями. Были бы мы святы, сатана не мог бы ничем нас соблазнить. Мы должны всегда помнить о том, что сатана ходит вокруг и хочет нас поглотить, как лев рыкающий. И только Господь нас может от этого защитить. Сатана всегда предлагает человеку хитрые соблазны, чтобы ввести в смертный грех, который сразу лишает его благодати Божией. А когда человек лишен благодати Божией, он отлучен от Церкви, от Христа. Тогда делай с ним все, что хочешь. Поэтому сатана и играет, как мячиком, пятью миллиардами людей и делает с ними, что хочет. И единственное, как можно этому сопротивляться, – это творением воли Божией.

Господь, научив учеников молитве, сказал им притчу: "Положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придет к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне займы три хлеба, ибо друг

мой с дороги зашел ко мне, и мне нечего предложить ему; а тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня, двери уже заперты, и дети мои со мною на постели; не могу встать и дать тебе. Если, говорю вам, он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему сколько просит".

Мы все по своей жизни отнюдь не друзья Божии, поэтому часто, когда просим нечто у Бога, Он исполняет не сразу. Потому-то люди всегда просили молиться угодников Божиих, приезжали даже за тысячу верст – только помолись. Потому что если уж святой попросит, Серафим Саровский или кто другой, Господь исполнит тут же. Он для батюшки Серафима сделает все, абсолютно все. Мы это видели на примере Мотовилова, который захотел узнать благодать Божию, и хотя сам к этому был совершенно не готов, но только Серафим попросил – и Господь дал ему испытать Царствие Небесное. Другому человеку для этого нужно сорок лет в посте и молитве провести, а здесь по одной молитве святого Господь совершает величайшее чудо.

На людей всегда производит впечатление, что молитва исполняется сразу: только попросил – и Господь сразу дал. Вот как Моисей попросил – и сразу манна небесная упала и весь народ накормила. Или как Илия Пророк мертвого воскресил. Вот это чудо. Ну а нам, грешным, Господь дает тот способ, каким образом мы должны молиться. И если уж не по дружбе даст Господь (потому что дружбу с Богом мы нарушили, мы ведь люди грешные, ничего не делаем для Бога доброго), то тогда по неотступности – то есть молиться мы должны долго. А то иногда: "Батюшка, я молюсь, и ничего". Спрашиваешь: "Сколько же ты молишься?" – "Уже неделю". Нет, так не бывает. Иногда молиться надо десять лет, двадцать, сорок, тогда Господь исполнит.

Мы своим детям никакого воспитания не дали: ни светского, ни церковного. И нет ничего удивительного в том, что наш сын в тюрьме, или пьянствовать начал, или с женой развелся. Это следствие того, что мы ничему доброму его не научили. И вот теперь, когда наше дитя великовозрастное попадает в какую-то беду, мы приходим и просим и хотим, чтобы немедленно дали какую-то особую молитву или чтобы батюшка помолился – и прямо тут же он бы исправился, тут же пить перестал или же его из тюрьмы выпустили, сразу сошелся с женой. Все чтобы опять мгновенно наладилось. Как же это возможно? Вот сколько ты недомолился, воспитывая его, сколько ты в него не вложил сил, эти все силы тебе теперь придется потратить на молитву за него, чтобы он встал на добрый путь. И может быть, он на этот добрый путь встанет лет в восемьдесят или в шестьдесят, но все-таки встанет. Цыплят считают по осени, говорят. Поэтому не надо отчаиваться, если у нас что-то сразу не получается, надо терпеливо молиться. А то часто бывает: замуж вышла, и вот муж теперь такой-сякой. Надо же было раньше смотреть. Надо было либо не выходить за него, либо уж теперь терпеть. Ну как его, уже взрослого человека, исправить так, чтобы он хорошим был, добрым, непьющим?

Раз уж сделана в жизни какая-то ошибка, то, значит, надо теперь молиться, просить у Бога, чтобы Господь Сам исправил. И молиться придется долго, долго, долго. А почему так? Неужели Богу трудно сразу исполнить? Нет, Богу не трудно. Бог может мгновенно помочь исправить человека. А почему же Он этого не делает? Да потому что то, что легко дается, мало ценится. Господь хочет научить нас молиться непрестанно. А если у нас есть в сердце боль за кого-то, то мы и будем все время, как святые отцы говорили, ударять молитвой в небеса, стучать. Господь сказал: "Толцые, и отверзется вам". Мы любим человека, допустим, а он в храм не ходит. Нам ведь хочется, чтобы он тоже ходил. Это понятно. Ну а как? Уговорами бесполезно – это же не маленький ребенок, которого спеленаешь и принесешь причастить. Нет, он не идет, он упирается, как бык. Что с ним делать? Только молиться, молиться долго, может быть, десятилетие. Тогда Господь – Он нам Сам обещал – нашу молитву исполнит.

Мы должны молиться и о том, чтобы Господь нас очистил от грехов. Вот какие видишь в себе грехи, надо их не просто на исповеди называть механически, констатировать, что там у тебя внутри: этим грешен, этим грешен – как на флюорографии. Какой в этом смысл? Нет, надо обязательно просить у Бога, чтобы Господь нас исправил, очистил; надо все время к Нему взывать, надо все время стараться, чтобы наша жизнь исправилась. Тогда в нашем хождении в церковь будет какой-то смысл.

И этим завершается сегодняшнее Евангелие: "Просите, и дастся вам". Видите, это не я вам

обещаю, Сам Христос говорит. Поэтому проси до тех пор, пока не будет дано. Но проси с верою, что это обязательно получишь. Если сомневаешься, то ли даст Господь, то ли не даст, тогда, конечно, ничего не даст. "Ищите, и обрящете". Чего искать? Известно чего: прежде всего Царствия Божия. Если будем его искать, если действительно эта мысль будет наш мозг сверлить: как достигнуть Царствия Небесного, – то найдем Царствие Небесное. "Толцые (стучите), и отверзется вам". Это о молитве.

"Всяк бо просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется". Вот какие утешительные слова. И мы находим подтверждение им в послании к Колоссянам апостола Павла, которое сегодня читали. Здесь речь о том же: "Посему... не перестаем молиться о вас и просить, чтобы вы исполнялись познанием воли Его (Бога), во всякой премудрости и разумении духовном, чтобы поступали достойно Бога, во всем угождая Ему, принося плод во всяком деле благом и возрастая в познании Бога, укрепляясь всякою силою по могуществу славы Его, во всяком терпении и великодушии с радостью".

Во всяком терпении, потому что без этого ничего не достигнем. Очень важная для нас, грешников, самая необходимейшая добродетель – это терпение. Гнев тебя душит – терпи. Тебе что-то хочется, а у тебя нет, зависть тебя мучит – терпи. На чужое заришься, хочется тебе стащить – не делай этого, терпи. Поболтать хочется – молчи. Хочется объесться – не объедайся, терпи, съешь сколько тебе довольно. Хочется включить телевизор – не включай, терпи. Хочется спать – нет, не спи, вставай, помолись. Не хочется сразу вставать, когда проснулся, хочется полежать – нет, потерпи, встань. И так во всем. Только таким образом терпение постепенно будем воспитывать. Как русская пословица говорит: "Господь терпел и нам велел".

А зачем нужно терпение? Дело в том, что оно воспитывает главную добродетель: от него рождается смирение. Весь мир возмущается русским народом, и как только его ни обзывают: и рабы, и вечно их ничем не стронешь, и живут хуже всех, и ничем их не расшевелишь. Почему русские такие? Потому что Бог любит Россию и очень много дал ей потерпеть. Уж сколько выпало на долю нашего народа, мало какому еще народу пришлось потерпеть. Поэтому и воспиталось это качество, смирение: а, ничего, и так хорошо – такое благодушное отношение к внешней, материальной жизни. Все хотят, чтобы наш народ в бизнес окунулся, чтобы все кипело, а ему это не надо, он не этого хочет, он хочет для своей души. Но Бога у него отняли, и вот он мучается, между пьянством и развратом застрял и не знает, куда ему деться. Вот в чем беда.

И вот долгое терпение рождает смирение. А смирение есть одеяние Божества. Если мы достигнем смирения, то достигнем спасения, потому что Бог только смиренным дает благодать. А достижение благодати Божией – это и есть пришедшее к нам в силе Царствие Небесное.

Это Евангелие очень для нас важно, и сегодня день такой особенный, который нам напоминает о терпении и о том, что нам еще придется перетерпеть. И очень удобно было об этом поговорить: сегодня выходной, и нам некуда особенно спешить. Поэтому я так подробно на этом остановился, чтобы нам постараться вникнуть умом и принять сердцем, что надо нам терпеть все, что происходит вокруг, и самих себя надо терпеть, и надо суметь носить тяготы друг друга. Да, мы все друг друга раздражаем: у кого нос не такой, у кого походка не такая, кто говорит как-то невнятно. Дети раздражают родителей, родители детей раздражают. Все тяжело. И нам надо научиться терпеть. Господь специально все так премудро устроил, чтобы в нас воспитать это качество.

Самое главное в жизни – не чего-то внешнего достичь, что-то материальное приобрести. Самое главное – суметь в течение нашей жизни приобрести терпение. Слава Богу, Господь нам в этом помогает и очередями, и многими другими вещами, которые приходится терпеть поневоле. Как удобно тренироваться в смирении: куда ни приди, тебя встречает только хамство – вот и тренируйся. Смотрит на тебя какая-то дама в магазине и в тебе даже человека не видит, у нее только задача, чтобы над тобой поиздеваться. Ну а твоя какая задача? Не вцепиться же ей в волосы, хотя и хочется, а потерпеть. И мы от этого очень много приобретем. Это промыслом Божиим так устроено, чтобы нас через это горнило провести, проковать нашу душу.

Господь нам помогает, хочет нас спасти. И мы не должны отвергаться этого спасения, мы должны его принимать. А если хочется нам нечто получить от Бога, то будем просить, умолять – и Господь нам обязательно даст. Аминь.

Крестовоздвиженский храм, 7 ноября 1989 года

Фотоархив

Молебен в Троице-Сергиевой Лавре на память преподобного Сергия, 1980 год

После литургии

Архимандрит Иона, будущий епископ Астраханский, возглавляет отпевание своего брата Виктора

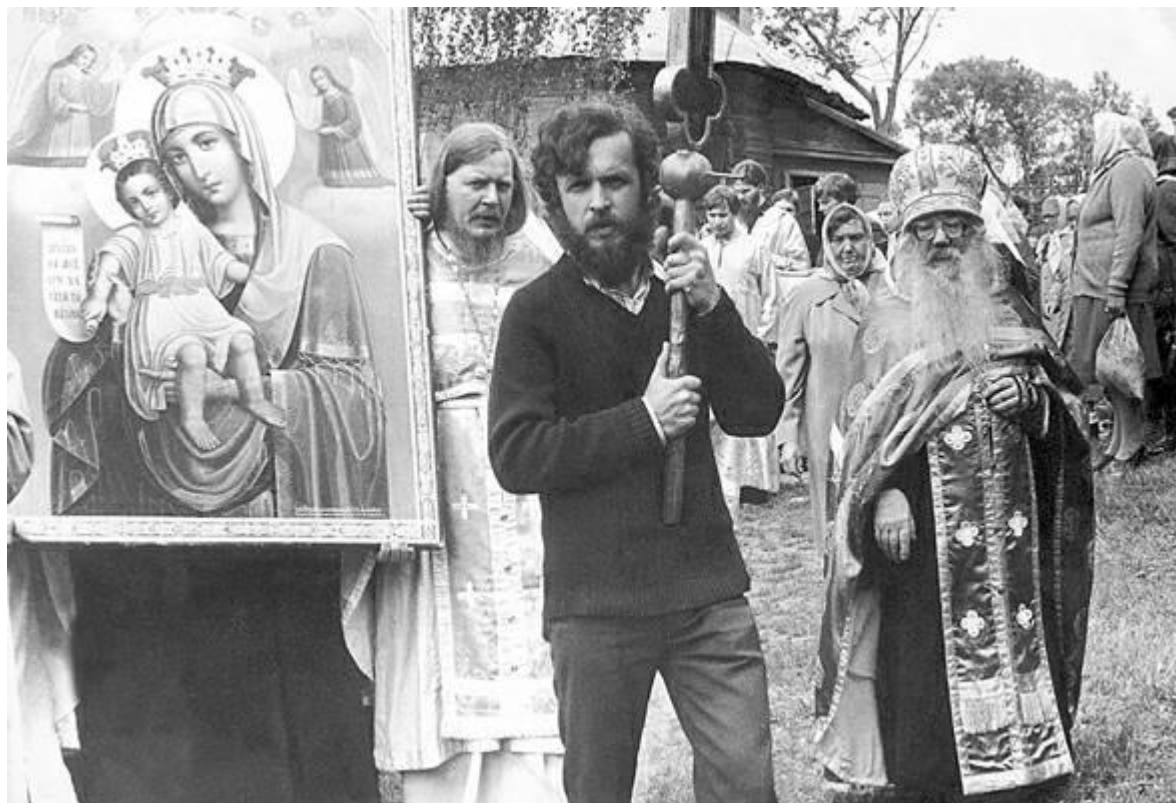
В Николо-Кузнецком храме

Пасха в Алтуфьево

Венчание

В гостях у отца Павла Груздева. Крестный ход на праздновании иконы «Достойно есть»